

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2024 Том 26 № 3

Политика в Черноморско-Каспийском регионе

Приглашенный редактор *С.С. Жильцов*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНПИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 20.06.2024. Выход в свет 27.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1060. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2024 VOLUME 26 No. 3

Politics in the Black Sea-Caspian Region

Guest editor *S.S. Zhiltsov*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board

RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Жильцов С.С. Черноморский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в глобальных процессах политического развития: представляю номер..... 455

ПОЛИТИКА ЕВРАЗИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Искаков И.Ж. Политические процессы на Евразийском континенте: предыстория и современность..... 466

Гарбузарова Е.Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе 477

Казимир Л.А. Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры 491

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН И КАВКАЗ: БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О., Самойлова Е.Е. Политика Ирана в области безопасности в Каспийском регионе 502

Мамедов А.В. Эволюция политического развития Республики Казахстан в постсоветский период 520

Dunamalyan N., Elamiryan R. Social Sciences in Armenia: Rethinking Politics and International Relations After 1991 (**Дунамалян Н., Эламирян Р.** Социальные науки в Армении: переосмысление политики и международных отношений после 1991 года) 531

ГЕОПОЛИТИКА ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

Азаренкова А.А. Теория и практика геополитического проектирования в современной Румынии 543

Ишин А.В. Влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе 556

Высоцкий П.А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе 569

РЕЦЕНЗИИ

Аватков В.А., Мишин Л.Д. «От Родины до Голубой Родины»: рецензия на книгу Gürdeniz C. Anavatandan Mavi Vatan’a. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 2021. 463 s. 584

CONTENTS

Zhiltsov S.S. Black Sea, Caspian, and Central Asian Regions in Global Processes of Political Development: Introducing the Issue..... 455

THE POLITICS OF EURASIA YESTERDAY AND TODAY

Iskakov I.Zh. Political Processes on the Eurasian Continent: Prehistory and Contemporary State 466

Garbuzarova E.G. Features of Political Processes in Central Asian Countries at the Present Stage..... 477

Kazimir L.A. Uzbekistan’s Foreign Policy Development: The New Benchmarks 491

THE CASPIAN REGION AND THE CAUCASUS: SECURITY AND DEVELOPMENT

Medushevskii N.A., Filin N.A., Koklikov V.O., Samoiloa E.E. Iran’s Security Policy in the Caspian Region 502

Mamedov A.V. The Evolution of the Political Development of the Republic of Kazakhstan in the Post-Soviet Period 520

Dunamalyan N., Elamiryan R. Social Sciences in Armenia: Rethinking Politics and International Relations After 1991 531

GEOPOLITICS OF THE BLACK SEA REGION

Azarenkova A.A. Theory and Practice of Geopolitical Design in Modern Romania 543

Ishin A.V. The Role of the “Crimean Factor” in Geopolitical Processes of the Black Sea Region 556

Vysotsky P.A. Geopolitics of the Black Sea Region: Key Problems of the Modern Era 569

BOOK REVIEWS

Avatkov V.A., Mishin L.D. “From the Motherland to the Blue Motherland”: A Book Review by Gürdeniz C. (2021). *Anavatandan Mavi Vatan’a*. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 463 p. 584

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465
EDN: BKKXQZ

Редакционная статья / Editorial article

Черноморский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в глобальных процессах политического развития: представляю номер

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ sergej-z71@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с общепринятым тезисом, который утвердился в научной литературе, считается, что роль Черноморско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов повышается и способствует динамичному развитию стран, которые в них входят. Действительно, под влиянием глобальных трансформаций, происходящих в мире, положение этих регионов, а также отдельных государств, значительно изменилось. Однако рассмотрение данного вопроса невозможно без критической оценки политики внерегиональных акторов: их роли в определении развития регионов и оказываемом влиянии на политические и экономические процессы в отдельных государствах. Хотя именно внерегиональные акторы зачастую определяли характер развития Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов и характер внутрирегиональных процессов. Именно внешние игроки последовательно встраивали каспийские, причерноморские и центральноазиатские государства в глобальные политические процессы, транспортные и энергетические проекты. Соответственно, странам этих регионов отводилась подчиненная роль. Хотя эти государства и разрабатывали собственные амбициозные геополитические проекты и долгосрочные программы развития, тем не менее итоги более чем тридцатилетнего развития Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов указывают на усиление зависимости от внерегиональных акторов и возросшую зависимость от происходящих в мировой политике и экономике процессов. Системный подход позволил исследовать значение Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов для внерегиональных акторов, их вклад в развитие мировой политики и экономики, выявить потенциальные направления их развития.

Ключевые слова: Каспийский регион, Черноморский регион, Центральная Азия, внерегиональные акторы, политический процесс

Для цитирования: Жильцов С.С. Черноморский, Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в глобальных процессах политического развития: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 455–465. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465>

© Жильцов С.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Black Sea, Caspian, and Central Asian Regions in Global Processes of Political Development: Introducing the Issue

Sergey S. Zhiltsov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russian Federation*

✉ sergej-z71@yandex.ru

Abstract. The common viewpoint, widely shared in the academic literature, is that the role of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions is increasing and contributes to the dynamic development of the countries that are part of them. Indeed, amid global transformations taking place in the world, the position of these regions, as well as individual states, has changed significantly. However, the analysis of this issue is impossible without a profound assessment of the policies of extra-regional actors: their role in determining the development of the area and their influence on political and economic processes in individual states. The extra-regional actors have often shaped the essence of development taking place in the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions along with the nature of intra-regional processes. In the meantime, external actors have consistently integrated the Caspian, Black Sea and Central Asian states into global political processes, logistic and energy projects. As a result, the countries of these zones were given a subordinate role. Although these states developed their own ambitious geopolitical projects and long-term development programs, nevertheless, the results of more than 30 years of development of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions point to their increased dependence not only on extra-regional actors but also on the processes taking place in global politics and economy. The system approach allowed the authors to determine the importance of the Black Sea, Caspian, and Central Asian regions for extra-regional actors, assess their contribution to world politics and global economy, to identify potential directions of their development.

Keywords: Caspian region, Black Sea region, Central Asia, extra-regional actors, political process

For citation: Zhiltsov, S.S. (2024). Black Sea, Caspian, and Central Asian regions in global processes of political development: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 455–465. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-455-465>

Введение

Формирование современного очертания Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатских регионов началось еще до распада СССР, в 1989–1990 гг. В тот период в странах Центральной и Восточной Европы с политической сцены ушли силы, которые ориентировались на развитие своих стран в рамках социалистической системы. Затем прекратила свою деятельность Организация Варшавского договора. В итоге после распада СССР в 1991 г. были образованы Черноморский и Каспийский регионы, а также Центральная Азия (до 1993 г. — Средняя Азия и Казахстан). Конфигурация данных регионов определялась географическими границами и тяготением прибрежных государств к Черному и Каспийскому морям. В этих регионах, несмотря на длительное нахождение

в составе социалистического блока, практически сразу обозначились различные внешнеполитические векторы, по-разному развивались политические процессы. В Черноморском регионе, такие страны, как Румыния и Болгария, проводили курс на вхождение в евроатлантические структуры. Турция попыталась усилить свое влияние в каспийских и центральноазиатских странах, одновременно сделав заявку на лидирующую роль в Черноморском регионе. Украина и Грузия проводили политику дистанцирования от России, при ориентации на развитие политических контактов с ЕС и США. В Каспийском регионе образовалось две группы государств, которые условно можно было разделить на страны, которые отстаивали самостоятельное развитие региона (Россия, Иран), и страны, которые рассматривали различные варианты расширения присутствия внерегиональных акторов (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан). В Центральной Азии доминировал подход, согласно которому формально все страны выступали за налаживание регионального сотрудничества. На практике внешнеполитические устремления центральноазиатских государств были направлены на получение поддержки со стороны внерегиональных акторов и привлечение их к решению собственных проблем.

Подобное многообразие государств, имеющих собственную историю, различные традиции и культуры, предопределило различия в их внутривнутриполитическом развитии и внешнеполитическом курсе. В то же время пространство, которое занимают Черноморско-Каспийский и Центрально-Азиатские регионы, оказалось вовлечено в глобальные политические процессы, которые стали разворачиваться в 1990-х гг.

Границы регионов: теория и практика

Прежде чем рассматривать вклад регионов в мировой политический процесс, необходимо определить, что они собой представляют, где проходят их границы и какими критериями руководствуются исследователи различных государств. Вопрос относительно того, что включать в Каспийский, Черноморский регионы и Центральную Азию, изначально носил в значительной мере прикладной, практический характер. Это было связано с политикой внерегиональных акторов, для которых с начала 90-х гг. прошлого века было важно определить свою политику в отношении новых независимых государств и обозначить границы новых регионов, в которые они входили. Впрочем, в тот период времени говорить о каком-то четком наполнении политики в отношении Каспийского, Черноморского регионов и Центральной Азии со стороны внерегиональных «игроков» не приходилось. Они не сразу заполнили геополитический вакуум, а оценивали перспективы Каспийского и Черноморского регионов и Центральной Азии, формируя региональную политику в новых условиях.

Наиболее активно Запад действовал в Каспийском регионе. К этому его подталкивали сведения о наличии в новых прикаспийских странах — Азербайджане, Казахстане и Туркменистане значительных запасов углеводородных ресурсов. В частности, США «активно приступили к проведению многоаспектной

и многогранной политики в Каспийском регионе, тем самым формируя новую модель международных отношений периода, наступившего после окончания холодной войны» [Писарев 1999: 376].

Можно отметить, что Каспийский регион, его значение для внерегиональных государств определялся природными ресурсами. При этом сами по себе нефть и газ Каспийского региона не интересовали США и ЕС. Углеводородные ресурсы выступали в качестве инструмента политики внерегиональных государств, которые рассчитывали использовать этот фактор в реализации своих долгосрочных интересов. Для прикаспийских государств нефть и газ, их добыча и будущие поставки на внешний рынок представляли особый интерес. Решения целого комплекса вопросов, связанных с углеводородными ресурсами, определяли геополитическое развитие региона. Обеспечение стабильного доступа к углеводородным ресурсам являлось одним из приоритетов внешней политики США. Как отмечали российские эксперты, «энергетическая политика занимает одно из центральных мест в системе внешнеполитических действий США, что несло в себе осложнения в отношениях с Россией на Кавказе и Центральной Азии» [Жизнин 2000].

Подходы к определению регионов со стороны государств, которые в них входили, опирались, в первую очередь, на субъективное восприятие общности исторического развития, которое часто отрицалось, а также характер отношений между региональными странами и внешнеполитическими акторами. Наглядным примером в этом плане может служить Каспийский регион, интерес к которому, а точнее, к отдельным прикаспийским странам, определялся наличием значительных запасов углеводородных ресурсов и прохождением через них транспортных путей. Однако первоначально, после распада СССР, понятие «Каспийский регион», которое активно употреблялось в периодической печати и научной литературе, в большей степени было основано на интуитивном понимании, нежели на четком определении, в основе которого лежали бы определенные характеристики. Причины подобной ситуации в значительной мере определялись серьезными расхождениями в подходах к решению региональных проблем со стороны прикаспийских государств (правовой статус Каспийского моря, принципы разработки углеводородных ресурсов и направления их поставок). Большое влияние оказывала политика внерегиональных акторов, прежде всего США и ЕС, для которых принципиальным вопросом было не допустить какой-либо консолидации прикаспийских государств под эгидой России. Следует отметить, что для Запада в концептуальном плане Каспийский регион не вышел за рамки пяти государств, хотя предлагались иные критерии. В частности, были предложения включать в Каспийский регион субъекты прикаспийских государств, выходящих на берега Каспийского моря.

В отличие от западных исследователей российские ученые предлагали разнообразные теоретические конструкции. Одной из «популярных» идей стал концепт «Большого Каспийского региона», в который включался более широкий круг государств, не только омываемых Каспийским морем [Маркелов 2020]. Ряд специалистов считали, что Каспийский регион простирается до Ближнего Востока [Sasley 2004]. Эту позицию разделял известный турецкий специалист

Мустафа Айдын [Aydin 2004]. Астраханский исследователь В.М. Викторин отмечал, что «каспийские области в составе каждого из прилегающих государств приобретали дополнительную специфику, здесь же складывались особые этнические и конфессиональные общества» [Викторин 2002].

Популярной была идея о формировании некоторой каспийской общности. Как правило, при этом апеллировали к общей истории прикаспийских территорий, подразумевая, что они были включены в широкие исторические процессы. Как писал президент Казахстана Н. Назарбаев, «привлекающий мировые геэкономические, экологические и биохозяйственные интересы, Каспий выглядит обособленным геополитическим регионом, способным объединиться в некую общность. Этому также способствует разделяемая всеми приграничными странами позиция о совместном использовании толщи воды. В силу этого Каспийский регион представляется как стратегический форпост, являющийся важным элементом геополитической ситуации в Центральной Евразии» [Назарбаев 2003].

Однако большинство представлений о возможности формирования единой общности и появлении единых позиций по наиболее актуальным вопросам разбивались о практическую политику Запада, который видел в Каспии прежде всего источник углеводородных ресурсов. Более того, западные государства были заинтересованы в обособлении и разъединении прикаспийских государств. В противовес данной позиции на саммитах лидеров прикаспийских государств постоянно подчеркивалось единство «каспийской пятерки»¹.

Ряд российских ученых предлагали рассматривать понятие «Каспийский регион» через систему концентрических кругов-поясов, в центре которой — Каспий, его потенциал и проблемы, возможности и вызовы [Войтоловский, Косолапов 1999]. Согласно этому подходу, «ядро» Каспийского региона образуют пять прибрежных государств: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан. Эти государства непосредственно «завязаны» на Каспии как с точки зрения использования его потенциала и возможностей, так и в плане неизбежности принятия на себя его проблем. Вторым элементом теоретической конструкции, которая определяла Каспийский регион, был «пояс» государств, которые участвовали в реализации или в будущем могли стать участниками нефте- и газопроводов, транспортных коридоров. К ним относили Грузию и субъекты РФ: Ингушетию, Осетию, Чечню, Ставропольский и Краснодарский края. В третий «пояс» включали государства, которые географически тяготели к Каспию, были с ним связаны через использование углеводородных ресурсов и инфраструктурные проекты и не попадали в две предыдущие категории. К таким государствам относят Турцию, Украину, Таджикистан, Саудовскую Аравию, Болгарию, Грецию, Армению и Узбекистан.

Данное определение региона имело существенный недостаток — оно не опиралось на четкие критерии. Тем не менее подобные теоретические построения

¹ Выступление Президента России на шестом Каспийском саммите. 29 июня 2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68779> (дата обращения: 13.06.2024)

оказались популярными среди российских ученых. Так, эксперт А.В. Грозин из Института стран СНГ считал, что регион Прикаспия в геополитическом плане включает в себя гигантскую территорию на стыке Европы и Азии. В него принято включать пять собственно прикаспийских государств. Кроме того, «околокаспийскими» являются страны субрегионов Северного Кавказа, Закавказья и громадные пространства Центральной Азии [Грозин 2000]. Схожую оценку давали и другие российские ученые [Малышева 2002], которые в Каспийский регион, помимо пяти прикаспийских государств, включали Закавказье, Центральную Азию и Турцию². В.С. Роман из Астрахани отмечал, что «в Каспийский регион принято включать южную часть Российской Федерации (Волгоградскую, Астраханскую, Ростовскую области, Ставропольский край, республики Калмыкию, Дагестан, Ингушетию и Чечню); Западный Казахстан, фактически весь Туркменистан, Азербайджан, Северный Иран и, естественно, само Каспийское море» [Роман 2002]. В свою очередь, иранист Е.В. Дунаева давала широкое определение: «Каспийский регион — это понятие, которое в узком смысле можно определить как бассейн Каспийского моря и прилегающие к нему территории». Более широкая трактовка — «регион, лежащий на границе Европы и Азии, вдоль исторически сложившейся в период „холодной“ войны линии Север-Юг, коридор по которому проходит размежевание двух цивилизаций: христианской и мусульманской» [Дунаева 1999]. Иранский международник Х. Гаффарзаде (Hamidreza Ghaffarzadeh) выделяет «Каспийский экономический хинтерланд» (The Caspian Economic Hinterland), определяя его как «административные единицы, выходящие на море»³.

Определение понятия «Каспийский регион» через энергетические ресурсы также наталкивалось на определенные проблемы. Не было четкого понимания: какие имеются объемы запасов углеводородных ресурсов, существовали сложности при реализации проектов трубопроводов. Соответственно, это не позволяло рассматривать данные факторы в качестве устойчивых характеристик Каспийского региона. «Каспийский регион характеризуется целым рядом структурно-территориальных особенностей, в числе которых: специфические природные условия; значительные, но не освоенные запасы полезных ископаемых; большой, но недостаточно используемый сельскохозяйственный, продовольственный, а также рекреационный потенциал; высокая концентрация промышленности в отдельных районах, которая оказывает на природу необратимое губительное воздействие; нестабильная социально-экономическая обстановка в условиях обострения этнических и религиозных проблем, характеризующаяся высокой вероятностью внутреннего вооруженного конфликта; наличие множества неурегулированных вопросов, возникших из-за появления государственных границ вместо административных. Все это в совокупности

² Турция в 1997 г. провозгласила себя прикаспийским государством.

³ Гаффарзаде Х. Выступление на международном семинаре независимых экспертов «Устойчивое развитие и региональная безопасность Каспийского моря и дельта его рек», 27–30 мая 2003 г., Астрахань.

серьезно нарушило существовавшие ранее хозяйственные связи и промышленно транспортную инфраструктуру, затронуло многие другие проблемы...» [Войтоловский, Косолапов 1999].

В отличие от российских ученых, которые включали в Каспийский регион значительные территории, зачастую удаленные на значительное расстояние от Каспийского моря, западные исследователи опирались на объективно существующие, хотя и не до конца четко определенные показатели. На одном из первых мест данного подхода находились энергетические ресурсы, которые занимали ведущее место в политике западных государств.

Иначе, чем от понятия «Каспийский регион» воспринималось определение «Черноморский регион». В политическом отношении практически все страны Черноморского региона отличались незавершенным характером процесса утверждения демократических принципов. Это касалось как Болгарии и Румынии, так и постсоветских государств, которые после распада СССР приступили к формированию политических систем на новых принципах. В геополитическом плане Черноморский регион представлял собой устойчивую конфигурацию интересов разных государств. Направленность Турции на доминирование в регионе, евроатлантические устремления Болгарии и Румынии, неустойчивое политическое развитие Грузии и Украины — все это предопределяло расхождение во внешнеполитических приоритетах. Сказывались различия в экономическом потенциале причерноморских государств, что привело к выделению лидеров развития — Турции, России и Украины, средних государств — Румынии и Болгарии, а также страны с незначительными экономическими возможностями — Грузии. В итоге ядро региона, если исходить из стран, которые омываются Черным морем, не складывалось. К этому добавилось влияние внешних сил, которые с момента распада соцлагеря, а затем и СССР, стали навязывать причерноморским государствам собственную внешнеполитическую повестку. Западные страны инициировали разработку энергетических и транспортных проектов, в которых странам Черноморского региона отводилась подчиненная роль.

Большое влияние на развитие региона, его позиционирование в современных политических процессах оказал энергетический фактор. В силу географического положения Черноморский регион изначально стал рассматриваться в качестве продолжения транспортных и энергетических артерий, которые брали начало в Каспийском регионе. В результате энергетический фактор оказал огромное влияние на позиционирование региона в мировой политике, если исходить из его встроенности в интересы западных государств. Более того, западные страны активно продвигали проекты, которые были направлены на то, чтобы через энергетические потоки замкнуть Центральную Азию, Каспийский и Черноморский регионы, обеспечив их геополитическое сближение с Европой. Эта амбициозная задача активно продвигалась США, ЕС и Турцией, которые выступали сторонниками формирования транспортно-энергетических маршрутов, идущих в направлении Восток — Запад. В 90-х гг. прошлого века с подобными инициативами активно выступали США, предлагая формировать новые энергетические потоки, которые рассматривались в качестве геополитического

каркаса огромного пространства, занимаемого Центральной Азией, Каспийским и Черноморским регионом [Жильцов С.С., Зонн И.С. 2009].

В широком понимании Черноморский регион представлял собой мозаику политических интересов причерноморских государств, которые постоянно дополнялись внерегиональными акторами. После распада СССР регион перестал восприниматься как европейская геополитическая периферия. Он стал рассматриваться в качестве перспективного региона, «геополитического моста», соединяющего Каспий и Центральную Азию с Европой. Тем более что исторически Черноморский регион неразрывно был связан с Каспийским, образуя единое целое с точки зрения торговых путей и экономических связей. Вступление в 2004 г. в НАТО, а в 2007 г. — в ЕС вывело европейское интеграционное объединение на берега Черного моря, а вместе с этим — поставило вопрос о реализации долгосрочных не только политических, но и экономических задач.

В широком географическом плане, если страны, которые входят в Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и не связаны с Черным морем, регион является местом пересечения различных геополитических сил. Здесь пересекаются экономические, транспортные и энергетические интересы как региональных, так и внерегиональных государств.

Помимо шести государств, которые исторически имеют выход к Черному морю — Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция и Украина, к региону можно отнести и Молдавию, которая получила выход к морю за счет постройки порта в Джурджулешты. Он расположен в 134 км от Черного моря на левом берегу реки Прут и Дунай в селе Джурджулешты. Если добавить к этим странам Армению, Азербайджан и Молдавию, то получится «Большой Черноморский регион». Часто употребляют понятие «Большое Причерноморье», которое «объединяет страны, имеющие общие интересы, прежде всего, в сфере экономики и безопасности, связанные общностью исторических и культурных традиций. Географически оно объединяет страны Юго-Восточной Европы — Балканы и Кавказ, а также прибрежные государства Северного и Южного Причерноморья» [Средиземноморье... 2006: 30–31]. В материалах, подготовленных ко времени обнародования инициативы ЕС для Черноморского региона (2007 год), к региону были отнесены Греция, Болгария, Румыния, Молдавия, Украина, Россия, Грузия, Армения, Азербайджан и Турция.

Понятие «Центральная Азия» появилось в 1993 г. До этого времени этот регион включал в себя четыре государства Средней Азии и Казахстан. Центральноазиатские государства стремились рассматривать себя в качестве геополитической единицы [Гарбузарова 2022]. Однако единство региона носило условный характер. Более того, в Центральной Азии в 1990-х гг. усиливались дезинтеграционные процессы, прежде всего, из-за нерешенных водно-энергетических проблем и однородности экономик центральноазиатских государств. Препятствием на пути достижения регионального сотрудничества (попытки интеграционных проектов оказались нереализованными) выступали политические амбиции лидеров центральноазиатских государств, которые стремились к политическому доминированию. Кроме того, все страны Центральной Азии,

при сходстве подходов к политическому управлению, имели разную историю, традиции и менталитет.

Центральная Азия оказалась под мощным влиянием внерегиональных акторов. Использование многосторонних механизмов взаимодействия и инфраструктурные проекты, инициированные Западом и Китаем, усилили вовлеченность центральноазиатских государств в орбиту интересов внерегиональных государств [Kechagias 2023].

Современный этап

Дискуссии относительно роли Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов продолжались в последние годы. Общим утверждением, которое находило отражение в значительном количестве научных работ российских и зарубежных авторов, является тезис о возрастании их роли в мировой политике, экономике, энергетике. С этим сложно не согласиться. Однако вне рассмотрения оставался и до сих пор актуален комплекс вопросов, связанных с определением степени влияния внерегиональных акторов на развитие данных регионов. Их вовлеченность в международные инфраструктурные, энергетические и геополитические проекты, как правило, получают положительные оценки. В то же время подобное участие усиливает зависимость от политики внешних игроков, которые точно определили место и значение регионов и отдельных государств в своей политике. Соответственно, теоретические оценки и практические подходы при реализации политики внерегиональными акторами направлены на недопущение политической консолидации внутри регионов, расширение их внутрирегионального экономического взаимодействия.

Это четко прослеживается на примере Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов. Так, в последние тридцать лет политические и экономические связи причерноморских, каспийских и центральноазиатских государств в рамках указанных регионов не получили значительного развития, в то время как с внерегиональными игроками они укрепились и вышли на новый уровень. Политическое развитие Каспийского региона скрепила Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.), закрепив приоритет «каспийской пятерки» в решении ключевых проблем. Однако документ не повлиял на экономические связи прикаспийских государств с внерегиональными акторами и, тем более, на появление и реализацию различных инфраструктурных проектов. При этом большая их часть инициирована извне и не оказывает консолидирующего влияния на развитие стран региона. Курс на превращение Каспийского региона в сырьевой придаток был инициирован после распада СССР западными странами и получил в дальнейшем практическое подкрепление. Для реализации данной задачи были разработаны трубопроводные проекты поставок углеводородных ресурсов. Наиболее значимыми энергетическими проектами в Каспийском регионе стали нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум, а также «Южный газовый коридор», который обеспечит доступ каспийским углеводородным ресурсам из Азербайджана на европейский рынок.

Схожая ситуация наблюдается в Черноморском регионе, за которым прочно закрепилась роль транзитера энергетических ресурсов и «моста» в реализации транспортных коридоров. Так, за Черноморским регионом закрепилась роль транзитера каспийских углеводородных ресурсов. Реализация нескольких трубопроводных проектов не изменила роль региона, который интересен для внерегиональных акторов в качестве «моста» между Каспийским регионом и Европой.

Центральная Азия стремилась повысить самостоятельность в мировой политике и экономике. Однако идеи развития регионального сотрудничества и формирования общей региональной повестки, которые обсуждались в 1990-х гг., но так и не были реализованы, входили в противоречие с интересами внерегиональных акторов. Китай, США, ЕС, Индия, Турция и другие продвигали свою политическую повестку, направленную на вовлеченность центральноазиатских государств в сферу своих геополитических интересов и использование их территории в качестве составной части транспортных маршрутов. Не случайно в одном из исследований, посвященных Центральной Азии, отмечалось, что «снижение уязвимости к внешним факторам возможно через укрепление внутренних источников роста. Странам региона необходимо преодолеть четыре ключевых структурных вызова — это отсутствие выхода к морю, ресурсная зависимость и низкий уровень развития финансового сектора, рассогласованность в водно-энергетической сфере, климатические изменения» [Винокуров 2022: 10].

Большое влияние на развитие стран Центральной Азии оказывали внутриполитические события. Государства данного региона продолжали развиваться в русле привычных методов, опираясь не на демократические принципы, которые формально все поддерживали, а на основе традиций, предполагающих наличие авторитарной власти, которая концентрировалась у президента [Жильцов 2016].

Данный выпуск журнала посвящен политическому развитию Черноморского, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов, их роли в мировой политике. Исследователи из разных образовательных и научных центров России и других стран представили материалы теоретического и эмпирического характера по широкому кругу актуальных вопросов.

Поступила в редакцию / Received: 11.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Викторин В.М.* Ареалы Прикаспия как специфическое Евразийское приграничье // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2002. № 1. С. 40–46.
- Винокуров Е., Ахунбаев А. и др.* Экономика Центральной Азии: новый взгляд // Доклады и рабочие документы 22/3. Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития, 2022.
- Войтоловский Г.К., Косолапов Н.А.* Особенности геополитической ситуации в Каспийском регионе // Европа и Россия: проблемы южного направления. М.: ИНТЕРДИАЛЕКТ+, 1999. С. 307–322.

- Гарбузарова Е.Г. Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана. М.: Аспект Пресс, 2022.
- Грозин А.В. Похмелье туранизма. Каспий как эпицентр возможных кризисов XXI века // Вестник Каспия. 2000. № 6. С. 24–31.
- Дунаева Е.В. Каспийский регион и Иран // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИВ РАН, 1999. С. 129–137.
- Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия США // США и Канада. 2000. № 2. С. 72–94.
- Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009.
- Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 23–31.
- Мальшева Д.Б. Россия и Каспийский регион: проблемы безопасности развития. М.: ИМЭМО, 2002.
- Маркелов К.А. Концепт «Большого Каспия» в контексте геополитического измерения // Современная наука и инновации. 2020. № 2. С. 114–123. <https://doi.org/10.33236/2307-910X-2020-2-30-105-113>
- Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы: Атамұра, 2003.
- Писарев В.Д. Политика США в Каспийском регионе // Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье-Черноморье-Каспий / ред. В.В. Журкин и др. М.: Интердиалект+, 1999.
- Роман В.С. Геополитические факторы в тенденциях экономического развития Каспийского региона. Каспий — место столкновения интересов // Единый Каспий: международное сотрудничество проблемы экономического и социального развития региона. Астрахань, 2002. С. 34–45.
- Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М.; 2006. С. 30–31.
- Aydin M. Oil. Pipelines and Security: The Geopolitics of the Caspian Region // The Caspian Region. A Re-Emerging Region / ed. Grammer Moshe. Routledge. 2004. № 1. <https://doi.org/10.4324/9780203005118>
- Kechagias A.-E. Between China and the Mediterranean: Detecting Intercultural Communication Before the Silk Road // Cities' Vocabularies and the Sustainable Development of the Silkroads. SRSTDCH 2023. Advances in Science, Technology & Innovation / ed. by S. Kostopoulou, G. Herrera-Franco, J. Wood, K. Al-Kodmany. Springer, Cham, 2023. P. 117–127. https://doi.org/10.1007/978-3-031-31027-0_10
- Sasley B. The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns / ed. Tchantouridze Lasha. Winnipeg: Center for Defense and Security Studies. University of Manitoba. 2004.

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627)

ПОЛИТИКА ЕВРАЗИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ THE POLITICS OF EURASIA YESTERDAY AND TODAY

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-466-476
EDN: BJXDIU

Научная статья / Research article

Политические процессы на Евразийском континенте: предыстория и современность

И.Ж. Искаков

*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

✉ iiel2002@mail.ru

Аннотация. В настоящее время особую важность приобретают вопросы геополитических изменений на евразийском пространстве, тесно связанных с дальнейшим развитием процесса евразийской интеграции. Объектом изучения явились политические процессы в Евразии, в том числе проблемы формирования многополярного мира. Для этого необходимо провести сопоставление опыта продвижения России на восток континента и текущих политико-экономических событий. В исследовании использованы научные работы отечественных и зарубежных авторов по вопросам развития взаимоотношений между Российской империей, Советским Союзом, Российской Федерацией и обитателями Великой Степи, а также новыми государственными образованиями, появившимися после развала СССР. Для анализа применены исторический, сравнительно-аналитический, трансдисциплинарный подходы и другие общенаучные методы. Результаты исследования обсуждались на научных конференциях в странах Евразии, на Евразийском научном форуме в Санкт-Петербурге. Проведенный анализ позволил на основании принципа историзма показать влияние политических процессов и событий прошлого на внешнюю политику современных политических акторов в Среднеазиатском регионе и их позицию в отношении России. Уделено внимание факторам усиления русофобских настроений в среде новых политических элит, что серьезно осложняет межгосударственные отношения на континенте, а также уточнению некоторых понятий (например, «Центральная Азия»), применяемым в современном политологическом лексиконе. Представленные материалы и выводы будут способствовать объективации текущих исследований и экспертных оценок политических процессов, политических акторов, изменений политических реалий в Среднеазиатском регионе, а также развитию межгосударственных, межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе.

© Искаков И.Ж., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Евразия, политические процессы, Россия, Великая Степь, евразийская интеграция, предыстория, современность

Для цитирования: Искаков И.Ж. Политические процессы на Евразийском континенте: предыстория и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 466–476. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-466-476>

Political Processes on the Eurasian Continent: Prehistory and Contemporary State

Irlan Zh. Iskakov

*University under the Interparliamentary Assembly of EURASEC, St. Petersburg,
Russian Federation*

✉ iiel2002@mail.ru

Abstract. These days the issues of geopolitical changes in the Eurasian space, which are closely related to the further development of the Eurasian integration process, have become particularly important. The object of the study was the political processes in Eurasia, including the problems of the formation of a multipolar world. In studying them, it was considered necessary to compare the experience of Russia's advance to the east of the continent and current political and economic events. The work uses scientific works by domestic and foreign authors on the development of relations between the Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation and the inhabitants of the Great Steppe, as well as new state entities that appeared after the collapse of the USSR. Historical, comparative analytical, transdisciplinary approaches, and other general scientific methods are used for the analysis. The results of the study were discussed at scientific conferences in the countries of Eurasia, at the Eurasian Scientific Forum in St. Petersburg. The analysis made it possible, based on the principle of historicism, to show the influence of political processes and events of the past on the foreign policy of modern political actors in the Central Asian region and their position towards Russia. Attention is drawn to the factors of increasing Russophobia sentiments among the new political elites, which seriously complicates interstate relations on the continent. Attention is paid to clarifying some concepts (for example, "Central Asia"), used in the modern political science lexicon. The presented materials and conclusions will contribute to the objectification of current research and expert assessments of political processes, political actors, changes in political realities in the Central Asian region, as well as the development of interstate, interethnic and interfaith relations here.

Keywords: Eurasia, political landscape, Great Steppe, Eurasian integration, prehistory, modernity

For citation: Iskakov, I.Zh. (2024). Political processes on the Eurasian continent: Prehistory and contemporary state. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 466–476. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-466-476>

Введение

Евразия в истории человечества предстает колыбелью мировой культуры в широком смысле слова. На ее территории проявлялись судьбоносные результаты деятельности человека, не потерявшие своего значения сегодня. Здесь создавались имперские объединения, пролегли масштабные торговые пути,

связывавшие восток и запад, север и юг континента, проходил обмен культурными достижениями евро-азиатских народов.

Сегодня Евразия предоставляет социально-историческую среду для формирования многополярного мира, в котором важнейшими акторами выступают Индия, Китай, Россия, Турция. По-прежнему следует учитывать влияние ключевых стран ЕС, Великобритании и США. Значительный интерес вызывает история их взаимоотношений, что во многом определяет современные позиции политических элит этих центров силы. В их состав стремятся войти и бывшие советские республики Средней Азии, участвующие в региональных интеграционных процессах¹. Именно азиатская часть континента усиливает в настоящее время свои позиции, что мотивирует углубление исследований политической истории региона. На этом пути перед исследователями и практическими деятелями возникают разного рода сложности и препятствия. Одним из них выступает неразработанность политического лексикона, в том числе неточность используемых сегодня терминов. После развала СССР в целях поддержания тенденции новых евразийских государств дистанцироваться от России западные эксперты стали утверждать, что ранее принятый в европейской науке термин «Средняя Азия» якобы устарел и требует замены на более современный. Таковым они сочли понятие «Центральная Азия». Ряд российских исследователей считает его «емким для географического определения региона» [Бекмаханова, 2015: 13]. Введя этот термин в политический лексикон, они ставили перед собой задачи еще более увеличить расстояние между новыми евразийскими государствами и Российской Федерацией, поддержать националистические устремления прозападных политических элит, затормозить развитие регионального интеграционного процесса.

Ведущие ученые (А.С. Панарин, Л.С. Васильев, А.Д. Воскресенский, др.) давно пришли к выводу о неэвристичности применения выводов западных политологов для анализа восточных социально-государственных структур, поскольку выработанные для западных стран методы и выводы не дают возможности выявить закономерности и специфику эволюции восточных обществ. Мы обратимся к эволюции политических процессов и явлений в рассматриваемом регионе, которые с течением времени ушли или же были искусственно выведены из поля зрения политиков, финансистов, культурологов, антропологов, экономистов и других специалистов. События разных эпох носили как интеграционный, так и дезинтеграционный характер. Приведем примеры последних лет: в 1991 г. произошел развал СССР, а в 1992 г. состоялось согласование текста Маастрихтского договора. Таким образом, распалась социалистическая империя, но возник, по выражению С.Ю. Глазьева, новый имперский проект (Европейский союз). В 2016 г. Великобритания вышла из его состава, а Индия и Пакистан присоединились к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Существование Советского Союза внесло особенно серьезные изменения в евразийский политический ландшафт. В 1920-е гг. в рамках СССР

¹ В 2024 г. исполняется 10 лет Договору о ЕАЭС, вследствие чего в работе основное внимание будет уделено государствам востока и «сердца» Евразии.

сформировали национальные государства казахов, киргизов, таджиков и других насельников Средней Азии, а в 1990-е гг. бывшие советские республики объявили о своем суверенитете². Первоначально новые государственные образования видели главные задачи в следующем: 1) решении проблем самостоятельного экономического развития, 2) приобретении политического веса на мировой арене в качестве суверенного политического актора. Тогда большинство бывших советских республик полагали главным направлением своей внешней политики дистанцирование от России и ориентацию на западно-европейские государства и США, одновременно осознавая невозможность полного разрыва политико-экономических и культурных связей, сложившихся за прошедшие столетия в рамках различных державных объединений.

Началось формирование новых интеграционных альянсов, прежде всего СНГ (1991 г.). Довольно скоро государства-члены стали критиковать Содружество за неспособность эффективно развивать экономическое сотрудничество. По инициативе Н.А. Назарбаева (1994 г.) Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан создали Евразийское экономическое сообщество (2000 г.). Белоруссия и Казахстан применили его для реализации конкурентных преимуществ своих экономик и более успешного включения в международную хозяйственную жизнь. Позднее Армения и Киргизия благодаря вступлению в ЕАЭС укрепили свой суверенитет в межгосударственных отношениях с крупными странами континента и США. В 2017 г. академик С.Ю. Глазьев подчеркнул: «Мы объединяем только те функционалы регулирования экономики, от которых предполагается общая выгода за счет большего масштаба производства, кооперации, сочетания конкурентных преимуществ»³. Такой процесс определили как «восхождение Большой Евразии»⁴.

Интеграционные проявления привлекли внимание западных политиков и политологов. Х. Клинтон буквально сразу же объявила евразийскую интеграцию «проектом России по восстановлению СССР». Шведский эксперт А. Ослунд подчеркнул экономическую несостоятельность евразийских экономических объединений; назвав интеграционные процессы на постсоветском пространстве «неоимпериалистическим движением»⁵. Заявление Х. Клинтон в некоторой степени основывалось на отношении молодых евразийских государств к суверенитету как «сакральному понятию»⁶. Подобная оценка национальной независимо-

² В данной статье сопоставляются разновременные политические процессы в азиатской части континента; позиции стран Балтии и Закавказья характеризоваться не будут.

³ Глазьев Сергей. Органичность евразийства URL: <https://svop.ru/main/22496/> (дата обращения: 19.08.2017).

⁴ Ефременко Дмитрий. Рождение Большой Евразии URL: <https://svop.ru/main/22210/> (дата обращения: 07.04.2024).

⁵ Åslund A. Putin's Eurasian Illusion Will Lead to Isolation. Moscow Times. June 20, 2012. URL: <https://www.piie.com/commentary/op-eds/putins-eurasian-illusion-will-lead-isolation> (accessed: 17.07.2023).

⁶ Бордачёв Тимофей. Всем чертям назло: вопреки прогнозам скептиков евразийская интеграция продолжает развиваться. URL: <https://svop.ru/main/28156> (дата обращения: 07.04.2024).

сти определила стремление бывших советских республик региона ограничиться развитием экономической интеграции.

Профессор Д.Г. Евстафьев, анализируя политические изменения в Евразии, писал об «окончательном растабуировании темы пространственных трансформаций на постсоветском пространстве». По его мнению, «становится всё более сложно говорить только о Евразии. Неизбежно затрагиваются политические и особенно геополитические процессы, происходящие вокруг нее. Евразия перестает быть самоценным и системно самодостаточным пространством, в том числе и в силу перестройки Россией хозяйственных связей с целью придания им большей устойчивости»⁷.

Для изучения проблемы межгосударственных отношений привлекались разнообразные материалы: межгосударственные документы, отечественные и зарубежные исследования, воспоминания, записки путешественников, участников экспедиционных отрядов, представителей имперской администрации и др. В процессе получения корректных научных выводов применялись исторический, сравнительно-аналитический, трансдисциплинарный, системный, структурно-функциональный и комплексный подходы.

Евразийский континент как арена геополитических проектов

Средняя Азия многие столетия являла собой сферу интересов и западных, и восточных стран континента. Со временем к интересам присоединились и США. Иранский исследователь Алиасгар Шер’дуст объясняет геополитику и геостратегию данного региона следующими факторами: наличием в нем солидных запасов нефти и газа, расположением транзитных и коммуникационных путей, стратегическим и геоэкономическим значением Каспийского моря, контролем процессов добычи ресурсов и проходящих через регион энерготрасс, способностью влияния на внутренние кризисы, а также наличием общих культурных, исторических и экономических интересов между центральноазиатскими и соседствующими с ними странами в современных условиях. Он считает, что они послужили главным фактором в усилении конкуренции региональных и трансрегиональных сил, претендующих на ключевую роль в Центральной Азии после распада СССР⁸. Важно и то, что регион — единственная точка в мире, где расположены четыре ядерные державы (Россия, Китай, Индия, Пакистан). Сегодня объединенный Запад рассматривает Евразию как территорию противостояния с Россией и Китаем. Кроме среднеазиатских государств за удовлетворение своих интересов здесь борются пять региональных (Россия, Иран, Турция, Индия и Пакистан) и три трансрегиональные (США, ЕС и КНР) державы. В работе

⁷ Евстафьев Дмитрий. День Воссоединения: Как СВО изменила геополитические расклады на пространстве Евразии 29 сентября 2023 г. URL: <https://eurasia.expert/den-vossoedineniya-kak-svo-izmenila-geopoliticheskie-rasklady-na-prostranstve-evrazii/> (дата обращения: 07.04.2024).

⁸ Шер’дуст Алиасгар. Характеристика Центральной Азии в геополитических теориях и роль конфликтов. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/harakteristika-centralnoy-azii-v-geopoliticheskikh-teoriyah-i-rol-konfliktov> (дата обращения: 12.06.2017).

«Глобальное политическое прогнозирование» А.С. Панарин отмечал, что «евразийский континент — это земная твердь мира, прибежище всего реального и обеспеченного наличностью, в отличие от океанических хлябей, породивших виртуальную экономику и прочие виртуальные псевдореальности» [Панарин 2000: 121].

Значимая роль в регионе принадлежит Китаю, исторически имевшему отношения с Бухарским эмиратом, Кокандским, Хивинским ханствами, другими тюркскими государственными образованиями в центре континента. Великие торговые пути (Шёлковый и Чайный) до сих пор хранятся в памяти человечества. Особое место Средней Азии в современной внешней политике Китая обусловливается наличием огромных запасов нефти и газа в районе Каспия, тем, что эти территории образуют нетронутый масштабный рынок, потребляющий товары китайского производства, и успешной инвестиционной политикой КНР в отношении новых и старых государств⁹. Руководство КНР активно применяет опыт построения внешнеполитических отношений со старыми государствами для обоснования и легитимации своих современных геополитических проектов.

С началом Специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (СВО) и распадом однополярного мира значение Евразии для мировой политики и экономики многократно возросло. Таджикский политолог Х.Дж. Рустамов видит главными акторами здесь Россию, Китай и США¹⁰. Россия предложила проект Большого евразийского партнерства; а КНР — инициативу «Один пояс, один путь» (Экономический пояс Шёлкового пути). США предполагают превращение центра континента в Большую Центральную Азию, добавив к традиционно входящим в это понятие территориям Афганистан, северо-западные области Индии, часть Пакистана, Ирана и китайский Синьцзян. Турция прочит Средней Азии проект «Великий Туран», что ряд экспертов оценивают как желание образовать сетевое тюркское государство («Новую Орду»), которое включило бы также некоторые части РФ: Башкирию и Татарстан (в перспективе Якутию и Поволжье).

Ю. Харламова характеризует политическую роль России в Евразии как держателя равновесия между востоком и западом континента, как государства-интегратора¹¹. В связи с введением в современный научный лексикон понятия «государство-цивилизация», соответствующего сложному этапу перехода от однополярной к многополярной системе, напомним мнение И.А. Ильина о России: «Россия не есть случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный „механизм“ „областей“, но живой исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное,

⁹ Об отношениях с Россией см. далее.

¹⁰ Рустамов Х.Дж. Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии в условиях нового миропорядка. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=lv3pyvna3153937450> (дата обращения: 17.04.2024).

¹¹ Харламова Юлия. Народам мира нужна безопасная Евразия. URL: https://ruskline.ru/analitika/2017/12/11/narodam_mira_nuzhna_bezopasnaya_evraziya (дата обращения: 20.07.2018).

языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопониманием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне, он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия» [Ильин 1992: 3].

Западные страны сохраняют главную цель — оторвать народы сердцевины Евразии от России и Китая. Объективное ухудшение уровня и качества жизни граждан новых евразийских государств компенсировалось националистической мифологией о «последствиях советской оккупации», «эксплуатации республик Москвой», «многовековом угнетении Империей» и распространением тому подобных образов [Глазьев 2017]. Такие мифологические тезисы отвечали задачам перестройки мира в интересах экспансионистской политики ЕС и США, т. е. развития процесса глобализации¹².

Вследствие развития глобализационных процессов многим новым государствам Евразии всё чаще приходится соотносить (а порой и подчинять) свои практические экономические интересы и национальные устремления с военно-стратегической позицией США. Отсюда заявления о поддержке антироссийских санкций представителей действующих политических элит Казахстана, Киргизии, др. В связи с этим необходимо вспомнить традиционные для этого региона лавирования местных политических верхов XIX в. между Великобританией, Цинским Китаем, Российской и Османской империями. В реалиях текущего дня это явление получило название «многовекторность».

Начало гибридной войны Запада против России и постоянное введение всё новых антироссийских санкций не только экономического характера («отмена русской культуры», к примеру) имело следствием проявление целого ряда новых аспектов в политических процессах Евразии. Первоначальная политическая конкуренция на евразийском континенте сегодня сменяется политическим администрированием [Нисневич 2023: 397–422]. В этом процессе следует изучить смену политических поколений и образование новых политических элит и адекватно их оценить.

Продолжим некоторые сопоставления политических событий, изменявших политический ландшафт Евразии. Одним из важных проявлений взаимодействия евро-азиатских народов явилось то, что известно под названием «татаро-монгольское завоевание» [Halperin 1985: 2020]. Золотая (Большая) Орда долгие годы являла собой наиболее серьезную внешнюю угрозу для Московской Руси. Современным акторам московское государство являет некоего рода образец успешного включения в свои пределы территории бывшего противника и усвоения ордынского наследия.

Современным политикам и политологам не следует отрицать такую особенность русского менталитета и способа построения межгосударственных

¹² См., например: [Айткен 2010; Жетпысбаев 2022]; Abuyev Nurkasym. The Great Steppe. On the 550th Anniversary of the Kazakh Khanate. URL: <https://qazaquni.kz/rukhaniyat/40393-velikaya-step-k-550-letiyu-kazahskogo-han> (accessed: 15.04.2024).

взаимоотношений как отсутствие жесткого этнического размежевания. Считается, что после падения в 1502 г. Большой Орды начинается движение Русского государства «встреч солнцу» (т.е. на восток) и развиваются внешнеполитические отношения с различными государственными образованиями и народами. Еще до середины XV в. стали достаточно распространенным явлением переходы татарских мурз на службу к московским князьям [Котляров 2017]. Позднее большая часть ордынской аристократии влилась в русское дворянство. Так Россия стала единственной из великих держав современности, приобретшей уникальный опыт вовлечения крупного соседа-противника в становление собственной государственности. В этом отношении представляет несомненный интерес статья-гипотеза Т.В. Бордачёва «Русская внешнеполитическая культура и Орда», где автор делает вывод: «Ордынская эпоха» формирует уникальные черты современной российской внешней политики¹³.

К важным особенностям политических процессов на континенте можно отнести и неспешность внешнеполитических действий России, что Дж. Кеннан некогда назвал «текущим потоком, постоянно <...>двигающимся к намеченной цели» [Х. 1947: 575]. Такое монотонное движение к определенной цели обусловило некую «тягучесть» российской внешней политики, что ныне рассматривается как базовая характеристика поведения России на внешнеполитической арене. Ряд современных экспертов выделяют эту черту как сущностную характеристику действий российского президента в текущих реалиях, называя ее органичным историческим явлением. Действия Российского государства отличались от колониалистской политики западных государств. К примеру, имевшее место расселение представителей русского крестьянства и военного сословия на присоединенных землях не сопровождалось изгнанием оттуда кочевников и оседлой части местного населения. Сегодня специалисты анализируют подобные примеры в других странах Евразии¹⁴.

Представляет исследовательский интерес рассмотрение внешнеполитической деятельности первого русского императора. Его считают убежденным западником, но нельзя не учитывать важность южного и восточного направлений внешней политики Петра Великого. Ректор МГИМО А.В. Торкунов в период празднования 350-летия Петра I высказал мнение, что евразийская сущность геополитического мышления первого русского императора до сих пор остается недооцененной¹⁵.

Представляется необходимым привлечь внимание к термину «оборонительный экспансионизм», позволяющему адекватно анализировать события XVIII–XIX вв. — территориальное расширение и контроль над фронтальными землями как со стороны непосредственных соседей, так и дальних стран, имевших здесь

¹³ Бордачёв Т.В. Русская внешнеполитическая культура и Орда: статья-гипотеза. URL: <https://svop.ru/main/45315/> (дата обращения 11.09.2023).

¹⁴ Россия предложила Монголии то, что не под силу ни Китаю и никому в мире. URL: https://dzen.ru/a/ZUDfYQ6yFiSi_sxL (дата обращения 11.04.2024).

¹⁵ Торкунов А.В. Петровское «окно на Восток» как предчувствие будущего. URL: <https://svop.ru/main/42923/?ysclid=luvly9l7nm879441231> (дата обращения 11.09.2022).

свои интересы (народы Великой Степи, Индия, Китай, Персия, Великобритания, др.). Если европейцы считали жителей евразийского Востока и Юга отсталыми и нецивилизованными, то русские путешественники, чиновники, военные относились к обитателям местных земель совсем по-иному. Миссии и экспедиции, которые из Российской империи продвигались на Дальний Восток, имели многоцелевое назначение. Их главную задачу составляли установление дипломатических отношений (договоров о торговых контактах), а также развитие науки, образования, культуры. Исследователи регулярно упоминают, что государства ЕС и США и сегодня продолжают считать страны центра Евразии «джунглями современного мира».

В современных реалиях будет явно бесполезным напоминание о развитии процесса присоединения киргиз-кайсацких степей к Российской империи. Участники и очевидцы событий тех лет свидетельствовали, что «поселенные казаки находятся с киргизами несравненно в лучших отношениях, чем отрядные, потому что начальство их обеспечено земледелием, и они сами нуждаются в своих соседях-киргизах и стараются сохранить с ними дружественные отношения» [Бабков 1912: 36]. В те времена бытовала точка зрения: «Великоросс казак <...> чужд сепаратизма, прекрасно по большей части владея языком, знакомый с нравами туземца, не имея никаких предрассудков, он приятный гость в юрте киргиза» [Цит. по: Каженова 2005: 83–84]. Отдельно следует обратить внимание на воспоминания православных миссионеров, действовавших в Великой Степи. При описании одного из казаков Филарет Синьковский указывает: «на нем киргизская шапка, халат или бешмет, он хорошо знает киргизский язык, джигитует» [Записки Синьковского: 1884, 20]. Другой православный миссионер пишет: «Кокпекты и Буконь — это небольшие оазисы среди сплошного киргизского населения... Господствующий здесь язык — киргизский, и не знающего по-киргизски редко можно встретить. И сами русские между собою по-киргизски разговаривают, кажется, больше, чем по-русски» [Петров 1893: 40]. Подобные свидетельства обретают особую ценность в связи с проблемами российской миграционной политики. Напомним в этой связи и о деятельности русской православной церкви в Китае, созданной в эпоху Петра Великого. В повседневной работе сотрудников миссии формировались принципы взаимоуважительных отношений представителей разных народов, конфессий, государств. Основываясь на этих свидетельствах, можно сделать вывод о необходимости билингвального (даже трилингвального) профессионального образования в рамках евразийской интеграции.

Для современной ситуации имеет важное значение также история становления межгосударственных отношений России и Китая. Именно Россия времен Петра Великого стала первым европейским государством, которое посетили китайские посольства. У петровской Руси и Цинского Китая сложились уникальные для того времени дипломатические отношения, существенно отличавшиеся от имевших место между европейскими государствами и странами Востока (достаточно вспомнить т. н. «опиумные войны»), с помощью которых британские колонизаторы пытались проникнуть на территорию Цинской империи и продиктовать императору свои условия построения его внешней политики).

В последние годы оформилась идея сопряжения (гармонизации, по мнению китайской стороны) евразийской экономической интеграции с китайской инициативой Экономического пояса Шёлкового пути. Исследователи подчеркивают, что она носит отчасти защитный характер, поскольку позволяет снять напряжение, которое неизбежно возникло бы в случае ничем не регулируемой конкуренции между дальнейшими усилиями по развитию ЕАЭС и активностью Пекина на постсоветском пространстве.

Сегодня Евразия по-прежнему выступает в качестве арены постепенно обостряющейся борьбы между различными государствами. Она являет одну из ключевых точек опоры в решении актуальных политико-экономических проблем. Аналитиками и экспертами евразийский регион оценивается как территория геополитического, геоэкономического и геокультурного противостояния между условным Востоком и условным Западом. В этой связи представляется важным тщательный анализ регионализма и трансрегионализма в формировании обновленного евразийского политического ландшафта. Требуется объективного изучения проявившийся здесь своего рода цивилизационный раскол, поскольку Евразия определяется как «поле экспансии граничащих с ней цивилизаций» [Агеев и др. 2011: 27].

Заключение

Рассмотрение эволюции политических процессов на евразийском пространстве предоставляет возможность научно обосновать анализ современных политических процессов в Евразии. Полагаем его особенно необходимым в связи с тем, что в XXI в. бывшие советские республики, стремясь построить национальные государства, интерпретируют политические процессы и политических акторов прошлого далеко не всегда объективно. Они уверены в обязательности легитимизации националистического дискурса, являющегося оборотной стороной процесса построения собственной государственности.

Представляется насущным корректирование ряда политологических понятий, пришедших в современную терминологию из западной политической науки. Это касается не только термина «Центральная Азия». Особым предметом научного анализа становится политика части элит постсоветских государств. Такие элиты исходят из того, что их значимость как скрыто или явно дружественных Западу государств существенно увеличилась, и они получают дополнительные возможности экономически эффективной многовекторности. Противоречивость подобного подхода очевидна, но она сама по себе предстает продуктом неопределенности геоэкономического статуса постсоветской Евразии, ее нарастающей геоэкономической разновекторности, отражением ряда аспектов формирования многополярного мира.

Сопоставление проявлений историко-политического взаимодействия на континенте создает возможность объективно оценить текущие события. Для решения возникающих межгосударственных и внутривосточных проблем необходимым представляется обращение и углубленное, основанное

на трансдисциплинарном подходе объективное изучение исторического опыта многовекового политико-культурного взаимодействия евро-азиатских народов и государств, а также отказ от псевдонаучных мнений и введение объективных оценок в широкий научный и практический оборот.

Поступила в редакцию / Received: 14.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 16.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Агеев А., Куроедов Б., Сандаров О.* Оценка геополитического потенциала современных цивилизаций // *Экономические стратегии*. 2011. № 5. С. 22–28.
- Айткен Дж.* Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана / пер. с англ. М.: Художественная литература, 2010.
- Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. Разграничение с Западным Китаем 1869 г. СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1912.
- Бекмаханова Н.Е.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв.: историко-географическое исследование. М.-СПб.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Глазьев С.Ю.* Интеграция науки и образования как основа эволюции евразийского союза// *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2017. Т. 2. № 22. С. 7–9.
- Жетпысбаев С.К.* Великая степь и казахи: от кочевого образа жизни к мировой общественной цивилизации // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2022. № 3 (47). С. 58–62. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2022-47-58-62>
- Записки миссионера Киргизской миссии священника Филарета Синьковского за последнюю треть 1882 и за 1883 г. // *Томские епархиальные ведомости. Часть неофиц.*, 1884, № 8.
- Ильин И.А.* Что сулит миру расчленение России: избр. статьи. М.: Пересвет, 1992.
- Каженова Г.Т.* К вопросу о взаимоотношениях казахов и сибирских линейных казаков во второй половине XIX в // *Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность* / под ред. А.П. Толочко. Омск: изд-во ОмГУ, 2005. С.82-85.
- Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017.
- Нисневич Ю.А.* Политическое администрирование vs политическая конкуренция в условиях неавторитарного правления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 397–422. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-397-422>
- Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.
- Петров С.* Мои первые шаги на миссионерском поприще среди киргизов // *Православный благовестник*, 1893. Т. 3. № 21.
- Halperin C.* *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington : Indiana University Press, 1985.
- Halperin C.* On Recent Studies of Rus' Relations with the Tatars of the Jochid Ulus// *Golden Horde Review*. 2020. Vol. 8. No1. P. 32–50. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-1.32-50>
- X. *The Sources of Soviet Conduct* // *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 25, no. 4. P. 566–82. <https://doi.org/10.2307/20030065>

Сведения об авторе:

Искаков Ирлан Жангазыевич — кандидат юридических наук, доцент, ректор, АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС» (e-mail: iel2002@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6557-4142)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490
EDN: BIZWJY

Научная статья / Research article

Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе

Е.Г. Гарбузарова

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек,
Киргизская Республика*

✉ play_elenag@mail.ru

Аннотация. В условиях кризиса либерально-демократической модели во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, которая в течение долгого времени демонстрировала успехи в процессе демократического транзита, укрепляются авторитарные тенденции. Целью статьи является анализ содержания и характера политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. На основе метода сравнительного анализа выделены общие и отличительные черты в политических режимах стран региона. Страны Центральной Азии сгруппированы по принципу повторяющихся тенденций во внутриполитических процессах. В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политический режим, который более или менее пропорционально отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) — прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских и парламентских выборов в Казахстане, в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, политические режимы, авторитаризм, реформы, «цветные революции»

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 477–490. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490>

© Гарбузарова Е.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of Political Processes in Central Asian Countries at the Present Stage

Elena G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic

✉ play_elenag@mail.ru

Abstract. In the context of the crisis of the liberal democratic model, authoritarian tendencies strengthen in all Central Asian countries, including Kyrgyzstan. This country demonstrated success in the process of democratic transit for a long time. The purpose of the article is to analyze the content and nature of political processes in Central Asian countries at the present stage. Based on the method of comparative analysis common and distinctive features in the political regimes of the countries of the region are highlighted. The Central Asian countries are grouped according to the principle of recurring trends in domestic political processes. In Central Asian countries, Kyrgyzstan and Tajikistan are the most vulnerable to “color revolutions”. The likelihood of such a scenario, fraught with political instability, encourages some political leaders of the countries of the region (Kazakhstan, Uzbekistan) to carry out reforms and design a political regime that proportionally reflects economic reality and social needs, while others (Kyrgyzstan, Tajikistan) resort to methods of “tightening the screws”, clearing the space from political opposition. In both cases, this leads to the strengthening of the regime of personal power of the heads of state of the Central Asian countries, and, consequently, the president will continue to remain at the top of the power hierarchy. However, the results of the recent presidential elections in Uzbekistan and the presidential and parliamentary elections in Kazakhstan show that there is a demand for a strong government capable of ensuring socio-political order and stability in these societies.

Keywords: Central Asia, political processes, political regimes, authoritarianism, reforms, «color revolutions»

For citation: Garbuzarova, E.G. (2024). Features of political processes in Central Asian countries at the present stage. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 477–490. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490>

Введение

Политические процессы в странах Центральной Азии отличаются своей насыщенностью, что обусловлено как эндогенными процессами, так и экзогенными факторами. На фоне кризиса либерально-демократической модели, которую после «конца истории» страны Запада так настойчиво пытались экспортировать в другие страны как якобы залог их устойчивого процветания, в мире укрепляются авторитарные тенденции, включая страны Центральной Азии, а также современную Киргизию, которая долгое время стояла особняком, где усматривали большие успехи в процессе переходного этапа и построении современного демократического государства¹.

¹ Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratiipered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (дата обращения: 20.08.2024).

Несмотря на то, что Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан географически расположены в одном регионе, они гетерогенны, развиваются на свой манер и по собственной модели [Лаумулин 2016]. Во внутривнутриполитической жизни стран Центральной Азии можно выделить следующие отличительные черты: разнообразие авторитаризмов, широта и глубина экономических и политических реформ, степень устойчивости режимов к «цветным революциям» и т.д. При этом следует подчеркнуть, что во всех странах региона до сих пор не сформировались сильные и независимые политические институты, идет процесс режимной консолидации (все реальные рычаги власти находятся в руках главы государства), предпринимаются усилия по обеспечению внутренней стабильности.

Разнообразие центральноазиатских авторитаризмов

После распада СССР во всех республиках Центральной Азии началась социально-политическая трансформация, в основу которой был положен принцип ухода от социалистической системы и переход на реализацию либерально-демократического проекта. Однако полноценной демократизации стран региона препятствовала совокупность факторов, среди которых значительное влияние на транзит оказывали уже устоявшиеся советские практики управления государством и возродившиеся с новой силой родоплеменные традиции. В итоге сформировалась противоречивая тенденция демократических процессов, когда, с одной стороны, все республики демонстрировали свою приверженность соответствующим практикам, включая проведение конкурентных и открытых выборов, а с другой стороны, осуществляли постепенную консолидацию власти, скрывая под демократическим фасадом укрепление авторитарных тенденций. В итоге в странах Центральной Азии сформировались разнообразные формы авторитаризма с различной степенью демократизации. Конечно, если не вдаваться в особенности различных подходов к характеристике политических систем стран региона, то в обобщенном виде можно всех их причислить к авторитарным, включая современную Киргизию, которую до 2020 г. можно было назвать «островком демократии» в регионе. Особенно активно это было подмечено на Западе. Так, в Индексе восприятия коррупции Transparency International Киргизия заняла 141-е место и набрала 26 баллов, в то время как в 2022 г. она занимала 140-е место с 27 баллами². В отчете подчеркивается, что за короткие сроки Кыргызстан превратился из оплота демократии с активным гражданским обществом в консолидированный суперпрезидентский режим правления. Следствием этого, по мнению Transparency International, стал высокий уровень коррупции в стране.

Американские и российские ученые предпринимали попытки концептуализации новых моделей политических систем, возникших в странах региона. В 1997 г. в журнале *Foreign Affairs* вышла статья известного американского

² Corruption Perception Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/kgz> (accessed: 17.08.2024).

политолога Ф. Закария, в которой он, рассуждая об особенностях демократического транзита в странах Восточной Европы, Латинской Америке, Азии и Африки, предложил именовать формирующиеся политические системы в этих странах термином «нелиберальная демократия» [Закария 2004]. Подобный подход к оценке складывающейся политической реальности в вышеупомянутых странах был обусловлен централизацией власти, ограничением полномочий парламента, пренебрежением конституцией. Американский политолог достаточно упрощенно поделил страны на демократии Запада и все остальные недемократичные государства, априори подчеркивая, что только страны Запада могут считаться истинными демократиями.

Российский политолог И. Звягельская предложила именовать политические режимы стран региона как «гибридные» [Звягельская 2018], что, по сути, является синонимом формулировке «нелиберальная демократия». Однако, как справедливо отмечает итальянский профессор Анжела Ди Грегорио термин «нелиберальная демократия» вызывает путаницу и затруднения в концептуализации, поскольку применяется как к режимам, которые утратили свою демократическую сущность, опираясь лишь на свою стабильность, так и к режимам, давно стабилизировавшимся и сочетающим в себе демократические и авторитарные элементы [Ди Грегорио 2020]. Следовательно, целесообразно рассуждать о разнообразии типов политических режимов, к которым эволюционировали страны региона в процессе демократического транзита.

Особый стиль правления сложился в Казахстане, где сильная президентская власть обеспечивала стране стабильность и процветание. По мнению казахстанского политолога Д. Ашимбаева политический режим первого президента Казахстана следует отнести к просвещенному авторитаризму, так как Н. Назарбаев обеспечивал мир, стабильность, прогресс и обладал моральным авторитетом³. Модель управления государством при Н. Назарбаеве предполагала, что приоритетом должно стать экономическое развитие. Для Н. Назарбаева сингапурский реформатор Ли Куан Ю был примером личного вдохновения, с ним экс-президент Казахстана был во многом солидарен. Например, оба считали, что демократия и политический плюрализм лишь только отвлекали внимание тогда, когда следовало сконцентрироваться на экономическом развитии [Lewis 2021]. Исходя из этого, режим Н. Назарбаева можно отнести и к «мягкому авторитаризму». Этому стилю правления в настоящее время следует К.Ж. Токаев. Не случайно в мае 2024 г., выступая с лекцией в Сингапуре, нынешний президент Казахстана отметил, что программа «Справедливый Казахстан» (предвыборная программа К.Ж. Токаева) по своим целям и принципам имеет схожесть с программой «Вперед, Сингапур»⁴.

³ Ашимбаев Д. Сильная власть и развитие Казахстана. URL: <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2020/05/13/daniyar-ashimbaev-silnaya-vlast-i-razvitie-kazahstana> (дата обращения: 21.08.2024).

⁴ Токаев выступил в Сингапуре с лекцией «Казахстан и роль средних держав: продвигая безопасность, стабильность и устойчивое развитие». URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/26/tokayev-vystupil-v-singapore-s-lektsiyey-kazakhstan-i-rol-srednikh-derzhav-prodvigaya-bezopasnost-stabilnost-i-ustoychivoye-razvitiye/> (дата обращения: 20.08.2024).

В Узбекистане реализуется форма патерналистского авторитаризма, которая была характерна как для периода правления И. Каримова, так и для действующего президента Ш. Мирзиёева. Однако если И. Каримов позиционировал себя в качестве «защитника» населения от внешних угроз, считая главным приоритетом обеспечение национальной безопасности государства, то Ш. Мирзиёев придерживается нового типа патернализма, в основе которого лежит забота о будущем поколении и подготовка высококвалифицированных кадров, что особенно важно в условиях либерализации и технологизации узбекской экономики. Так, в 2023 г. в своей предвыборной программе, состоящей из пяти стратегических пунктов, Ш. Мирзиёев одним из главных направлений обозначил «создание наиболее подходящих условий для реализации каждым человеком его потенциала»⁵. Таким образом, главными драйверами экономического роста Узбекистана в соответствии с предвыборной программой Ш. Мирзиёева должны были стать образование, здравоохранение, наука и современные технологии [Ионова 2021].

В Киргизии, будучи парламентско-президентской, а с 2021 г. являющейся президентской формой правления, укрепляются авторитарные тенденции. В стране сложился тандем «Жапаров—Ташиев», благодаря которому удается поддерживать внутреннюю стабильность и консолидировать власть. В этом политическом дуэте главную роль играет президент страны С. Жапаров, которого киргизские эксперты охарактеризовали как политического тяжеловеса, определяющего судьбу страны⁶. Политический порядок в Киргизии по своим признакам больше соответствует консультативному авторитаризму. В таком типе политического режима особую роль играет популистский лидер, который допускает «консультации» с народом для оценки уровня поддержки, для сбора информации и легитимации режима [Харитоновна 2022]. Так, в 2023 г. впервые в истории президент Киргизии С. Жапаров обратился к народу за советом о том, как назвать новое здание Администрации президента⁷. Кроме того, посредством внедрения новой государственной идеологии верховная власть пытается повысить свою легитимность [Жапаров 2023]. Более жесткая оценка правлению С. Жапарова дается западными исследователями, которые отмечают, что политический стиль С. Жапарова по консолидации автократической власти отражает более широкие тенденции к этнонационализму, нативизму и популизму⁸.

Учитывая особую роль Э. Рахмона в политической системе Таджикистана, стиль его правления можно охарактеризовать как персоналистский авторитаризм.

⁵ Предвыборная программа Шавката Мирзиёева состоит из 5 основных направлений. URL: <https://uznews.uz/posts/65209> (дата обращения: 18.08.2024).

⁶ Корганбаев М. «Третьим силам все нейдет разрушить тандем Жапаров-Ташиев». URL: https://www.vb.kg/doc/437071_tretim_silam_vse_neymetsia_razryshit_tandem_japarov_tashiev.html (дата обращения: 22.08.2024).

⁷ Садыр Жапаров советуется с народом, как назвать новое здание Администрации президента. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/115926-sadyr-zhaporov-sovetuetsya-s-narodom-kak-nazvat-novoe-zdanie-administratsii-prezidenta.html> (дата обращения: 22.08.2024).

⁸ Zehrun H. New Wave Authoritarianism in Kyrgyzstan. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.11593b67-66c86e17-499e4198-74722d776562/https://thediplomat.com/2023/05/new-wave-authoritarianism-in-kyrgyzstan/ (accessed: 22. 08.2024).

В результате «модернизации» в Таджикистане сформировался жесткий институциональный дизайн — иерархия политических и общественных институтов, во главе которой находится харизматичный лидер [Хадыров 2023]. В Таджикистане Э. Рахмон позиционируется как лидер нации, гарант стабильности и безопасности, благодаря которому в стране после гражданской войны установились мир и согласие [Шарифзода А., Шарифзода М.Т. 2018]. В странах с персоналистским режимом правления любые решения принимаются исключительно лидером, а оппозиционные фигуры, которые иногда появляются в его окружении, практически не имеют возможности реализовать успешные реформы [Харитоновна 2017]. Конструктивная оппозиция в Таджикистане отсутствует, однако все же есть некоторые критики режима, представляющие для него реальную политическую угрозу. Так, в 2024 г. в Таджикистане был арестован известный таджикский оппозиционер Шокирджон Хакимов, который критиковал действующую власть⁹.

За годы фасадной модернизации или имитированного демократического транзита в более традиционном Туркменистане (по сравнению с другими странами региона) произошел переход от тоталитарного режима к авторитаризму. Туркменский авторитаризм также можно причислить к персоналистским режимам, однако в более гипертрофированном виде. При этом персоналистский режим в Туркменистане строится на доминировании не национального, а лично-ориентированного дискурса, который формируется вокруг одной персоны, в данном случае вокруг главы государства, повышая его легитимность. Так, будучи президентом Туркменистана, Г. Бердымухамедов позиционировал себя в качестве спортсмена, велосипедиста, рэпера и наездника [Lewis 2021]. Несмотря на смену власти в Туркменистане, которая произошла в 2022 г. и в результате которой новым президентом стал Сердар Бердымухамедов, реальные рычаги власти находятся в руках председателя Халк Маслахаты, которым является бывший президент Туркменистана, т.е. Г. Бердымухамедов.

Причисление политических режимов стран Центральной Азии к тому или иному типу авторитаризма является достаточно условным и во многом зависит от того политика, который находится у власти. На тех или иных этапах исторического развития отдельные черты и признаки вышеуказанных типов могут наблюдаться во всех странах региона. Например, на современном этапе характерные черты персоналистского режима можно отметить во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, в которых выстроена сильная властная вертикаль и все рычаги влияния находятся в руках главы государства.

На наш взгляд, понятие авторитарный конституционализм больше подходит к характеристике центральноазиатских политических моделей, так как «речь идет о промежуточных формах между авторитаризмом и демократией, в которых конституционные механизмы либерально-демократической формы

⁹ В Душанбе задержан зампред СДПТ Шокирджон Хакимов. URL: <https://rus.ozodi.org/a/v-dushanbe-zaderzhan-zampred-sdpt-shokirdzhon-hakimov/33041424.html> (дата обращения: 20.08.2024).

правления существуют внутри контекста ослабленного плюрализма и сильного общественного контроля» [Ди Грегорио 2020]. Пожалуй, именно этот политический дизайн свойствен центральноазиатским системам, в которых существует плюрализм, ограниченный централизованной властью и неразвитое гражданское общество.

«Реформаторская политика» Ш. Мирзиёева и К.Ж. Токаева

На современном этапе по широте и глубине реформаторской политики в странах Центральной Азии выделяются два государства — Узбекистан и Казахстан. Одним из главных императивов для проведения реформ стало стремление обоих лидеров сохранить стабильность и не допустить внутреннего хаоса. Так, Ш. Мирзиёев пришел к власти после неожиданной смерти И. Каримова. Отсутствие в стране опыта транзита власти могло свергнуть Узбекистан в серьезный внутривластный кризис. Однако Ш. Мирзиёев не только смог найти общий язык с политической элитой, но и разработал стратегию полного реформирования страны [Пахрутдинов 2019]. События января 2022 г., когда Казахстан впервые в своей независимой истории столкнулся с масштабным политическим кризисом, побудили К.Ж. Токаева переосмыслить произошедшие события и взять курс на либерализацию экономики и политической жизни страны.

Начиная с 2016 г. Узбекистан встал на путь кардинальных внутривластных и внешнеполитических преобразований, сопровождающихся укреплением международного положения страны и привлечением инвесторов. Благодаря либерализации, начатой президентом страны Ш. Мирзиёевым, Узбекистан вышел на траекторию устойчивого экономического роста. В соответствии с докладом Международного валютного фонда¹⁰ по темпам экономического роста Узбекистан опережает Казахстан (4,6 %), Кыргызстан (3,4 %) и Туркменистан (2,5 %), но пока отстает от Таджикистана (6,5 %). Интересно, что Таджикистан, являясь самой бедной страной в регионе, имеет самые высокие темпы экономического роста, что обусловлено проводимой в стране экономической модернизацией, направленной на улучшение делового и инвестиционного климата, усовершенствование энергетического сектора¹¹.

Реформы затронули все сферы жизнедеятельности общества, при этом ключевую роль по-прежнему продолжала играть исполнительная власть. Например, еще в 2021 г. парламент Узбекистана был обновлен только на 4/5 части, однако в органах исполнительной власти увеличилась представленность

¹⁰ World Economic outlook 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (accessed: 20.08.2024).

¹¹ Табах А., Прокудин А., Подругина А. Макроэкономическая ситуация в странах Центральной Азии: как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан переживают последствия пандемии COVID-19. URL: https://raexpert.ru/researches/int_fin/central_asia_2021/ (дата обращения: 18.08.2024).

женщин с 3,4 до 16 %¹². Между тем, в соответствии с новыми поправками в Конституцию, принятыми в 2023 г. на всенародном референдуме, изменились сроки пребывания на посту президента Узбекистана. Во-первых, этот срок увеличился с 5 до 7 лет, а, во-вторых, занимать президентский пост разрешено не более двух сроков подряд. Сроки победившего в том же году на выборах президента Ш. Мирзиёева, который набрал 87,05 % голосов, в соответствии с новыми конституционными поправками обнулились. Это означает, что Ш. Мирзиёев будет находиться у власти до 2030 г. и затем сможет еще раз переизбраться на второй срок. Как известно, такая практика обнуления сроков характерна для большинства политических режимов на пространстве СНГ. Во всех странах Центральной Азии такая тенденция сохранится, когда властвующая элита «будет стремиться сохранить свою власть либо через продление своего срока пребывания, либо через конституционные механизмы» [Жильцов 2020].

В соответствии с обновленным вариантом Конституции Узбекистана от 2023 г. предусмотрено расширение полномочий парламента, однако незначительно, и президента. Новые полномочия парламента включают заслушивание ежегодного национального доклада о борьбе с коррупцией, определение максимальной суммы государственного долга, проведение парламентского расследования. Кроме того, предполагается изменить принцип формирования Сената: теперь от каждого региона страны, столицы и Каракалпакстана будут выдвигаться не по 6, а по 4 депутата, а глава государства имеет право назначать не 16 сенаторов, а только 9¹³. Что касается полномочий президента, то по новой Конституции он будет вправе назначать досрочные выборы главы государства Узбекистана. Однако кандидатура премьер-министра страны будет предлагаться президентом после проведения консультаций со всеми фракциями политических партий, а не только с партией, которая набрала наибольшее количество депутатских мест на парламентских выборах.

Январский кризис в Казахстане подтолкнул К.Ж. Токаева к проведению масштабных экономических и политических реформ, направленных на укрепление собственной власти в контексте поддержания стабильности в стране. Кризис ознаменовал конец «двоевластия» и начало отстранения от власти родственников и сторонников Н. Назарбаева. Этот процесс получил название «деназарбаевизация»¹⁴. Для К.Ж. Токаева первостепенное значение имело избавление от нелояльных кадров и формирование вокруг себя новой преданной политической команды.

¹² Рахимова Д. Эволюция государственного управления в Узбекистане. URL: <https://review.uz/post/evolyuciya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 17.08.2024).

¹³ Данзанов Б. Реформы в Узбекистане: новый этап политического развития республики. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/06/29/reformy-v-uzbekistane-novyj-etap-politicheskogo-razvitiya-respubliki/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Петров И. В Казахстане началась масштабная «деназарбаевизация». URL: <https://www.osnmedia.ru/world/v-kazahstane-nachalas-masshtabnaya-denzarbaevizatsiya/> (дата обращения: 21.08.2024).

После январских трагических событий 16 марта 2022 г. К.Ж. Токаев выступил с Посланием к народу Казахстана, в котором были отмечены основные направления трансформации политической модели развития страны¹⁵. Предполагалось положить конец традиции монополизации верховной власти, укрепить представительную демократию, модернизировать избирательную систему и электоральный процесс, активизировать «конструктивное партнерство между государством и обществом»¹⁶.

С целью заручиться поддержкой своего курса со стороны народа в июне 2022 г. в Казахстане был проведен референдум о поправках в Конституцию. За поправки в Основной закон страны проголосовало 77,18 % населения при явке 68,05 %. Поддержка большинства населения на референдуме придала уверенности К.Ж. Токаеву и сориентировала его на дальнейшие действия по усилению своих позиций в стране. В 2022 г. на досрочных выборах президента К.Ж. Токаев победил, набрав 81,31 % голосов. По мнению политолога Д. Ашимбаева, такая поддержка была продиктована тем, что народ увидел в К.Ж. Токаеве сильного и жесткого национального лидера¹⁷.

В 2023 г. в Казахстане прошли выборы в парламент по смешанной системе в соответствии с новым законодательством. По мнению экспертов, для Казахстана эти выборы стали большим шагом вперед в процессе трансформации политической системы и создания условий для плюрализма и конкуренции¹⁸. По результатам выборов в парламент Казахстана прошло шесть партий, среди которых лидирующие позиции заняла партия «Аманат», набравшая 53,9 % голосов¹⁹. При этом еще в 2022 г. К.Ж. Токаев объявил о своем уходе с поста председателя данной партии в соответствии с новой Конституцией страны.

Одной из причин январского кризиса в Казахстане стал высокий уровень недовольства среди населения действующей властью, о чем свидетельствовали выдвигаемые требования о снижении цен на продукты, искоренение безработицы, отставка правительства и парламента²⁰. Снизить уровень социального недовольства предполагалось посредством не только демократизации политической системы, но и либерализации экономики. К.Ж. Токаевым был объявлен переход на новую парадигму экономического развития, подразумевающую снижение роли государства в экономике страны. В этой связи резко возрастает риск

¹⁵ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эксперт объяснил, что повысило поддержку Токаева. URL: <https://ria.ru/20221121/токаев-1833005843.html?in=t> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁸ «Шанс попасть в парламент был у любого кандидата, и это отличие Нового Казахстана» — эксперт. URL: <https://newtimes.kz/vybory-2023/166252-shans-popast-v-parlament-byt-u-lyubogo-kandidata-i-eto-otlichie-novogo-kazahstana-eksperty> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁹ ЦИК Казахстана опубликовал итоги выборов в парламент. URL: <https://ria.ru/20230327/kazakhstan-1860829529.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁰ Протесты захлестнули весь Казахстан: люди требуют отставки правительства. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/01/04/14385895.shtml?updated> (дата обращения: 20.08.2024).

атомизации общества и обострение социального неравенства. Как справедливо отмечают исследователи, ключевым является вопрос, подходит ли Казахстану либеральная модель экономической политики или следует перейти к более патерналистской модели с широким набором институциональных регуляторов, необходимых для снижения социального напряжения [Бирюков и др. 2023]. На наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом мог бы стать поиск баланса между патерналистской и либеральной моделью развития.

Несмотря на всю разницу в реформаторской политике президентов Узбекистана и Казахстана, оба заинтересованы в укреплении личной власти и создании условий для стабильного развития своих национальных государств. Однако глобальная турбулентность бросает вызов политическим лидерам стран Центральной Азии и создает серьезные риски, которые могут зажать в тиски авторитарные политические системы стран региона.

Риски реализации сценария «цветных революций»

В условиях жесткой глобальной геополитической конфронтации резко возросла вероятность осуществления «цветных революций» в странах Центральной Азии, геостратегическое значение которых делает их объектом пристального внимания со стороны ведущих центров силы мировой политики. Например, как справедливо отметил эксперт из Киргизии по вопросам национальной безопасности Т. Джумадылов, «коллективному Западу во главе с США на фоне бесперспективности победы над Россией на Украине выгодно „поджигать“ государства бывшего СССР»²¹.

В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Так, с момента прихода к власти С. Жапарова на волне третьей революции, произошедшей в Киргизии в 2020 г., власти сообщали уже три раза о попытках государственного переворота в стране. Первый раз об этом было объявлено в ноябре 2021 г. накануне выборов в киргизский парламент (Жогорку Кенеш). По данным спецслужб, захват власти планировала осуществить группа молодых людей, недовольных существующим политическим режимом в Киргизии²². Об очередном готовившемся захвате власти было объявлено в начале лета 2023 г. Тогда пресс-центр Государственного комитета национальной безопасности Кыргызстана (ГКНБ) распространил информацию, что в Кыргызстане предотвратили «массовые беспорядки и акции неповиновения в целях последующего насильственного захвата власти»²³. В ходе задержания было аресто-

²¹ Западу позарез нужен второй фронт — эксперты о подготовке к захвату власти в КР. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240711/front-mneniya-eksperty-popytka-zahvat-vlast-kyrgyzstan-1086927754.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²² В Кыргызстане готовили госпереворот: кто хотел свергнуть Жапарова. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211126/kyrgyzstan-gosperevorot-predotsrashchenie-1043776585.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²³ В Бишкеке предотвратили «массовые беспорядки и захват власти». URL: <https://www.>

вано более 30 человек среди которых представители гражданского общества, ранее критиковавшие власть²⁴. Курс на дезактивацию оппонентов продолжился. 2 сентября 2023 г. в Киргизии был арестован оппозиционный политик, лидер партии «Бутун Кыргызстан» Адахан Мадумаров, которого обвинили в государственной измене²⁵.

В июле 2024 г. в третий раз киргизские спецслужбы заявили о том, что в Киргизии был предотвращен государственный переворот. В отличие от первых двух этот захват власти готовился основательно, так как у задержанных нашли внушительный арсенал оружия²⁶. Возможно, организаторами готовившегося переворота могли быть боевики, вернувшиеся в Киргизию из Сирии после разгрома ИГИЛ*. В целом в трех попытках свержения действующей власти в Киргизии можно заметить применение технологий «цветных революций». Во-первых, основными участниками, как заявлено спецслужбами, являются представители либо молодежи, либо оппозиции. Во-вторых, организаторами могли выступить экстремистские и террористические группировки, которые планировали разжечь огонь протеста в стране. В-третьих, несмотря на то, что в Киргизии в 2024 г. был принят закон об НПО, который, однако, нацелен на то, чтобы не свернуть деятельность этих структур, а сделать ее максимально прозрачной²⁷, возможными организаторами могли стать западные НПО, действующие в Киргизии (по словам аналитиков, в стране их зарегистрировано около 22 тыс.).

Летом 2024 г. в Таджикистане, где готовится транзит власти по «семейной» модели, был предотвращен государственный переворот. По официальной версии, организатором был объявлен депутат нижней палаты и экс-глава Демократической партии Саиджафар Усмонзода. Это событие положило начало арестов других высокопоставленных фигур, таких как бывший глава МИД Хамрохон Зарифи, бывший председатель Верховного совета Акбаршо Искандаров, заместитель председателя Социал-Демократической партии Таджикистана (СДПТ) Шокирджон Хакимов, зампред Демократической партии (ДПТ) Ахмадшох Комилзода. Сложно сказать, была ли это действительно попытка государственного переворота или же президент

mk.kg/incident/2023/06/06/v-bishkeke-predotvratili-massovye-besporjadki-i-zakhvat-vlasti.html
(дата обращения: 20.08.2024).

²⁴ В Кыргызстане по делу о подготовке переворота арестована глава партии. URL: <https://www.svoboda.org/a/v-kyrgyzstane-po-delu-o-podgotovke-perevorota-arestovana-glava-partii/32448814.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁵ Короткова Е. В Кыргызстане по обвинению в госизмене задержан оппозиционный депутат и партийный лидер Адахан Мадумаров. URL: <https://www.kp.kg/daily/27550.5/4817871/> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁶ Много оружия и военный билет депутата ЖК — что еще нашли у готовивших переворот. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240706/voenniy-bilet-deputat-gosperevorot-oruzhiye-gkn-video-1086768729.html> (дата обращения: 21.08.2024).

* Террористическая организация, запрещенная в России.

²⁷ Жогорку Кенеш принял законопроект об НКО/НПО во втором чтении. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240222/kyrgyzstan-npo-zakonoproekt-vtoroe-chtenie-1082889732.html> (дата обращения: 23.08.2024).

Таджикистана продолжает укреплять властную вертикаль и создает мирные условия для передачи власти своему сыну Рустаму Эмомали.

Заключение

Политический дизайн стран Центральной Азии характеризуется авторитарными чертами, однако в каждой стране можно наблюдать свой тип политического режима: в Казахстане — «мягкий авторитаризм», в Узбекистане — патерналистский авторитаризм, в Киргизии — консультативный авторитаризм, в Таджикистане — персоналистский авторитаризм с национальным дискурсом, в Туркменистане — персоналистский авторитаризм с личностно-ориентированным дискурсом. Складывается парадоксальная ситуация, когда страны региона вроде бы и разные по типу политических систем и по уровню экономического развития, но в то же время их объединяет много общего: под фасадом демократического транзита идет процесс укрепления авторитарных тенденций. Это позволяет охарактеризовать их политические режимы как авторитарный конституционализм.

В ряде стран Центральной Азии, Узбекистане и Казахстане политический процесс развивается динамично, что доказывает переход этих стран на новую стадию развития политических систем. В этих государствах предприняты глубокие экономические и политические реформы. Благодаря экономической либерализации политическое руководство двух стран создало благоприятные условия для инвесторов и укрепило национальную конкурентоспособность. Однако, даже несмотря на эти глубокие изменения, в политической жизни этих стран особую роль продолжит играть глава государства, концентрируя в своих руках всю полноту власти. При этом Казахстан взял курс на серьезную политическую трансформацию, направленную на укрепление роли парламента в системе власти и достижения равновесия властей. Насколько решительно Казахстан готов двигаться по данной траектории, выстраивая представительную демократию, покажет время.

На фоне глобальной геополитической турбулентности резко возросла вероятность расшатывания внутривластной обстановки в странах Центральной Азии, которые сталкиваются с такими системными экономическими и социальными проблемами, как коррупция, безработица, низкий уровень жизни населения. Эти проблемы могут стать детонатором общественных протестных движений — пикетов, митингов, демонстраций, которыми могут воспользоваться внешние силы. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политический режим, который более или менее пропорционально отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) — прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских

и парламентских выборов в Казахстане, в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

Поступила в редакцию / Received: 11.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Бирюков С.В., Чурун С.Н., Андреев А.В., Рахимжанова Д.А.* Политический кризис в Казахстане: истоки, текущее состояние, перспективы развития и урегулирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 225–236. <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21>
- Ди Грегорио А.* Кризис современной демократии и появление новых промежуточных категорий между демократией и авторитаризмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 26–33. <https://doi.org/10.12737/jfcl.2020.017>
- Жапаров С.* Жаңы Кыргызстанды куруунун багыты (идеологиясы). Бишкек: Принт-Экспресс, 2023. 136 б.
- Жильцов С.С.* Центральная Азия: особенности политического развития // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 143–160.
- Закария Ф.* Возникновение нелиберальных демократий // Логос. 2004. № 2 (42). С. 55–70.
- Звягельская И.Д.* Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
- Ионова Е.* Итоги президентских выборов в Узбекистане: экономический и политический курс Ш. Мирзиёева // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 4. С. 97–114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
- Лаумулин М.С.* К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 95–113.
- Пахрутдинов Ш.И.* Узбекистан: ответственность за устойчивое развитие и интенсивность ускоренных изменений // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. М.: МПГУ, 2019. С. 301–303.
- Хадыров Р.Ю.* Институциональная модель политической системы Таджикистана: иерархия и специфика институтов // Международные отношения. 2023. № 1. С. 12–19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684>
- Харитоновна О.Г., Кудряшова И.В.* Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. 2022. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>
- Харитоновна О.Г.* Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 4. С. 379–391. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391>
- Шарифзода А., Шарифзода М.Т.* Роль лидера нации в развитии экономики Таджикистана // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2018. № 4 (77). С. 5–15.
- Lewis D.G.* Varieties of Authoritarianism in Central Asia // Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. Routledge, 2021. P. 1–16.

References

- Biryukov, S.V., Chirun, S.N., Andreev, A.V., & Rakhimzhanova, D.A. (2023). The political crisis in Kazakhstan: Origins, current state, prospects for development and settlement. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 71, 225–236. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21>
- Di Gregorio, A. (2020). The crisis of modern democracy and the emergence of new intermediate categories between democracy and authoritarianism. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 3, 26–33. <https://doi.org/10.12737/jfcl.2020.017> (In Russian).
- Ionova, E. (2021). The results of the presidential elections in Uzbekistan: The economic and political course of Sh. Mirziyoyev. *Russia and the new states of Eurasia*, (4), 97–114. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
- Khadyrov, R.Y. (2023). The institutional model of the political system of Tajikistan: Hierarchy and specificity of institutions. *International Relations*, 2023, (1), 12–19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684> (In Russian).
- Kharitonova, O.G. (2017). Political regimes and regime changes in the mirror of scientific discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 19(4) 379–391. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391>
- Kharitonova, O.G., & Kudryashova, I.V. (2022). Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political Science (RU)*, (1), 224–244. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>
- Laumulin, M.S. (2016). On the question of the formation of post-Soviet statehood in Central Asia. *Outlines of global transformations*, 5, 9, 95–113. (In Russian).
- Lewis, D.G. (2021). Varieties of Authoritarianism in Central Asia. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. (pp. 1–16). Routledge.
- Pakhrutdinov, S.I. (2019). Uzbekistan: responsibility for sustainable development and the intensity of accelerated changes. *Trajectories of Russia's political development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific conference RAPN* (pp. 301–303). Moscow: MPSU. (In Russian).
- Sharifzoda, A., & Sharifzoda, M.T. (2018). The role of the leader of the nation in the development of the economy of Tajikistan. *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*, (4), 5–15. (In Russian).
- Zakaria, F. (2004). The emergence of illiberal democracies. *Logos*, 2, 55–70. (In Russian).
- Zhaparov, S. (2023). *Zhany Kyrgyzstand kuruunun bagyty (ideologiyasy)*. Bishkek: Print-Express. (In Kyrgyz).
- Zhiltsov, S.S. (2020). Central Asia: features of political development. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 1, 143–160. (In Russian).
- Zvyagelskaya, I.D. (2018). *The Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Гарбузарова Елена Геннадьевна — доктор политических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (e-mail: play_elenag@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3481-4363)

About the author:

Elena G. Garbuzarova — Doctor of Political Science, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (e-mail: play_elenag@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3481-4363)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-491-501
EDN: BIDCAK

Научная статья / Research article

Внешиполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры

Л.А. Казимир

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ leonid.sled@yandex.ru

Аннотация. После распада СССР Узбекистан проводил активную политику в Центральной Азии, рассчитывая занять доминирующие позиции в регионе. Одновременно узбекская сторона развивала отношения с внерегиональными державами: Россией, США, ЕС, Китаем. Однако отсутствие прогресса в эффективной реализации внешнеполитических контактов с внерегиональными государствами привело к пересмотру Ташкентом своих внешнеполитических подходов. Узбекистан сделал ставку на решение региональных проблем, а также развитие экономического сотрудничества с соседними государствами, но выстроить добрососедские отношения с другими центральноазиатскими странами не удалось. Ситуация изменилась после победы на президентских выборах 2016 г. Ш. Мирзиёева. Его приход к власти привел к пересмотру подходов в реализации внешней политики государства. Были восстановлены отношения со странами Центральной Азии, решены конфликтные отношения с ближайшими соседями. В последующие годы были расширены политические и торгово-экономические контакты с Россией и западными государствами. Ташкент стал проводить активную политику в Центральной Азии. Автором сделан вывод, что внешняя политика Узбекистана направлена на диверсификацию внешнеполитических контактов, участие в транспортных и энергетических проектах, способных принести экономическую выгоду. В результате современный внешнеполитический курс Узбекистана должен укрепить позиции страны в Центральной Азии.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, Россия, США, Китай, инфраструктурные проекты

Для цитирования: Казимир Л.А. Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 491–501. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-491-501>

© Казимир Л.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Uzbekistan's Foreign Policy Development: The New Benchmarks

Leonid A. Kazimir

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation

✉ leonid.sled@yandex.ru

Abstract. After the disintegration of the USSR, Uzbekistan pursued an active policy course in Central Asia, expecting to occupy a dominant position in the area. At the same time, Tashkent has been developing relations with extra-regional powers: Russia, the US, the EU and China. However, the lack of progress in building foreign policy contacts with extra-regional states led the country to reconsider its approaches to external strategy. Uzbekistan relied on solving regional problems and developing economic cooperation with neighboring states. However, Tashkent failed to build good-neighborly ties with other Central Asian countries. The situation changed after 2016, when Shavkat Mirziyoyev won the presidential elections. His coming to power led to an overhaul of the state's foreign policy. Relations with the countries of Central Asia were restored, conflict issues with the nearest neighbors were resolved. In the following years, political, trade and economic contacts with Russia and Western countries were expanded. Tashkent began to pursue an active policy course in Central Asia. The article concludes that Uzbekistan's foreign strategy is aimed at diversification of external policy contacts, participation in logistic and energy projects that can bring economic benefits. As a result, Uzbekistan's current course of foreign affairs should strengthen the country's position in Central Asia.

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, Russia, US, China, infrastructure projects

For citation: Kazimir, L.A. (2024). Uzbekistan's foreign policy development: The new benchmarks. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 491–501. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-491-501>

Введение

Внешняя политика Узбекистана берет свое начало с обретения страной независимости в результате распада СССР в 1991 г. Этот процесс был обусловлен значительными геополитическими изменениями, которые происходили на всем постсоветском пространстве в целом и в странах Центральной Азии в частности. Узбекистан стремился проводить многовекторную политику, направленную на расширение сотрудничества с западными государствами. Приоритетными направлениями внешнеполитического курса являлись США и ЕС, которые рассматривались в качестве ключевых внешнеполитических партнеров. В свою очередь, западные страны проявляли интерес к Узбекистану, который занимал выгодное географическое положение и являлся одним из крупных центрально-азиатских государств.

Узбекистан на первом этапе стремился реализовывать политику, которая предполагала установление доминирующего влияния страны в Центральной Азии. Столь амбициозные задачи основывались не только на экономическом

потенциале страны — значительных запасах углеводородных ресурсов, но и в связи с внутривнутриполитическим процессом, который стремительно разворачивался в этой центральноазиатской стране. Президент Узбекистана этого периода Ислам Каримов в сжатые сроки укрепил свои позиции внутри страны, устранив оппозицию и сконцентрировав власть в своих руках. Укрепление института президента, его доминирование во внутренней политике позволило действующему президенту выдвигать амбициозные внешнеполитические планы.

Основные усилия Узбекистана были направлены на вовлеченность в реализацию торгово-экономических и транспортных проектов в рамках Центральной Азии. Эта сфера была привлекательной как для узбекской стороны, так и внерегиональных акторов, для которых, в свою очередь, Ташкент представлял значительный интерес.

Концептуальные основы внешней политики Узбекистана

На первом этапе, после обретения независимости Узбекистаном, не были разработаны концептуальные документы, в которых бы нашли отражение внешнеполитические приоритеты страны. Такая ситуация была связана с постепенным формированием внешнеполитического курса, а также обсуждением приоритетов в развитии международных отношений. Лишь в декабре 1996 г. был принят Закон «Об основных принципах внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан» [Хамедов, Хакимов 2003]. В этом документе в качестве приоритета внешней политики провозглашалось развитие отношений со странами Центральной Азии, отмечалась их роль в укреплении позиций Узбекистана. С этим регионом у Узбекистана «были связаны его жизненно важные интересы» [Эргашев 2014].

Концепция внешней политики Узбекистана следующего поколения появилась в 2012 г. Документ фиксировал изменение внешнеполитических подходов и приверженность принципу равноудаленности от Китая, России и США: Узбекистан на этом этапе отказался от участия в многосторонних интеграционных объединениях [Малышева 2015]. Документ отражал взгляды президента страны И. Каримова. К 2012 г. внешняя политика Узбекистана прошла через периоды сближения с Западом и охлаждения отношений с ним. Редакция Концепции внешней политики отражала ключевой подход Узбекистана — сохранять равноудаленность от основных центров силы, которые сформировались в тот период времени в мировой политике.

Новый этап внешней политики Узбекистана и, соответственно, новый базовый документ — Стратегия действий — был принят в феврале 2017 г. Его разработка и утверждение происходили уже при новом президенте Узбекистана — Шавкате Мирзиёеве. В документе, действие которого было рассчитано до 2021 г., нашли отражение пять приоритетных направлений развития страны. Среди них — внешняя политика, которая была направлена на формирование пояса стабильности и добрососедства из стран, которые являлись соседями Узбекистана [Жильцов 2018].

Новое внешнеполитическое видение Узбекистана подразумевало пять приоритетных задач: «укрепление независимости и суверенитета государства, дальнейшее укрепление места и роли страны в качестве полноправного субъекта международных отношений, вхождение в число развитых демократических государств, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства; укрепление международного имиджа республики, доведение до мирового сообщества объективной информации о проводимых в стране реформах; совершенствование нормативно-правовой базы внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Узбекистана, а также договорно-правовой основы международного сотрудничества; урегулирование вопросов делимитации и демаркации государственной границы Узбекистана; развитие экономической дипломатии¹.

Последним по времени концептуальным внешнеполитическим документом стала принятая в 2022 г. «Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы»². Документ обозначил ключевые аспекты внешнеполитической стратегии, поставив перед собой амбициозные цели и заложив основы для дальнейшего развития внешней политики страны. В числе приоритетных направлений были отмечены следующие:

- 1) продолжение работы по улучшению инвестиционного климата и повышению его привлекательности;
- 2) создание эффективной системы обеспечения общественной безопасности, которая позволит своевременно выявлять и предотвращать условия, способствующие правонарушениям;
- 3) укрепление обороноспособности государства, повышение боевой готовности и потенциала Вооруженных Сил;
- 4) развитие тесного сотрудничества в области безопасности, торговли, экономики, водных ресурсов, энергетики, транспорта и культурно-гуманитарной сфере в Центральной Азии [Аватков, Рожкова 2022].

Таким образом, при президенте Ш. Мирзиёеве в концептуальном плане получил развитие курс его предшественника на проведение многовекторной политики, сохранение баланса между основными внерегиональными акторами и приоритет центрально-азиатского направления. Именно на страны Центральной Азии направлены основные усилия узбекской внешней политики.

При этом важно подчеркнуть, что при президенте Ш. Мирзиёеве стала формироваться новая целостная внешняя политика, которая гораздо более активно развивает сотрудничество с развитыми странами мира — Азии, Европы, Америки и Африки — «на основе равноправия, взаимного уважения, доверия и учета интересов друг друга». Главным приоритетным направлением

¹ Какой будет внешняя политика Узбекистана в 2022 г.: пять пунктов. 31 декабря 2021. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20211231/kakoy-budet-vneshnyaya-politika-uzbekistana-v-2022-godu-ryat-punktov-22031275.html?ysclid=m21x79s9yq727629948> (дата обращения: 26.09.2024).

² Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 гг. Указ президента Республики Узбекистан. 28 января 2022 г. URL: <https://lex.uz/docs/5841077> (дата 16.09.2024)

внешнеполитической деятельности Узбекистана остается регион Центральной Азии, а во главу угла поставлена заимствованная у Турции внешнеполитическая формула «ноль проблем с соседями»³.

Этапы внешней политики Узбекистана

Внешнюю политику Узбекистана можно разделить на два больших периода, каждый из которых отражал как личные предпочтения глав государства, так и условия, в которых оно развивалось.

Первый, достаточно длительный этап внешней политики, начался после распада СССР и продолжался до 2016 г., когда ушел из жизни Ислам Каримов. При нем внешняя политика Узбекистана отличалась частым пересмотром приоритетов.

С начала 1990-х гг. Узбекистан поддерживал интеграционные проекты в регионе [Каримов 1997]. Например, в 1994 г. Узбекистан, Казахстан и Киргизия создали Центрально-Азиатский Союз (Центрально-Азиатское экономическое сообщество с 1998 г., в том же году к нему присоединился Таджикистан). Узбекистан «строил планы по усилению своих экономических позиций в регионе и рассчитывал, что участие в интеграционном объединении позволит улучшить ситуацию в экономике» [Кахаров 2007]. Однако декларации о приверженности курсу интеграции не подкреплялись соответствующим уровнем экономических отношений. Интеграционным инициативам препятствовали споры между странами по водной проблеме, обостряя двусторонние отношения [Жильцов, Бименова 2015]. К ним добавились и споры относительно условий поставок природных ресурсов [Ливитин 2003]. Подходы узбекской стороны определялись прагматическим подходом, однако жесткие позиции лидера не позволяли достичь компромисса [Жильцов 2016]. В итоге Узбекистан «стремился реализовать собственную модель экономических преобразований, которая отражала экономический потенциал и потребность в налаживании новых хозяйственных связей» [Каримов 1995].

Сложно складывались отношения Узбекистана с западными государствами. Взаимодействие с ними рассматривалось в качестве возможности решения экономических проблем и получения экономической помощи и политической поддержки. В 1994 г. Узбекистан присоединился к программе НАТО «Партнерство ради мира», в 1996 г. подписал Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. Узбекистан расширял сотрудничество с США, от которых ожидался значительный объем инвестиций. В свою очередь, Узбекистан привлекал США своими нефтегазовой и горнодобывающей отраслями. В свою очередь, США придерживались точки зрения, что «страна занимает центральное место в американских интересах в Центральной Азии» [Гафарлы, Касаев 2000]. В 1997 г. Узбекистан

³ Камилов А. Новая Центральная Азия во внешней политике Узбекистана. 14 августа 2024. URL: <https://nuz.uz/2024/08/14/novaya-czentralnaya-aziya-vo-vneshnej-politike-uzbekistana/> (дата обращения: 13.09.2024).

стал членом региональной Организации за демократию и экономическое развитие ГУАМ с выраженной антироссийской повесткой, а в 1999 г. отказался продевать участие в Договоре о коллективной безопасности. В марте 2002 г. Узбекистан и США подписали Декларацию о стратегическом партнерстве.

Казалось, что стремительное развитие отношений Узбекистана с США значительно укрепило позиции Ташкента в Центральной Азии. Однако уже в 2003 г. узбекско-американские отношения начали ухудшаться. Это было связано с разницей между повышенными экономическими ожиданиями от сотрудничества со стороны Узбекистана и неготовностью США их реализовать [Троицкий 2008], а также из-за критики в адрес руководства Узбекистана в связи с нарушением прав человека. С 2004 г. во внешнюю политику Узбекистана были внесены коррективы: Ташкент стал расширять взаимодействие с Россией и Китаем. Таким образом, в период президентства И. Каримова Узбекистан прошел через периоды сближения с Западом и обострения отношений с ЕС и США, конфликтный период с ближайшими соседями по Центральной Азии, непростых взаимоотношений с Россией.

Новый этап внешней политики начался в 2016 г. с приходом к власти Ш. Мирзиёева, который кардинально изменил приоритеты внешнеполитического курса страны, совершив разворот в сторону ближайших соседей по региону. Узбекистан приступил к нормализации отношений со странами Центральной Азии. Конфронтация стала уходить в прошлое, «в основу расширения сотрудничества Узбекистана с такими государствами, как Казахстан и Туркменистан, были положены проекты в сфере транспорта»⁴.

Безусловно, внешнеполитическая активность Узбекистана сталкивается с интересами других центральноазиатских государств. На протяжении длительного времени, до 2016 г., Узбекистан конкурировал с Казахстаном за лидирующие позиции в регионе. Неслучайно после прихода к власти нового президента существовали опасения, что «масштабные экономические реформы, которые намерен провести Ташкент, и новый внешнеполитический курс могут в перспективе обострить борьбу за региональное лидерство»⁵.

Политика Узбекистана стала ориентироваться на установление добрососедских отношений с соседними государствами, в первую очередь Таджикистаном, Туркменистаном и Казахстаном, с которыми выстраивались торгово-экономические отношения в новом качестве. В 2017 г. Узбекистан подписал с Казахстаном Декларацию о дальнейшем углублении стратегического партнерства и укреплении добрососедства, а также Соглашение об экономическом сотрудничестве на 2017–2019 гг. В фокусе внимания продолжает находиться транспортная сфера как наиболее пострадавшая в период кризиса в отношениях.

⁴ Как меняется внешняя политика Узбекистана? 12 июня 2018. URL: <https://ia-centr.ru/publications/kak-menyaetsya-vneshnyaya-politika-uzbekistana/> (дата обращения: 18.09.2024).

⁵ Иванов-Вайскопф А. В борьбе за региональное лидерство // Курсив (Казахстан). 2018. 4 октября. С. 1, 2. URL: https://kz.kursiv.media/wp-content/uploads/2021/01/Kursiv_pdf_new.pdf?ysclid=m2a4zn48to74947540 (дата обращения: 23.08.2024).

Наиболее сложные и конфликтные отношения Узбекистан имел с Таджикистаном, который реализовывал проект строительства Рогунской ГЭС. Узбекистан выступал против проекта, считая, что это угрожает водной безопасности государства. В свою очередь, Таджикистан настойчиво продвигал его реализацию, привлекая к участию в нем компании из России и стран Запада. В планах Таджикистана были поставки электроэнергии через территорию Афганистана в Пакистан и Индию. Однако реализацию проекта сдерживало отсутствие высоковольтной линии электропередач, которая входила в региональный проект CASA-1000⁶.

Узбекистан был заинтересован в устранении конфликта и в качестве компромиссного варианта выдвинул предложение, которое предполагало его вхождение в число акционеров Рогунской ГЭС. Выдвижение данной инициативы привело к нормализации двусторонних отношений. В совместном заявлении президентов двух стран в марте 2018 г. отмечалось, что «узбекская сторона выразила готовность всесторонне рассмотреть возможность участия в строительстве гидроэнергетических сооружений в Таджикистане, в том числе Рогунской ГЭС, с учетом соблюдения общепризнанных международных норм и стандартов по строительству таких объектов»⁷. Помимо этого, президенты Узбекистана и Таджикистана обсуждали перспективы сотрудничества в торгово-экономической сфере и подписали Договор о стратегическом партнерстве⁸. Кроме того, была достигнута договоренность о строительстве гидроэлектростанции на таджикской реке Зарафшан⁹. Проблема строительства Рогунской ГЭС остается в фокусе внимания двух государств, однако Узбекистан стал проводить политику, которая предполагает решение вопросов в водно-энергетической сфере на многосторонней основе. Эта амбициозная задача оказалась нерешенной, поскольку страны Центральной Азии столкнулись с нарастающим дефицитом водных ресурсов и не были готовы к кардинальным изменениям в своей внешней политике.

Большое внимание Узбекистан уделял транспортной сфере, рассчитывая получить дополнительные возможности для выхода на внешние рынки. В течение длительного времени обсуждался вопрос железной дороги, которая бы соединила узбекскую территорию с Киргизией и Китаем. В 2024 г. стороны достигли

⁶ Панфилова В. У Рогунской ГЭС закончились деньги // Независимая газета. 2018. 26 июня. URL: https://nvo.ng.ru/cis/2018-06-26/6_7252_hes.html?ysclid=m2a4026imw22578279 (дата обращения: 12.09.2024).

⁷ Панфилова В. Рахмон и Мирзиёев побратались // Независимая газета. 2018. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-03-12/5_7187_rahmon.html?ysclid=m2a42qxfn8698493485 (дата обращения: 15.09.2024).

⁸ Шустов А. Эмомали Рахмон в Ташкенте: итоги стратегического визита. 21 августа 2018. URL: <http://eurasia.expert/emomali-rakhmon-v-tashkente-itogi-strategicheskogo-vizita/> (дата обращения: 11.09.2024).

⁹ Таджикистан и Узбекистан — стратегические партнеры? 21 августа 2018. URL: <https://ia-centr.ru/publications/tadzhikistan-i-uzbekistan-strategicheskie-partnery/> (дата обращения: 29.08.2024).

принципиальной договоренности, подписав соответствующий документ, который установил механизмы финансирования строительства железной дороги¹⁰.

Для Узбекистана пересмотр внешнеполитических подходов был продиктован задачами развития экономики. Президент страны рассчитывал на развитие экспортно-ориентированной сферы экономики и, таким образом, достижение более высоких показателей.

Прорывом внешней политики Узбекистана стало расширение сотрудничества с глобальными центрами силы. В фокусе внимания официального Ташкента вновь оказались США, но и Китаю и России узбекская сторона стала уделять повышенное внимание. Так, Узбекистан стал активным участником многосторонних форматов, инициированных США: C5+1 (пять центральноазиатских стран плюс США). Узбекская сторона рассматривала США в качестве партнера в решении региональных проблем и рассчитывала привлечь инвестиции американских компаний. В свою очередь, США рассматривали Узбекистан в качестве страны, через которую можно оказывать влияние на Китай, Россию и ЕС. Включенность в отношения с ведущими экономика мира позволила Узбекистану уменьшить негативное влияние коронавируса [Жильцов 2020].

При этом Узбекистан существенно изменил характер отношений с Россией. В 2017–2018 гг. была достигнута договоренность о строительстве Россией на территории Узбекистана двух атомных энергоблоков, развивались и другие направления торгово-экономических отношений между странами.

Помимо развития отношений с Россией, внешняя политика Узбекистана ориентирована на расширение отношений со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2020 г. страна получила статус государства-наблюдателя и подписала план совместных мероприятий с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) на 2021–2023 гг. В октябре 2024 г. Узбекистан и ЕЭК подписали план совместных мероприятий на 2024–2026 гг.¹¹ Поворотным событием в развитии Центральной Азии и создании условий для дальнейшей реализации интеграционных инициатив стал неформальный саммит глав государств региона, который прошел в Астане 15 марта 2018 г. Президенты четырех центральноазиатских государств и спикер парламента Туркменистана обсудили широкий спектр вопросов взаимодействия на новой основе¹². Участие в данном формате Узбекистана продемонстрировало готовность руководства изменить внешнюю политику: отойти от конфронтационной линии в отношениях с соседями по региону в условиях, когда меняется конфигурация геополитики региона.

¹⁰ Узбекистан, Кыргызстан и Китай подписали межправсоглашение по проекту железной дороги. 6 июня. 2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/06/06/railway/> (дата обращения: 23.08.2024).

¹¹ ЕЭК и Узбекистан утвердили план совместных мероприятий до 2026 г. 8 октября 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/eek_i_uzbekistan_utverdili_plan_sovmestnyh_meropriyatiy_do_2026_goda.html?ysclid=m27aembf5410391019 (дата обращения: 09.10.2024).

¹² Панфилова В. Центральноазиатский саммит пройдет без России // Независимая газета. 2018. 15 марта. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-03-15/6_7190_sammit.html?ysclid=m2a4yl8xg569860464 (дата обращения: 17.09.2024).

Заключение

Внешняя политика Узбекистана претерпела кардинальные изменения после 2016 г., когда к власти пришел новый глава государства. Итогом его усилий стала нормализация отношений с соседними странами Центральной Азии, причем по широкому спектру двусторонних отношений; расширение сотрудничества с внерегиональными акторами и активное участие в реализации инфраструктурных проектов. В итоге, через несколько лет, Узбекистан расширил свое влияние в Центральной Азии.

В последние годы усилия Узбекистана сосредоточены на максимальном расширении сотрудничества в рамках Центральной Азии. Двусторонние и многосторонние встречи направлены на решение региональных проблем и продвижение собственных интересов. Помимо этого, Узбекистан является активным участником многосторонних форматов, инициированных внерегиональными акторами. Встречи в разных форматах с Россией и Китаем, США и ЕС открыли Узбекистану новые возможности. Подобный курс значительно усилил экономические связи Узбекистана, позволив ему получать инвестиции для решения экономических проблем.

Пока страны Центральной Азии, включая Узбекистан, в публичной сфере демонстрируют приверженность курсу на расширение многостороннего сотрудничества и совместное решение региональных проблем. В определенной мере этому способствует их вовлеченность в многосторонние форматы внерегиональных государств и инфраструктурные проекты, что приводит к формированию общих позиций. Однако дальнейшие внешнеполитические успехи Узбекистана в значительной мере будут зависеть от того, сумеют ли центральноазиатские страны преодолеть национальный эгоизм и совместно решать региональные проблемы.

Поступила в редакцию / Received: 11.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 8. № 5. С. 825–834.
- Гафарлы М.С., Касаев А.Ч. Узбекская модель развития: мир и стабильность — основа прогресса. М.: ДРОФА, 2000. С. 28–29.
- Жильцов С.С. Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 1. С. 23–31.
- Жильцов С.С. Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 1. С. 8–17.
- Жильцов С.С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 7–18.

- Жильцов С. Внешняя политика Узбекистана формирует ориентиры развития Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2018. Т. 21. № 4. С. 65–77.
- Жильцов С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // *Центральная Азия и Кавказ*. 2015. Том 18. № 1. С. 90–100.
- Каримов И.А. *Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса*. Ташкент: Узбекистон, 1997.
- Каримов И.А. *Узбекистан по пути углубления экономических реформ*. СПб.: Лениздат, 1995.
- Кахаров Д. Региональное сотрудничество в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 6. С. 128–135.
- Ливитин Л. *Узбекистан. Эпоха Каримова*. М.: Вагриус, 2003.
- Мальшиева Д.Б. Президентские выборы в Узбекистане и Казахстане // *Россия и новые государства Евразии*. 2015. № 2. С. 20–36.
- Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004–2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 3. С. 93–97.
- Хамедов И.А., Хакимов М.М. *Международно-правовые отношения Республики Узбекистан*. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2003.
- Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 5. С. 90–95.

References

- Avatkov, V.A., & Rozhkova, Z.P. (2022). Conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan at the present stage. *Post-Soviet Studies*, 8(5), 825–834. (In Russian).
- Ergashev, B. (2014). Uzbekistan's policy towards Afghanistan in the context of ensuring regional security in Central Asia. *Russia and the Muslim World*, (5), 90–95. (In Russian).
- Gafarly, M.S., & Kasaev, A.Ch. (2000). *Uzbek model of development: Peace and stability — the basis of progress*. Moscow: DROFA. (In Russian).
- Karimov, I.A. (1997). *Uzbekistan on the threshold of the 21st century: Security threats, conditions, and guarantees of progress*. Tashkent: Uzbekistan. (In Russian).
- Karimov, I.A. (1995). *Uzbekistan on the path of deepening economic reforms*. St. Petersburg: Lenizdat. (In Russian).
- Kakharov, D. (2007). Regional cooperation in Central Asia: A view from Uzbekistan. *Central Asia and the Caucasus*, (6), 128–135. (In Russian).
- Khamedov, I.A., & Khakimov, M.M. (2003). *International legal relations of the Republic of Uzbekistan*. Tashkent: University of World Economy and Diplomacy. (In Russian).
- Livitin, L. (2003). *Uzbekistan. The era of Karimov*. Moscow: Vagrius. (In Russian).
- Malysheva, D.B. (2015). Presidential elections in Uzbekistan and Kazakhstan. *Russia and the new states of Eurasia*, (2), 20–36. (In Russian).
- Troitsky, E.F. (2008). Foreign policy of Uzbekistan in 2004–2007: From strategic partnership with the United States to allied relations with Russia. *Tomsk State University Journal*, (3), 93–97. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2016). Political processes in Central Asia: Features, problems, prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 19(1), 23–31. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2020). Coronavirus hits the Post-Soviet countries. *Post-Soviet Studies*, 7(1), 8–17. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2016). Policy of the Central Asian countries: Water and energy aspect. *RUDN Journal of Political Science*, (3), 7–18. (In Russian).

- Zhiltsov, S. (2018). Uzbekistan's foreign policy forms the guidelines for the development of Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 21(4), 65–77. (In Russian).
- Zhiltsov, S., & Bimenova, A. (2015). Policy of the Central Asian countries in the field of use of water resources of transboundary rivers. *Central Asia and the Caucasus*, 18(1), 90–100. (In Russian).

Сведения об авторе:

Казимир Леонид Артурович — аспирант кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: leonid.sled@yandex.ru) (ORCID: 0009-0003-1127-4357)

About the author:

Leonid A. Kazimir — postgraduate of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: leonid.sled@yandex.ru) (ORCID: 0009-0003-1127-4357)

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН И КАВКАЗ: БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

THE CASPIAN REGION AND THE CAUCASUS: SECURITY AND DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-502-519
EDN: BGCCGI

Научная статья / Research article

Политика Ирана в области безопасности в Каспийском регионе

Н.А. Медушевский , Н.А. Филин ,
В.О. Кокликов , Е.Е. Самойлова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ Lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Каспийский регион, в контексте усиливающегося глобального противостояния между «Востоком» и «Западом», выступает одним из наиболее стратегически важных на Евразийском континенте. С 1990-х гг. дискуссии по поводу Каспийского моря разворачиваются вокруг двух основных тем: энергетических ресурсов и обеспечения безопасности. Важность этих вопросов привела к формированию различных и по большей части противоречивых взглядов в прикаспийских странах по поводу правового статуса и оптимального использования каспийских ресурсов. В исследовании рассмотрен подход Ирана к внешней политике и безопасности в Каспийском море, чтобы ответить на вопрос, какие цели преследует Исламская Республика Иран по этому вопросу и какие меры были предприняты в данном отношении. Были применены проблемно-хронологический метод, контент-анализ и ивент-анализ. В результате выявлено, что Иран преследовал цель добиться равноправного, с его точки зрения, распределения акватории Каспия, отстаивая свою точку зрения на саммитах прикаспийских государств, однако точный процент акватории, принадлежащей Ирану, не определен до сих пор, что во многом и обуславливает затягивание иранской стороны с ратификацией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. В то же время Иран в целом удовлетворен достигнутыми соглашениями с прикаспийскими странами в области безопасности и недопущения иностранного военного присутствия на Каспии.

© Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О., Самойлова Е.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Каспийский регион, Иран, политика безопасности, терроризм, пограничный контроль, стратегические интересы, региональная безопасность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г. Название проекта — «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Для цитирования: Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О., Самойлова Е.Е. Политика Ирана в области безопасности в Каспийском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 502–519. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-502-519>

Iran's Security Policy in the Caspian Region

Nikolay A. Medushevskii , Nikita A. Filin ,
Vladimir O. Koklikov , Elena E. Samoilova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ lucky5659@yandex.ru

Abstract. The Caspian region is a strategically important area in the world. Before the collapse of the Soviet Union, the Caspian Sea was divided between Iran and the USSR under an agreement. The article examines Iran's foreign policy and security approach in the Caspian Sea, with a focus on the goals pursued by the Islamic Republic of Iran in this regard and the measures taken. The article uses the problem-chronological method, content analysis and event analysis. As a result, it was revealed that Iran pursued the goal of achieving an equal, from its point of view, distribution of the Caspian Sea waters, defending its point of view at the summits of the Caspian states, but the exact percentage of the waters belonging to Iran has not yet been determined, which largely determines the delay of the Iranian side in ratifying the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. However, Iran is generally satisfied with the agreements reached with the Caspian countries in the field of security and the prevention of foreign military presence in the Caspian.

Keywords: Caspian region, Iran, security policy, terrorism, border control, strategic interests, regional security

Acknowledgements: The research is supported within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2023. Project title: “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts”.

For citation: Medushevskii, N.A., Filin, N.A., Koklikov, V.O., & Samoilova, E.E. (2024). Iran's security policy in the Caspian region. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 502–519. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-502-519>

Введение

Современный мир развивается в парадигме кризиса. В последние 10 лет стало очевидно, что линия политического разлома проходит между «Западным миром», включающим в себя страны Европы, США, Канаду, Японию, Австралию,

и мировым большинством. Раскол обусловлен конфликтом вокруг идеи «однополярного мира» во главе с США, доминировавшими в международной повестке с момента окончания «Холодной войны» [Пфаненштиль, Яценко, Максимов, Молодых 2019]. Страны, не относящиеся к западной коалиции, противопоставляют данной модели идею многополярного мира, в котором ведущие роли должны играть государства, являющиеся лидерами глобального развития безотносительно их принадлежности к клубу либеральных демократий.

В данной связи можно говорить о формировании достаточно большой условной коалиции стран-противниц однополярного миропорядка. К данной коалиции безусловно можно отнести Россию, Китай, Индию, ЮАР, Бразилию — т.е. группу стран БРИКС, а также целый ряд стран, поддерживающих данную повестку [Подлесный 2022]. Среди них, безусловно, ключевую роль играет Исламская Республика Иран, которая уже многие десятилетия развивается в условиях санкционного давления со стороны стран Запада и является ведущим оппонентом западноцентричной модели мироустройства на территории Большого Ближнего Востока.

Одним из ключевых регионов для иранской политики является регион Каспийского моря. Ценность данного региона обусловлена тем, что он связывает двух крупнейших геополитических игроков региона — Иран и Россию, и через него проходит постоянно растущее торгово-экономическое сообщение двух стран. Кроме того, данный регион является стратегическим во взаимоотношениях России со странами Юга континента, в том числе Индией и Пакистаном. С учетом того, что и Иран, и Индия на сегодняшний день являются стратегическими партнерами России в «глобальном противостоянии», стабильное сообщение с ними является залогом реализации успешной региональной политики и получения доходов от торговли. Неслучайно именно в регионе Каспия на сегодняшний день создается транспортный коридор «Север — Юг» общей протяженностью от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи (Бомбей) 7200 км¹.

В данной связи, в аспекте региональной политики, принципиальное значение приобретает вопрос безопасности и противодействия рискам дестабилизации, который становится как объектом международного сотрудничества стран, имеющих выход к акватории Каспия, так и предметом регулирования национального законодательства и практик исполнительной власти.

В российской историографии существует достаточно большое количество работ, посвященных политике России и стран СНГ в Прикаспийском регионе. В их числе, например, книга К.А. Маркелова «Большой Каспий в геополитическом измерении» 2020 г. издания [Маркелов 2020], монография М.К. Магомедова

¹ Примечание: Транспортный коридор «Север — Юг» создан для привлечения транзитных грузопотоков из Индии, Ирана и других стран Персидского залива на российскую территорию (через Каспийское море) и далее в Северную и Западную Европу. Международный транспортный коридор «Север — Юг», Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.11.2016. URL: [https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/#:~:text=Международный%20транспортный%20коридор%20\(МТК\)%20«Север-Юг»,в%20Северную%20и%20Западную%20Европу](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/#:~:text=Международный%20транспортный%20коридор%20(МТК)%20«Север-Юг»,в%20Северную%20и%20Западную%20Европу)

«Каспий на геополитических трассах северной Евразии: энергополитическое и транспортное измерение на рубеже XX–XXI столетий» [Магомедов 2018], книга П.Г. Дарабади «Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века» [Дарабади 2010] и др. В то же время большинство опубликованных и известных в России работ рассматривают Прикаспийский регион преимущественно с позиции России. Кроме того, ситуация в регионе стремительно меняется и возникают все новые вызовы, влияющие на уровень региональной безопасности. Все это формирует актуальность рассмотрения региональных отношений и вопросов обеспечения стабильности и безопасности с позиции Ирана, которая, в современной политической практике, во многом может быть обозначена как определяющая баланс регионального развития. Подобный подход, основанный на анализе источников иранского происхождения, безусловно, является крайне ценным и имеет выраженное практическое значение ввиду углубления российско-иранского сотрудничества и формирования синергетического эффекта региональной политики.

Впрочем, существует совместная статья иранского аспиранта, обучающегося в России, М. Хагбина, и российского эксперта, работающего в Иране, А.Н. Животенкова «Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии» [Хагбин, Животенков 2021], в которой делается попытка рассмотреть политику Ирана (а также мнение иранской общественности) по отношению к каспийской проблеме в контексте региональной безопасности.

Предыстория вопроса

С распадом Советского Союза для Тегерана сложилась ситуация, что его некогда стабильная северная граница превратилась в потенциально наполненную конфликтами зону. Если раньше зона вокруг Каспийского моря была линией соприкосновения всего двух государств — Исламской Республики Иран и СССР, то после 1991 г. ИРИ обрела сразу четырех соседей, с которыми нужно было выстраивать отношения. Кроме того, разведка углеводородных ресурсов в Каспийском море в несколько раз увеличила его геополитическое значение и породила серьезную конкуренцию на региональном и международном уровнях [Чернявский 2002]. Новые независимые страны признали все права и обязательства, вытекающие из предыдущих ирано-советских договоренностей, на высшем уровне в Минском соглашении в декабре 1991 г. и в Алма-Атинской декларации, подписанной в том же году. По предложению тогдашнего президента Ирана Али Акбара Хашеми Рафсанджани, пять прикаспийских государств обсудили возможность создания «Организации каспийского экономического сотрудничества» на встрече в Тегеране 17 февраля 1992 г. [Момтаз 1995: 123]. Политические и экономические проблемы новых государств вынудили их использовать энергетические ресурсы Каспийского моря для преодоления собственных кризисов, и тогда начались споры о правовом статусе Каспийского моря. В частности, после того, как Азербайджан и Казахстан подписали договоры

с нефтяными западными компаниями и открыли американским и британским компаниям путь на Каспий. В ответ на это со стороны Исламской Республики Иран и России последовал резкий протест по поводу того, что правовой статус Каспийского моря стал неопределенным.

Начиная с 1998 г. Россия подписала двусторонние соглашения с Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном о разделе акватории Каспийского моря и демаркации границы. В 2002 г. в Ашхабаде (Туркменистан) состоялся первый официальный саммит глав пяти прикаспийских государств после распада Советского Союза, на котором обсуждались вопросы экологии и возможные варианты раздела Каспия, а в мае 2003 г. Россия, Казахстан и Азербайджан подписали соглашение о разделе между собой северной и центральной частей Каспийского моря (19, 27 и 18 процентов соответственно). Иран считал любое соглашение, противоречащее общему, недействительным и незаконным, и продолжал настаивать на том, что ему принадлежит 20 процентов от территории Каспийского моря [Малеки 2009: 147].

Итоговая Декларация саммита глав прикаспийских государств была подписана на втором саммите лидеров прикаспийских государств в Тегеране в октябре 2007 г. Согласно этой декларации, территория Каспийского моря должна использоваться только в мирных целях и ни одной стране не может быть разрешено вести на его территории военную деятельность. Этот пункт отражал интересы и стремления Ирана, который постоянно выступает против любого военного присутствия на Каспии (особенно — враждебных Исламской республике западных государств). Главы пяти государств также подчеркнули, что в регионе действует запрет на распространение ядерного оружия. Помимо этого, со стороны Ирана повторно поступило предложение создать Организацию каспийского экономического сотрудничества [Мусави, 2009, с. 10], однако к настоящему времени она так и не была создана.

В этот период, несмотря на переговоры с соседними странами о разделе территории Каспийского моря, Россия и Туркменистан отстаивали общий план по разделу морского дна на основе измененной средней линии длины побережья. Казахстан и Азербайджан настаивали на реализации плана полноценного раздела поверхности и морского дна. Исламская Республика Иран, которая хотела завершить процесс определения правового статуса Каспийского моря в соответствии с соглашениями 1921 и 1940 гг., назвала своим главным приоритетом полное общее пользование акваторией, с чем были не согласны другие четыре страны. Дело в том, что при разделении Каспия по срединной линии между пятью странами Ирану досталось бы всего 11 % его акватории, причем очень бедной полезными ископаемыми, что не могло устроить иранскую власть, выступающую за равноправное положение Ирана во всех международных договорах — с точки зрения властей Ирана, это означает, что при разделе секторов Ирану должно достаться 20 % территории, причем насыщенность ее полезными ископаемыми должна быть сопоставима с другими странами. Этой позицией Ирана во многом и объяснялись столь

большие трудности при переговорах пяти прикаспийских стран. Однако из-за общей заинтересованности региональных стран в сохранении мира и стабильности эти противоречия никогда не переходили в стадию открытых конфликтов и были предметом переговоров, пусть и достаточно трудных. При этом часть иранского общества выдвигает нереалистичные претензии, желая, чтобы Ирану досталось целых 50 % Каспия, утверждая, что якобы такой долей Иран владел до распада СССР, хотя это не так: по договорам 1921 и 1940 гг. страны получали в собственность лишь 10-мильную зону, а основная часть Каспия была в общем пользовании и не была разделена [Хагбин, Животенков 2021].

Третий саммит состоялся в ноябре 2010 г. в Баку, в ходе которого были достигнуты договоренности о безопасности на Каспийском море. Тогда стороны приблизились к заключению соглашения о правовом статусе Каспийского моря. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море было подписано 18 ноября 2010 г., а в 2014 и 2021 гг. к документу были добавлены дополнительные соглашения. Согласно основным положениям документа, обеспечение безопасности на Каспийском море возлагается исключительно на прикаспийские государства. В рамках данного соглашения стороны обязались сотрудничать по линии борьбы с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой и незаконным оборотом оружия, наркотиков и денежных средств. Кроме того, в документе обозначены вопросы обеспечения безопасности морского судоходства, борьба с браконьерством, торговлей людьми и нелегальной миграцией².

В мае 2021 г. Меджлис исламского совета (иранский парламент) одобрил законопроект протокола о сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью в Каспийском море, дополняющего Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности в Каспийском море. Представитель Правового комитета Меджлиса исламского совета в отношении данного законопроекта высказался следующим образом: «Законопроект был подготовлен для обеспечения национальных интересов Ирана в Каспийском море, а региональное сотрудничество со странами-участницами может способствовать обеспечению безопасности Каспийского моря»³.

Четвертый саммит прикаспийских государств состоялся в конце сентября 2014 г. в Астрахани. На этом саммите, помимо вопросов безопасности и вопросов, касающихся правового статуса, также обсуждались экологические проблемы. В рамках саммита были подписаны следующие документы: Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря, Соглашение

² Iranian Students' News Agency (ISNA). URL: <https://www.isna.ir/news/93042514627/قانون-موافقتنامه-مربوط-به-همکاری-در-زمینه-امنیت-در-دریای-خزر-ابلاغ-شد> (accessed: 22.04.2024).

³ قانون سند الحاقی (پروتکل) همکاری در زمینه مبارزه با جرائم سازمان یافته در دریای خزر الحاقی به موافقتنامه مربوط به قانون-سند-الحاقی-پروتکل-همکاری-// Ekhtebare. URL: <https://www.ekhtebare.ir/قانون-سند-الحاقی-پروتکل-همکاری-در-زمینه-امنیت-در-دریای-خزر> (accessed: 21.04.2024).

о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря.

Наконец, после многочисленных переговоров, в августе 2018 г. лидеры прикаспийских государств собрались на пятом саммите в Актау (Казахстан) и обсудили определение правового статуса Каспийского моря, экономическое сотрудничество, экологические проблемы, логистику, охрану биологических ресурсов, вопросы безопасности, а также региональные и международные вопросы. 12 августа 2018 г. стороны подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря⁴. Параллельно в Казахстане было подписано еще шесть документов касательно борьбы с организованной преступностью, наркотиками и т.д. Три из них — это дополнительные протоколы к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, принятом в 2010 г.⁵

Также по вопросам разграничения дна Каспийского моря ведомствам было объявлено, что раздел должен осуществляться по соглашению между странами с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, чтобы позволить странам осуществлять свои суверенные права по использованию ресурсов субстрата и другой законной экономической деятельности, связанной с разработкой ресурсов дна. Стороны Соглашения подчеркнули, что в целях борьбы с международным терроризмом и его финансированием, контрабандой оружия, наркотических средств, психоактивных веществ и их прекурсоров, незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, а также предотвращением незаконной иммиграции и борьбой с контрабандой на море и прочими преступлениями в Каспийском море они готовы сотрудничать друг с другом. В Соглашении говорится, что в целях обеспечения эффективной реализации условий данного документа, а также сотрудничества на Каспийском море стороны создадут механизм регулярных консультаций пяти стран на высшем уровне в соответствии с согласованной процедурой под контролем министерств иностранных дел, ротация которых будет происходить не реже одного раза в год в одной из стран⁶.

Президент Ирана Хасан Роухани в отношении данного соглашения сказал следующее: «Соглашение полностью запрещает передвижение иностранных военных кораблей в Каспийском море, что крайне важно с точки зрения национальной безопасности прикаспийских государств». А заместитель министра иностранных дел Ирана в связи с этим заявил: «Согласно законам, до 15 морских миль от суши каждой страны считается ее береговой линией,

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ اظهار نظر کارشناسی درباره: «لایحه پروتکل همکاری در زمینه مبارزه با جرائم سازمان یافته در دریای خزر الحاقی به // Civolica. URL: <https://civilica.com/doc/1162871/> (accessed: 21.04.2024).

⁶ کنوانسیون رژیم حقوقی دریای خزر امضا شد/ متن کامل کنوانسیون // پایگاه اطلاع رسانی ریاست جمهوری اسلامی ایران URL: <https://www.president.ir/fa/105642> (accessed: 23.04.2024).

а до 10 километров после — районом рыболовства. До тех пор пока окончательное соглашение о разделе территории Каспийского моря не достигнуто, действует данный же закон»⁷.

Соглашение было чрезвычайно важным для стран Каспийского моря, поскольку путь до его подписания включил в себя множество разногласий в течение пяти саммитов и 48 встреч рабочих групп⁸. Точные границы стран в водах и на дне Каспийского моря пока остаются под вопросом, хотя в подписанном соглашении указано, что «определение границ внутренних и территориальных вод между прикаспийскими государствами будет осуществляться в соответствии с соглашением между этими странами с учетом принципов и норм международного права». Исламская Республика Иран по-прежнему настаивает на своей 20-процентной доле⁹, а ВМС ИРИ уже провели несколько военных учений в Каспийском море¹⁰. Часть иранской общественности восприняли заключенное соглашение как «предательство», полагая, что доля Ирана при разделе Каспийского моря оказалась равна всего 11 %, однако официальные лица, в частности министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф, опровергли это, заявив, что доля Ирана в итоге будет значительно больше 11 %, хотя пока еще точно не определена, и что Иран не пошел ни на какие уступки [Хагбин, Животенков 2021].

29 июня 2022 г. в Ашхабаде (Туркменистан) состоялся шестой раунд переговоров прикаспийских государств. На этом мероприятии впервые вместо Хасана Роухани присутствовал новый президент Ирана Эбрахим Раиси. Естественно, вопрос безопасности по-прежнему считается приоритетным для Ирана на переговорах по Каспийскому морю. Хотя определение границ акваторий и дна Каспийского моря на этой встрече осталось нерешенным, но в итоговом заявлении, опубликованном по итогам встречи глав прикаспийских государств, были достигнуты договоренности по следующим вопросам:

- 1) обеспечение безопасности и стабильности в регионе;
- 2) обеспечение стабильности и баланса в вопросе вооружений прикаспийских государств, военного развития в разумных пределах с учетом интересов всех прикаспийских государств без ущерба безопасности друг друга;
- 3) соблюдение согласованных мер в области военной деятельности, предсказуемость и прозрачность учений;

⁷ نگاهي سریع به رژیم حقوقی دریای خزر در گذر تاریخ // العربية نت فارسی URL: <https://farsi.alarabiya.net/iran/2019/08/12/نگاهی-سریع-به-رژیم-حقوقی-دریای-خزر-در-گذر-تاریخ> (accessed: 22.04.2024).

⁸ اجلاس سران کشور های ساحلی خزر نیمه دوم 2018 برگزار می شود // IRNA News Agency. URL: <https://www.irna.ir/news/82832789/اجلاس-سران-کشور-های-ساحلی-خزر-نیمه-دوم-2018-برگزار-می-شود> (accessed: 22.04.2024).

⁹ حراست ایران از 20 درصد خزر // روزنامه خراسان. Ст. 21369. 28 ноября 2023 г.

¹⁰ رزمایش امنیت پایدار 1400 ارتش در دریای خزر آغاز شد // Tasnim News. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1400/04/09/2530251/رزمایش-امنیت-پایدار-1400-ارتش-در-دریای-خزر-آغاز-شد> (accessed: 23.04.2024).

- 4) невозможность присутствия вооруженных сил других стран на Каспийском море;
- 5) недопустимость предоставления прибрежной территории третьей стране для проведения военных действий против другой страны в этом регионе¹¹.

Терроризм на Каспии

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря на современном этапе составляет основу внутреннего сотрудничества стран каспийской пятерки. Документ стал основополагающим для системы взаимодействия между пятью странами, его даже называют своеобразной Конституцией Каспийского моря [Пивовар 2019]. Как отметил В.В. Путин, «многоплановое взаимодействие государств „каспийской пятерки“ получило современную юридическую основу на многие годы вперед... Конвенция закрепляет за пятью государствами исключительные и суверенные права на Каспийское море, ответственное освоение и использование его недр и других ресурсов, надежно гарантирует решение всех актуальных вопросов на принципах консенсуса и взаимного учета интересов, обеспечивает по-настоящему мирный статус Каспийского моря, неприсутствие на Каспии вооруженных сил нерегionalных государств»¹².

После революционных событий Арабской весны на Ближнем Востоке и по мере усиления внутреннего вооруженного конфликта в Сирии и Ираке часть населения государств Каспийского региона вступила в ряды международных террористических организаций (МТО), поэтому в последнее десятилетие проблема радикализации ислама является одной из первостепенных. Иран, принявший непосредственное участие в противостоянии террористическим группировкам на территории Ирака и Сирии, находится в авангарде борьбы с обозначенной проблемой, и неудача Тегерана в международной войне с радикальными идеями приведет на Каспий новые волны экстремистов. Это в свою очередь запускает цепную реакцию и несет за собой угрозы экономической и энергетической безопасности.

В этой связи важно отметить принцип равной и неделимой безопасности¹³, согласно которому безопасность одной страны не представляется возможной без обеспечения безопасности соседних государств. Отсюда же следует, что возникающие в одной части региона угрозы распространяются и на другие. Поэтому внутреннее сотрудничество необходимо для обеспечения стабильности на локальном уровне. Это в свою очередь — основа для глобального взаимодействия

¹¹ بیانیه پایانی نشست کشور های ساحلی خزر+جزئیات/رئیس و پوتین در آغوش یکدیگر+عکس // Tabnak. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/1127252/-بیانیه-پایانی-نشست-کشور-های-ساحلی-خزر-جزئیات-رئیس-و-پوتین-در-آغوش-یکدیگر-عکس> (accessed: 23.04.2024).

¹² Заявление Владимира Путина по итогам Пятого каспийского саммита 12 августа 2018 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58297> (дата обращения: 13.04.2024).

¹³ Россия формирует новую архитектуру безопасности в Евразии, заявил Лавров // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240313/bezopasnost-1932705133.html> (дата обращения: 17.04.2024).

с иными внешними акторами. В случае с Каспийским регионом ситуация та же самая — вопросы безопасности касаются Туркменистана, Азербайджана, Казахстана, Ирана и России в равной степени. Соответственно, проблема радикализации в отдельно взятой стране становится общим кейсом для всех, и так или иначе будет дестабилизировать ситуацию внутри каждого государства.

Иран и Туркменистан напрямую граничат с Афганистаном и находятся в непосредственной близости к зонам активности МТО на Ближнем и Среднем Востоке, что создает угрозу распространения идеологии экстремистской направленности среди местного населения. Однако Россия, Азербайджан и Казахстан, будучи в относительной отдаленности от очагов нестабильности, не менее заинтересованы в механизмах борьбы с терроризмом, поскольку в полной мере сталкиваются со всеми сопутствующими проблемами. Одна из основных — рекрутирование новобранцев из населения прикаспийских государств. Иран в этом плане защищен больше остальных ввиду того, что подавляющее большинство его граждан являются шиитами — неправовыми мусульманами с точки зрения преимущественно суннитских радикальных группировок. Вместе с тем соседство с Ираком и Афганистаном, где обстановка далека от благоприятной, вынуждает иранские правоохранительные органы и органы безопасности усиливать меры по предотвращению угроз от деятельности МТО на приграничных территориях. Иран активно ведет внутреннюю борьбу с ячейками международных террористических организаций, члены которых проникают на территорию ИРИ через соседние государства. Важно и то, что в иранском правовом поле нет такого понятия, как экстрадиция обвиняемых по статьям, связанным с терроризмом. Этих людей, если те являются гражданами других государств (даже дружественных Ирану), судят внутри страны по местным законам. Все это подразумевает, что тот уровень угроз, с которым сталкивается Исламская Республика, не позволяет «понижать градус» и предпринимать какие-либо иные меры касательно данного вопроса.

Между Россией и Ираном существует целый ряд подписанных соглашений по части борьбы с терроризмом на уровне различных спецслужб и министерств обороны [Медушевский 2022]. В частности, один из этих документов предполагает обоюдный обмен информацией, связанной с предупредительными сигналами о планируемых преступлениях на территории РФ или ИРИ¹⁴, что позволяет спецслужбам работать достаточно свободно. Кроме того, слаженное партнерство двух стран развернулось более масштабно с началом сирийского кризиса — Россия и Иран вместе помогали правительственной армии САР проводить работу по выявлению и ликвидации террористических групп, в том числе ИГИЛ* и подконтрольных ему ячеек.

¹⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о продлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о взаимной защите секретной информации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309260002?index=2> (дата обращения: 13.04.2024).

* Террористическая организация, запрещенная в России.

После подписания СВПД и отмены некоторых ограничений на поставки оружия Россия продала Ирану военную технику, в частности системы С-300. В августе 2016 г. Хасан Роухани и Владимир Путин обсудили заключение двустороннего военного соглашения и развитие военно-технического сотрудничества между двумя странами¹⁵. В марте 2017 г. страны подписали совместное заявление о «дорожной карте» реализации проектов сотрудничества. Иран и Россия рассматривали терроризм во всех его формах и проявлениях как одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности, региональной и международной стабильности и устойчивому развитию и подчеркивали, что любые террористические акты являются преступными и неоправданными, независимо от мотивов, обстоятельств, времени и лиц, совершивших террористический акт.

Также стороны уделили особое внимание необходимости коллективного международного участия в борьбе с терроризмом на основе международного права, Устава ООН, уважения суверенитета стран, непосредственно пострадавших от террористических атак, и без «двойных стандартов». В этом заявлении президенты двух стран, подчеркнув важность борьбы с терроризмом, в том числе путем концентрации международных усилий на предотвращении насильственного экстремизма, приветствовали принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции «Мир против насилия и экстремизма (WAVE)». Они также настаивали на необходимости глобальной конфронтации с идеей такфиризма как основной движущей силой склонения молодежи к вступлению в террористические группировки.

В ноябре 2017 г. президенты Ирана, России и Азербайджана на официальной встрече обсудили друг с другом вопросы развития трехстороннего сотрудничества в различных областях, включая противодействие терроризму, экстремизму, мир и стабильность в Каспийском регионе и другое. В июне 2023 г. в ходе поездки в Москву главнокомандующий Силами охраны правопорядка Исламской Республики Иран и главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации подписали меморандум о взаимопонимании по развитию и расширению безопасности и военного сотрудничества и обмену опытом по борьбе с возникновением беспорядков. Стороны также договорились развивать двустороннее сотрудничество в различных областях, включая борьбу с терроризмом, борьбу с незаконным оборотом наркотиков, борьбу с контрабандой оружия и боеприпасов, борьбу с организованной преступностью и другие области правоохранительной деятельности и безопасности¹⁶.

В декабре 2023 г. в иранском Меджлисе был одобрен законопроект соглашения о сотрудничестве в сфере информационной безопасности между Ираном

¹⁵ Mاذكره روحانی و پوتین برای "توسعه همکاری نظامی" / قرارداد نظامی جدید در راه است؟ // Tasnim News. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/05/17/1151046/> - مذاکره روحانی و پوتین برای توسعه همکاری (accessed: 23.04.2024).

¹⁶ Mاذکره روحانی و پوتین برای "توسعه همکاری نظامی" / قرارداد نظامی جدید در راه است؟ // IRNA News Agency. URL: <https://www.irna.ir/news/85154696/> - مذاکره روحانی و پوتین برای توسعه همکاری (accessed: 23.04.2024).

и Россией¹⁷. Цель написанного правительством законопроекта, состоящего из девяти статей и приложения, обозначили следующим образом: «борьба с указанными угрозами и усиление информационной безопасности, борьба с преступлениями, совершаемыми в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, техническая и технологическая помощь и международное сотрудничество»¹⁸. В апреле 2024 г. на полях XII Международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, члены Высшего совета национальной безопасности Ирана и России подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам безопасности. На основе этого меморандума о взаимопонимании уровень отношений и сотрудничества между двумя странами повысится в различных стратегических сферах¹⁹.

Трагические события последних лет показывают, что произвести полную «зачистку» радикально настроенных элементов на территории даже одной страны (не говоря уже о целом регионе) — невозможно. Наиболее показательными примерами проявления этих угроз являются теракты в Иране. Среди самых громких — атаки боевиков ИГИЛ* на здание парламента в центре Тегерана и на мавзолей Имама Хомейни в 2017 г.; взрыв во время военного парада в Ахвазе в сентябре 2018 г., ответственность за который взяло на себя «Патриотическое арабское демократическое движение в Ахвазе»; теракт на территории мавзолей Шах-Черак в Ширазе и расстрел сотрудников сил правопорядка в городе Изе осенью 2022 г. Возвращаясь к теме приграничной безопасности, нельзя пропустить теракты в провинции Систан и Белуджистан на юго-востоке Ирана, где проходит граница с Афганистаном и Пакистаном. За последние несколько лет именно эта территория стала печальным рекордсменом по их количеству. В декабре 2018 г. в городе Чабахар смертник из группировки «Ансар аль-Фуркан» совершил самоподрыв. Спустя всего пару месяцев, в феврале 2019 г., еще один террорист, но уже из числа группировки «Джейш аль-Адль», устроил взрыв рядом с автобусом Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В декабре 2023 г. в области Раск произошел еще один теракт, в результате которого погибли более десятка полицейских.

Вызвавшим масштабный резонанс не только в иранском обществе, но и по всему миру стал террористический акт во время траурных шествий на кладбище в городе Керман 3 января 2024 г. — в годовщину гибели генерала КСИР Касема Сулеймани. Ответственность за это взяла на себя афганская

جزییات موافقتنامه همکاری ایران و روسیه در حوزه امنیت اطلاعات که در مجلس تصویب شد/ دلیل نگرانی و مخالفت برخی نمایندگان چیست؟ // Jamaran News and Information Center. URL: <https://www.jamaran.news/> بخش-باز نشر -59/1616501-جزییات-موافقتنامه-همکاری-ایران-و-روسیه-در-حوزه-امنیت-اطلاعات-که-در-مجلس-تصویب-شد-دلیل-مخالفت-برخی-نمایندگان-چیست (accessed: 23.04.2024).

URL: <https://www.asriran.com/fa/news/925446/> موافقتنامه همکاری امنیتی اطلاعاتی ایران و روسیه چه پیامدهایی دارد؟ // عصر ایران (accessed: 23.04.2024).

URL: <https://eghtesaad24.ir/fa/news/237272/> یادداشت تفاهم امنیتی بین ایران و روسیه امضا شد (accessed: 23.04.2024).

* Террористическая организация, запрещенная в России.

ячейка ИГ* — «Вилаят Хорасан»* (также ИГИЛ-Хорасан*, ИГИЛ-Х*). В ходе заседания, прошедшего в Ташкенте 29 марта 2024 г., Совет Региональной антитеррористической структуры (РАТС) Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) осудил серию терактов, к которым причастна группировка. В опубликованном сообщении речь шла не только о событии в Кермане, но и о террористических атаках, совершенных 22 марта 2024 г. в здании «Крокус Сити Холла» в Московской области и 26 марта — в пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва. Совет РАТС ШОС также подтвердил «приверженность бескомпромиссной борьбе с любыми проявлениями терроризма и выразил уверенность в скорейшем изобличении и наказании всех организаторов и исполнителей этих террористических актов»²⁰. Важно отметить, что на момент написания данной статьи (май 2024 г.) полноправными членами ШОС являются три государства Каспийского региона — Россия, Иран и Казахстан.

Политика борьбы с терроризмом в Иране приравнивается к вопросам обороны и безопасности и полностью находится под контролем Верховного лидера²¹. Основными организациями, к полномочиям которых относится контртеррористическая деятельность, являются Министерство разведки и безопасности, Силы правопорядка, Вооруженные силы и Корпус стражей исламской революции. Эти подразделения прилагают постоянные усилия для координации друг с другом в рамках Высшего совета национальной безопасности с одобрения Верховного лидера, который обладает широким кругом полномочий: контроль над тремя ветвями власти в стране, командование армией, определение основных направлений внутренней и внешней политики и многие другие [Филин 2020]. Начальник Генерального штаба, главнокомандующий КСИР и верховные главнокомандующие силами безопасности и вооруженными силами также назначаются Верховным лидером²².

Территориальные и экономические районы Каспийского моря переплетены таким образом, что его правовой статус среди прикаспийских государств еще не определен до конца с точки зрения международного права, и в общих принципах международного права эти вопросы должны быть решены при соблюдении принципа справедливости между странами. Большинство разногласий появилось из-за важной роли Каспийского моря в добыче нефти и газа. Фактически разногласия прибрежных стран относительно правового статуса Каспийского моря возникают из-за использования и эксплуатации природных ресурсов Каспийского моря этими странами, а такие вопросы, как судоходство

* Террористическая организация, запрещенная в России.

²⁰ О 41-м заседании Совета РАТС ШОС // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://ecrats.org/ru/press/news/9523/> (дата обращения: 15.04.2024).

²¹ Iranian Constitution, art 110 (1) and (2): the authorities and responsibilities of the Supreme Leader: 1. determining the overall politics of the Islamic Republic system of Iran after consultation with the Expediency Council, and 2. supervising the proper implementation of the general policies of the system.

²² Ibid, art 110 (1, 2, 4, 5 and 6).

и рыболовство, не являются предметом обсуждения реальных споров. И это несмотря на то, что остальные четыре прикаспийских государства в последние годы добывают нефть и газ со дна Каспийского моря, а доля Ирана в добыче газа и нефти на Каспии равна нулю [Кариани 2014: 198].

План раздела Каспийского моря был впервые предложен Азербайджаном, и из-за интересов нефтяных корпораций был решительно поддержан западными компаниями. В годы после распада Советского Союза для снижения зависимости от российских энергоносителей многие европейские компании подписали крупнейшие договоры на участие в разведке и добыче нефти на Каспийском море с прикаспийскими государствами [Валдани, Хоссейни 2016: 52].

Тема присутствия других стран в регионе и милитаризации Каспийского моря заставила ИРИ все чаще говорить об угрозе безопасности. Конкуренция прикаспийских государств, России и Турции за поставку энергоносителей на Запад также нарушила иранскую энергетическую безопасность.

Азербайджан, Казахстан и Туркменистан считали, что их интересам и национальной безопасности будет соответствовать взаимодействие с внерегиональными державами в Каспийском море. Поэтому вопросы, связанные с Каспийским морем во внешней политике Исламской Республики Иран, стали одним из важнейших вопросов дипломатического аппарата страны. Экономические интересы, связанные с вопросами безопасности, а также дипломатические усилия по обеспечению исторических прав Ирана в Каспийском море увеличили его важность во внешней политике Исламской Республики Иран. Отсутствие на Каспийском море любого вида вооружения и военной техники и вывод военных кораблей из Каспийского моря стали одними из важных действий Ирана в этом отношении. В процессе милитаризации Каспийского моря, вопреки предыдущим заявлениям властей России и некоторых прикаспийских государств по поводу предотвращения расширения военных учений в акватории, происходит усиление и расширение воинских частей и строительство военных объектов на Каспийском море, причем даже более быстрыми темпами, чем это было раньше [Аль-Эслами, Хоссейн, Хоссейни, Шираванд 2014: 126, 130].

Кроме того, причиной нестабильности для политической ситуации и интересов Исламской Республики могут стать теплые отношения близкого соседа — Азербайджана — с Израилем, который активно пытается увеличить свое экономическое, политическое и военное влияние в приграничных с Ираном районах. В этом контексте к началу 2000-х гг. был сформирован стратегический альянс между США, Израилем, Турцией и Азербайджаном, для предотвращения гегемонии России и Ирана в регионе [Мохаммади Аль-Мути 2006: 100]. Поэтому для поддержания безопасности во внешней политике Иран рассматривал расширение дипломатических, экономических и военных отношений с прикаспийскими государствами как препятствие для присутствия внерегиональных держав на Каспии, а также как путь к демилитаризации Каспийского моря.

По сравнению с другими четырьмя странами Каспийского моря Исламская Республика Иран уделяет наибольшее внимание демилитаризации Каспия в соответствии с усилиями Тегерана по достижению снижения

уровня военных действий и гонки вооружений на Каспийском море. Вопросы мирного урегулирования разногласий и демилитаризации Каспийского моря были приоритетами в повестке дня иранских властей на втором саммите прикаспийских государств в 2007 г., и такая политика проводится Ираном до сих пор. Иран всегда хотел использовать дипломатические решения для достижения соглашений и сближения стран региона [Аль-Эслами, Хоссейн, Хоссейни, Шираванд 2014: 146].

В целях улучшения национальной безопасности Иран вел политику в отношении энергетической, экономической и торговой безопасности со своими соседями в Каспийском регионе, и в этой связи было проведено множество встреч и подписано немало документов о сотрудничестве в области торговли, финансов, экономики, туризма, культуры и т.д. С точки зрения внешней политики Ирана такие отношения также могут сближать страны так, что возможность принятия решений, ставящих под угрозу безопасность другой стороны, будет крайне маловероятной.

Население прикаспийских территорий хотя и является преимущественно мусульманским, но не имеет общей идентичности на этой основе, поэтому религиозный фактор играет небольшую роль в местных конфликтах. Однако проблема радикализации ислама опасна тем, что может еще больше расколоть и так не очень солидарное друг с другом население стран каспийской пятёрки, отличающихся в вероисповедании. Большинство мусульман, проживающих в Каспийском регионе — сунниты, в то время как иранцы и азербайджанцы — преимущественно шииты. Однако этот фактор никак не влияет на политическую ориентацию или активность азербайджанцев — у Ирана и Азербайджана все еще довольно напряженные отношения по ряду причин. Например, обретение Азербайджаном независимости послужило катализатором роста значимости этнической идентификации (в ущерб общеиранской и шиитской) среди иранских азербайджанцев. Это фактор, который влияет на общую стабильность режима в Иране и заставляет больше концентрировать ресурсы на своей внутренней ситуации.

Политические события в Иране и реакция на них напрямую влияют на стабильность всего Каспийского региона. Иран стоит на передовой борьбы с международным терроризмом. В случае неудачи под угрозой окажется огромный регион от Сирии до Афганистана и от Ормузского пролива до Каспийского моря. От этого зависит и энергетическая безопасность, и беспрепятственная работа международных транспортных коридоров, и многое-многое другое. Государства Каспийского региона сосредоточены на создании мирной и добрососедской атмосферы между собой, однако делают больший упор на взаимодействие на экономической сфере, нежели на сотрудничестве в сфере безопасности, иногда пренебрегая позицией Ирана. Если государствам Каспийского региона все же удастся сформировать общую политическую линию и разработать механизмы борьбы с терроризмом, это станет залогом их общей безопасности и выйдет далеко за рамки вопроса об энергетических ресурсах. Таким образом, можно сказать, что внешняя

политика Исламской Республики Иран в отношении Каспийского моря выглядит следующим образом.

Иран считает, что нестабильность в регионе вредит интересам и безопасности страны, и стремится найти способы справиться с ней. В экономической сфере Исламская Республика стремится к всестороннему развитию отношений с соседними странами. Расширение дипломатического сотрудничества с теми странами региона, которые ведут подлинно независимую от Запада политику, демилитаризация Каспийского моря и недопущение присутствия внерегиональных держав на общих границах прикаспийских государств, несомненно, считаются приоритетными вопросами для Ирана, которые также влияют на безопасность других прикаспийских государств. Вот почему Иран всегда хотел, чтобы Каспийское море было «морем мира и стабильности» [Аль-Эслами, Хоссейн, Хоссейни, Шираванд 2014: 148–149]. При этом ИРИ в плане безопасности остается важнейшим актором в регионе, сдерживая угрозу проникновения экстремистов в остальные страны не только Каспийского региона, но и дальше на Ближний Восток, в Центральную Азию, Россию и т.д.

Заключение

Политика Ирана в Каспийском регионе состоит из двух важнейших аспектов: обеспечение справедливого раздела Каспия, а также недопущение милитаризации данного водоема. Иран выражал недовольство односторонними актами разграничения вод в Каспийском море и требовал единого подхода к его разделу. Тем не менее иранские власти приняли участие во всех пяти саммитах прикаспийских государств и подписали все основные соглашения. Однако парламент Ирана так и не ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, очевидно, из-за опасений, что она не вполне соответствует его национальным интересам. Однако в целом курс Ирана на стабильность и безопасность в Каспийском регионе оставался последовательным на протяжении всего рассматриваемого периода; интересы Ирана в плане недопущения милитаризации Каспия и присутствия на нем внерегиональных игроков полностью совпадают с интересами России. Иран также является препятствием против распространения терроризма и экстремизма как в Прикаспийском регионе, так и на всем Ближнем Востоке, что говорит о стабилизирующей роли этой страны в архитектуре региональной безопасности. В подходе к Каспию наблюдается определенный раскол между властью и обществом Ирана: если власти (особенно в период Хасана Роухани) придерживаются более компромиссного подхода и склонны к определенным уступкам, то для значительной части общества характерны завышенные и нереалистичные ожидания по этому вопросу.

Поступила в редакцию / Received: 23.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 06.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Аль-Эслами Ш., Хоссейн М., Хоссейни С.М.Х., Шираванд С.* Влияние военной деятельности внерегиональных элементов Каспийского моря на национальную безопасность Исламской Республики Иран // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа* 2014. № 89. С. 124–150.
- Валдани Дж.А., Хоссейни С.М.Х.* Влияние военной деятельности внерегиональных элементов Каспийского моря на национальную безопасность Исламской Республики Иран // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа*. 2016. № 97. С. 52–65.
- Дарабади П.Г.* Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М.: Весь Мир, 2010.
[شیخ الاسلامی، محمدحسین، سیدمحمد حسین حسینی، صارم شیراوند، "تأثیر نظامی کردن حوزه دریای خزر بر امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران، فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 89، بهار 1394، ص 124-150]
- Кариани М.* Двусторонние соглашения: новый политический подход к добыче нефти в Каспийском море // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа*. 2014. № 52. С. 198–209.
[خزر بر جعفری ولدانی، اصغر، سیدمحمد حسین حسینی، "تأثیر فعالیت های نظامی بازیگران فرامنطقه ای حوزه [امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران"، فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 97، بهار 1396، ص 52-65]
- Лал Ализаде М., Багеру М.* Изучение реализации правовой системы совместного владения (кондоминиума) в Каспийском море с акцентом на деятельность прибрежных стран // *Ежеквартальный журнал по международному праву*. 2016. № 25. С. 144–159.
[کاریانی، ماریکا، "توافق های دوجانبه؛ رهیافت سیاسی جدید برای بهره برداری نفتی در دریای خزر"، ترجمه مجتبی [د-میرچی لو، فصلنامه مطالعات آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 52، ص 198]
- Магомедов М.К.* Каспий на геополитических трассах Северной Евразии: энергополитическое и транспортное измерение на рубеже XX-XXI столетий. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2018. 243 с.
- Малеки А.* Энергетическая безопасность, Иран и проблемы Каспийского моря // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа*. 2009. № 70. С. 142–151.
[لعل علیزاده، محسن، محمد باقری، "بررسی اجرای نظام حقوقی حاکمیت مشترک (کندومینیوم) در دریای خزر با [تأکید بر عملکرد کشورهای ساحلی، فصلنامه حقوق ملل، سال 7، شماره 25، بهار 1396، ص 144]
- Маркелов К.А.* Большой Каспий в геополитическом измерении. М.: Экон-Информ, 2020. 198 с.
- Медушевский Н.А.* Сотрудничество Ирана и России в Каспийском регионе в материалах зарубежных аналитиков // *Россия и Иран: Пять веков сотрудничества: сборник материалов международной научной конференции*; отв. ред.: А.Б. Безбородов, В.В. Наумкин, А.К. Аликберов. М., 2022. С. 64–73.
- Момтаз Д.* Правовой статус каспийского моря // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа*. 1995. № 10. С. 123–130.
[ملکی عباس، "امنیت انرژی، ایران و مسائل دریای خزر"، فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 70، تابستان 1389، ص 123-130]
- Мохаммади Аль-Мути М.* Факторы, влияющие на внешнюю политику Исламской Республики при определении правового статуса Каспийского моря // *Ежеквартальный журнал «Религия и политика»*. 2006. № 10. С. 81–109.
[ملکی عباس، "امنیت انرژی، ایران و مسائل دریای خزر"، فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 70، تابستان 1389، ص 81-109]
- Мусави Р.* Будущее Каспийского моря // *Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа*. 2009. № 65. С. 10–12.
[ملکی عباس، "امنیت انرژی، ایران و مسائل دریای خزر"، فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز، شماره 70، تابستان 1389، ص 10-12]

- Пивовар Е.И. Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 12–32.
- Подлесный П.Т. Новый миропорядок для XXI века: взгляды из Вашингтона и интересы России. М.: Весь Мир, 2022. 218 с.
- Пфаненштиль И.А., Яценко М.П., Максимов С.В., Молодых Л.Л. Противостояние России и Запада в условиях глобально-геополитических трансформаций: социально-философский анализ. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 390 с.
- Филин Н.А. Легитимация власти Верховного лидера (рахбара) Ирана согласно интерпретации основных иранских политических и религиозных деятелей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 230–238.
- Хагбин М., Животенков А.Н. Позиция Ирана по ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в контексте интеграционных процессов на Каспии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 122–142. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-122-142>
- Чернявский С. Проблема Каспия // Политика и право России. 2002. Т. 3. № 1. С. 85–94.

Сведения об авторах:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, Факультет востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

Филин Никита Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой современного Востока и Африки, Факультет востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: n.filin@rggu.ru) (ORCID: 0000-0002-4764-6939)

Кокликов Владимир Олегович — старший преподаватель кафедры современного Востока и Африки, Факультет востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: azzuro@list.ru) (ORCID: 0009-0002-2035-5637)

Самойлова Елена Евгеньевна — секретарь-администратор кафедры современного Востока и Африки, Факультет востоковедения и социально-коммуникативных наук, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: helenaxsam@gmail.com) (ORCID: 0009-0005-4780-1440)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-520-530

EDN: BCEWEF

Научная статья / Research article

Эволюция политического развития Республики Казахстан в постсоветский период

А.В. Мамедов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ alex.mamedo@yandex.ru

Аннотация. Среди центральноазиатских государств опыт Казахстана занимает особое место. Процесс демократизации и сменявших его волн авторитарного отката и возвращения на демократические рельсы отражает специфику казахстанской политической системы. В то же время Казахстан, так же как и другие государства Центральной Азии, был подвержен влиянию исторически сложившихся методов управления и взаимоотношения между различными властными группами. В итоге, несмотря на декларируемые принципы разделения властей, в Казахстане сложилось доминирование института первого президента. В статье делается вывод, что укрепление вертикали исполнительной власти на первом этапе позволило стабилизировать экономическую ситуацию и проводить сбалансированный внешнеполитический курс, снизить влияние региональных элит. Однако консолидация власти президентом привела к нестабильности в политической сфере ввиду отсутствия рабочего механизма транзита власти. Несменяемость политических элит, снижение роли парламента в принятии ключевых решений развития государства фактически создали препятствия для внедрения действительно демократических норм. С приходом к власти К.-Ж. Токаева начался новый этап политического развития страны. Однако, несмотря на устранение двоевластия и конституционную реформу 2022 г., режим правления в Казахстане не претерпел серьезных изменений.

Ключевые слова: Казахстан, политический процесс, власть, политическая система, Назарбаев, Токаев

Для цитирования: Мамедов А.В. Эволюция политического развития Республики Казахстан в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 520–530. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-520-530>

© Мамедов А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Evolution of the Political Development of the Republic of Kazakhstan in the Post-Soviet Period

Alexey V. Mamedov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

✉ alex.mamedo@yandex.ru

Abstract. Kazakhstan's experience holds a special place among the Central Asian states. The process of democratization and the authoritarian rollback and return to democratic tracks that replaced it reflects the specifics of the Kazakh political system. Meanwhile, Kazakhstan, as well as other Central Asian states, was influenced by historically established methods of governance and the relationship between different power groups. As a result, despite the declared principles of separation of powers, Kazakhstan was dominated by the institution of the first president. The article concludes that the consolidation of the vertical of executive power at the first stage allowed to stabilize the economic situation and to pursue a balanced foreign policy course, as well as to reduce the influence of regional elites. However, the consolidation of power by the president led to instability of the political sphere, as the mechanism of power transfer was not developed. The irremovability of political elites and the reduced role of parliament in making key decisions on the development of the state have created obstacles to the introduction of truly democratic norms. Moreover, the artificial construction of the political system, where the Security Council of Kazakhstan received the status of a constitutional body, laid the foundation for the conflict between the First President and K.J. Tokayev, who won the early elections in 2019. The arrival of Tokayev to the highest state post opened a new stage of political development of the country. The article concludes that despite the elimination of dual power and the constitutional reform of 2022, the political development of Kazakhstan has not undergone serious changes.

Keywords: Kazakhstan, political process, power, political system, Nazarbayev, Tokayev

For citation: Mamedov, A.V. (2024). The evolution of the political development of the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 520–530. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-520-530>

Введение

Современный политический процесс в Казахстане берет свое начало с распада СССР в 1991 г. Примечательно, что еще в апреле 1990 г., Верховный Совет Казахской ССР учредил пост президента. Тогда же законодательный орган избрал Н. Назарбаева президентом республики в составе Союза. В декабре 1991 г. на всенародных выборах президента Республики Казахстан (РК) победил Н. Назарбаев, открыв длительный период своего президентства.

Формирование государственности и становление политической системы Казахстана происходило в условиях ухудшения экономической ситуации в стране, что было связано с разрывом торгово-экономических связей и цепочек поставок продукции. На политический процесс в Казахстане большое влияние оказали традиции казахского общества, прежде всего региональное деление на жузы. Неслучайно в советское время государственное управление в бывшей республике сочетало в себе партийно-государственные подходы

и регионально-клановые методы управления, базировавшиеся на учете взаимных интересов. Соответственно, после распада СССР новое государство оказалось не готово формировать свою политическую систему по принципу национального государства, хотя изначально власти Казахстана заявляли о намерении следовать в русле демократических преобразований и создавать свою политическую систему по примеру стран Запада [Жильцов 2005]. Однако очень скоро выяснилось, что «страны Центральной Азии не готовы формировать политические системы по западным образцам» [Zhiltsov 2016]. Как результат, президент Казахстана был вынужден обращаться к испытанным временем механизмам власти, которые основывались на неформальных договоренностях. В это же время президент сталкивался с противодействием Верховного Совета РК, который стремился сохранить свое политическое влияние.

В первый постсоветский период в Казахстане развернулась борьба между парламентом и президентом за расширение полномочий. Парламент Казахстана отстаивал свои позиции в политической борьбе с президентом, который в новых условиях превращался в реальный центр силы, определявший расстановку сил внутри страны. Демократические преобразования постепенно стали носить все более имитационный характер, а президент концентрировал в своих руках все больше полномочий. Для этого в Основной закон РК вносились необходимые изменения. Ключевой задачей при этом оставалось сохранение позиций главы государства. Так, в результате референдума в августе 1995 г. был снят с повестки дня вопрос о создании парламентской республики [Карсаков 1998].

В результате политический процесс в Казахстане стал сочетать в себе формальные процедуры, связанные с политической борьбой и межпартийными дискуссиями, и одновременно процесс принятия политических решений смещался в сферу непубличных договоренностей. В то же время проведение выборов президента оставалось важной составляющей работы политической системы РК. Высокий уровень электоральной поддержки президента избирателями объяснялся в политическом дискурсе особенностью исторического развития и формированием национальной идентичности в Казахстане с опорой на длительную историю, а также устоявшиеся традиции поведения населения [Жильцов, Слизовский, Шуленина, Маркова 2018].

Соответственно, консолидация власти в руках президента Казахстана, ограничившего реальное влияние оппозиции, имела в своей основе сложившиеся представления о «правильном» методе управления, своего рода *good governance* по-казахстански. Кланово-иерархический принцип управления в государстве вновь оказался востребован, тем самым определив на длительную перспективу подходы к формированию политической системы. В этом заключалась специфика Казахстана, для которого введение «устоявшихся стандартов западных демократий — поста президента, проведение выборов, развитие партийной системы не соответствовали традиционным азиатским обществам» [Лузанова 1997]. В результате демократические институты носили в этот период скорее имитационный характер, однако сохраняли свои структуры и функционал, что в дальнейшем сыграло значительную роль.

В начале своего независимого пути Казахстан активно стремился к построению демократического общества, соответствующего стандартам западных государств, что было залогом развития отношений с ними. Для этого были проведены первые президентские и парламентские выборы. Важным аспектом стала многопартийная система и декларация принципа разделения властей, которые должны были способствовать укреплению демократических институтов в стране. Однако «демократические процедуры и выборы были использованы правящим режимом в качестве одной из форм политической мобилизации» [Куртов 2001: 331]. Более того, Казахстан, «ориентировался на традиционные методы управления, когда компромисс достигался не в официальных кабинетах, а между неформальными группами влияния. В данной системе договоренностей не было места оппозиционным партиям. В целом политическая система должна была прикрывать родоплеменную и регионально-клановую систему договоренностей, которые сформировались в соответствии с традициями и историей развития» [Хадыров 2016: 104]. Это создавало особые условия для формирования внутренней и внешней политики.

Таким образом, в отличие от других стран Центральной Азии, Казахстан избрал компромиссный вариант политического развития. Руководство страны не стало проводить тотальную демократизацию, как это делала Киргизия, и в то же время не пошло по пути создания авторитарной системы и жесткого устранения своих оппонентов [Сейлеханов 2009]. Однако акцент делался на последовательное укрепление института исполнительной власти при снижении влияния парламента. Одновременно с этим Верховный Совет принял закон «О временных полномочиях президента и глав администраций», который расширил возможности главы государства, также был избран новый состав парламента.

Таким образом, президент Казахстана последовательно укреплял вертикаль исполнительной власти. Это позволило преодолеть разнонаправленное влияние региональных элит, сосредоточить власть в одних руках и добиться стабилизации социально-экономической ситуации. В то же время консолидация власти в руках президента привела к проблемам в политической сфере. Отсутствие смены политических элит, доминирование президента в политической системе, подчиненная роль парламента негативно сказывались на развитии страны. При этом реальная расстановка сил опиралась «на традиции и исторически сложившиеся механизмы власти, возродив в полной мере неформальные договоренности. Этому способствовали регионально-клановое деление в бывших республиках, которое не удалось искоренить во времена СССР [Жильцов 2016].

В октябре 1998 г. в Конституцию были внесены изменения, направленные на увеличение срока нахождения президента на своем посту до 7 лет с одновременным снятием ограничений на количество сроков нахождения главы государства на своем посту. В январе 1999 г. результаты, полученные на внеочередных выборах президента, сохранили власть в руках Н. Назарбаева. Уже в 2000 г. Конституционный совет признал этот срок нахождения у власти первым, не считав нахождение во главе государства при «старых» конституциях. В 2005 г. на выборах президента победил Н. Назарбаев.

В итоге президент стал ключевой фигурой в политической системе, оказывая основное влияние на расстановку сил внутри страны. Хотя в Казахстане «формально существовал политический плюрализм и не было прямого влияния на законодательный орган, в котором были представлены различные неформальные группы, тем не менее, президент принял активные меры по нейтрализации мощных региональных и национальных кланов» [Центральная Азия... 2010: 69]. При этом борьба между кланами отличалась бескомпромиссностью и была направлена на перераспределение полномочий [Тулешов 2017]. Данная ситуация наблюдалась во всех странах Центральной Азии, лидеры которых заявляли о своей приверженности базовым либерально-демократическим ценностям и идеалам, при этом сосредоточивая власть в своих руках. Созданная политическая конструкция была ориентирована исключительно на Н. Назарбаева и интересы его окружения и существовала в формате «казахстанской модели демократического транзита... — системы «суперпрезидентской» республики» [Сейдуманов 2022].

Перераспределение президентских полномочий

Укрепление позиций президента Казахстана за счет перераспределения полномочий отразило специфику политического развития страны. При этом парламент вынужденно согласился с подобным переподчинением, став в значительной степени ориентироваться на президента. В свою очередь глава государства не только и не столько поддерживал подобные изменения, сколько инициировал происходящие события. Устранение политического соперничества между парламентом Казахстана и его президентом позволяло рассчитывать на принятие быстрых и необходимых решений, направленных на улучшение экономической ситуации в стране. Это происходило прежде всего, за счет расширения «полномочий президентам и резкого ограничения полномочий других ветвей власти» [Фурман 2006: 136].

В итоге в Казахстане не получила развитие система сдержек и противовесов, президент стал обладать практически неограниченными полномочиями, а парламент носил вспомогательный и имитационный характер. Формально оставаясь независимым, этот институт не оказывал реального влияния на принятие значимых политических решений. Вследствие отсутствия механизма обратной связи и обновления политической элиты в Казахстане «стремительная деградация правовых механизмов привела к укреплению архаичных форм мобилизации и политической активности» [Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы 2011: 21].

Эта ситуация стала негативно отражаться на имидже Казахстана, который, как и Киргизия, позиционировал себя в качестве демократического государства, заинтересованного в расширении отношений с ЕС и США. В результате в 2007 г. Н. Назарбаев инициировал проведение реформы политической системы. Основная идея заключалась в том, чтобы снизить влияние главы государства и расширить полномочия парламента [Шкель 2009]. Были внесены поправки в конституцию Казахстана, что привело к усилению роли и значения

законодательной ветви власти [Казахстан: 20 лет независимости 2011], с другой стороны, были созданы условия для сохранения влияния «президентской вертикали власти» [Центральная Азия: 1991–2009 гг. 2010].

Эти изменения носили во многом формальный характер. Срок пребывания во главе государства был сокращен до 5 лет при отсутствии ограничений сроков избрания более двух сроков подряд. В июне 2010 г. за Н. Назарбаевым официально был закреплен статус Первого президента Казахстана. В ходе этих реформ «демократические процедуры рассматривались в качестве неизбежности, которая помогала решать задачи привлечения инвестиций и сохранения необходимого уровня политических контактов» [Александров 2013], но отнюдь не как цель реформ, поэтому внесенные поправки в Конституцию, с одной стороны, «привели к усилению роли и значения законодательной ветви власти, с другой — к укреплению президентской вертикали власти» [Центральная Азия: 1991–2009 гг. 2010].

Таким образом, демократические преобразования в РК периода президентства Н. Назарбаева были инструментом включения в международную повестку, но с учетом роли кланового фактора, который играл ключевую роль в стране, политические изменения носили скорее симуляционный характер.

Вопрос о том, насколько традиционная клановая система сыграла положительную или отрицательную роль в развитии современного казахстанского государства, не имеет однозначного ответа. Сильная президентская власти позволила оперативно решать возникающие проблемы, стабилизировать экономическую ситуацию, сдерживать межклановые противоречия. Последний фактор имел важное значение для стабильности и развития государства.

Нерешенный вопрос о транзите власти

Во второй половине второго десятилетия XXI в. для Н. Назарбаева одним из главных вопросов была передача власти. Президент рассматривал различные варианты властного транзита, но вместе с тем был заинтересован в сохранении властных рычагов, которые позволили бы ему контролировать политический процесс.

Сохраняя демократический институциональный дизайн, в практической деятельности политические элиты РК следовали в русле утвердившихся неформальных правил, которые позволяли отстаивать свои интересы в новых политических условиях. В итоге была создана система, в которой президент обладал практически неограниченными полномочиями. В ней причудливым образом переплелись традиционные подходы к управлению, личность первого президента Н. Назарбаев и демократические принципы.

Если на первом этапе концентрация власти в президентских руках создавала эффекты «авторитаризма развития» и «авторитарной модернизации», то в последующий период суперпрезидентская республика стала мешать развитию Казахстана. Нарастали социальные проблемы, отсутствовала экономическая и политическая конкуренция. Единоличный принцип правления усиливал

политическую напряженность. Этому способствовало и исключение из политического процесса региональных элит, влияние которых значительно уменьшилось. После политической реформы 2007 г. Н. Назарбаев несколько раз объявлял досрочные выборы (2011 и 2015 гг.), на которых успешно и побеждал. Подобная практика создавала видимость политической стабильности и конкуренции и на практике лишь усиливала неопределенность развития государства, повышая риски внутриэлитных конфликтов.

Задача по сохранению власти и одновременно демонстрация ее сменяемости постоянно стояла перед Н. Назарбаевым. С этой целью в 2017 г. в Конституцию внесли поправки, которые вновь расширили полномочия парламента. Например, нижняя палата могла обсуждать кандидатуру члена правительства перед его назначением. Однако для Н. Назарбаева ключевой была задача поиска механизма, при котором была бы сохранена власть и одновременно сохранены рычаги влияния. В итоге был предложен вариант, при котором был повышен статус Совета Безопасности РК. Согласно законопроекту «О Совете Безопасности в Республике Казахстан», этот орган должен был возглавить Н. Назарбаев и стать пожизненным руководителем Совета Безопасности. Это позволяло ему сохранить возможность оказывать влияние на политический процесс. Однако конституционные изменения не носили достаточного для обновления политической системы характера, не оказывая серьезного влияния на ситуацию и не меняли характер президентской власти.

Изменение статуса Совета Безопасности сопровождалось значительными политическими рисками. Во-первых, оставался нерешенным вопрос о взаимодействии Совета безопасности и Администрации президента. Во-вторых, возникали опасения по поводу возможного возникновения двоевластия в стране после принятия закона «О Совете Безопасности в Республике Казахстан». Наделение Председателя Совета Безопасности, которым являлся Н. Назарбаев, расширенными президентскими полномочиями и сохранение широких возможностей у нового главы государства могли привести к негативным последствиям для политической и экономической ситуации в стране. Это могло бы вызвать конфликт интересов между Председателем Совета Безопасности и новым президентом, усиливая тем самым политическую напряженность [Жильцов, Зонн 2019].

В 2018 г. закон «О Совете безопасности Республики Казахстан» был принят. Из консультативно-совещательного органа, возглавляемого президентом, он превратился в конституционный орган, обладающий широкими полномочиями. Наделение новыми функциями консультативного органа произошло из конъюнктурных соображений. Изменение Основного закона страны происходило под конкретного политика. Более того, изменение роли Совета Безопасности стало фактически конституционной реформой, которая усилила политическую нестабильность.

Предложенный вариант, связанный с изменением статуса Совета Безопасности, рассматривался в качестве наиболее оптимального варианта транзита власти. Созданная конструкция была сформирована исключительно под Н. Назарбаева. Тем самым вновь проявила себя тенденция, при которой

политическая целесообразность и традиции доминировали над демократическими процедурами.

После острого политического кризиса в марте 2019 г. Н. Назарбаев сложил с себя полномочия главы государства, а Президентом был назначен глава Сената Касым-Жомарт Токаев. Он должен был исполнять обязанности главы государства до апреля 2020 г., когда истекал срок полномочий Первого президента. Однако 9 апреля 2019 г. президент Казахстана К. Токаев объявил о проведении 9 июня внеочередных выборов главы государства, в которых одержал победу. Выборы зафиксировали несколько ключевых изменений. Во-первых, сменился глава государства, который был поддержан Первым президентом. Во-вторых, выборы зафиксировали изменение статуса Н. Назарбаева, который в то же время сохранил огромное влияние на политический процесс в Казахстане.

Однако в итоге сложилась конфликтная ситуация, когда Первый президент Н. Назарбаев возглавлял Совет безопасности, а К. Токаев — избранный глава государства — был членом Совета безопасности. Фактически в стране возникла ситуация двоевластия. Тем более что отсутствовал четкий механизм взаимодействия Совета Безопасности и администрации президента. В итоге после внутриполитических событий января 2022 г. Токаев начал процесс ослабления позиций Н. Назарбаева и его окружения.

Конституционная реформа и новый этап развития политической системы Казахстана

В 2022 г. в ряде программных заявлений Токаев выступил с предложением провести политические преобразования: либерализация политической системы, формирование конкурентной общественно-политической среды, укрепление диалога между государством и обществом [Ионова 2022: 99]. Новый президент поставил цель сделать так, чтобы в республике главенствовали сильные политические институты и общенациональные приоритеты, а не отдельные личности и узкогрупповые интересы.

Однако, как показывает практика, провозглашение изменений в политической жизни сталкивается с противодействием различных групп и кланов. Укоренившаяся практика решения различных вопросов через неформальные договоренности плохо поддается трансформации. В 2023–2024 гг. глава Казахстана обращался к вопросам политического реформирования. Однако предварительные итоги можно будет подвести позже, когда станет понятно, насколько успешными оказались предложенные инициативы. Второй президент Казахстана предпринимает усилия, направленные на внедрение демократических процедур. Конституционная реформа, инициированная в 2022 г., стала отражением накопившихся в стране проблем. Президент Казахстана рассчитывает, что предложенные изменения создадут условия для стабильного политического развития.

Перед главой государства стоит задача по внедрению в практику механизмов взаимодействия ветвей власти, основанных на законодательстве, уменьшения

влияния неформальных договоренностей, которые опираются на интересы кланов и региональных элит, преследующих свои эгоистичные цели. Подобная практика оказывает негативное влияние на выработку и реализацию внешней и внутренней политики. В конечном счете властные структуры не самостоятельны и представляют собой площадки, где различные внутригосударственные группы борются за влияние с целью обеспечения своей безопасности и контроля над государством.

Заключение

Казахстан выделяется среди стран Центральной Азии своим опытом. Процессы демократизации и периоды усиления авторитаризма, с последующим возвращением к демократическим принципам, отражают особенности политической системы Казахстана. Как и другие центральноазиатские государства, Казахстан испытывал влияние исторических моделей управления и отношений между различными властными группировками. Несмотря на заявления о разделении властей, в стране укрепилась роль института первого президента. Следует отметить, что на начальном этапе это способствовало стабилизации экономики и проведению сбалансированной внешней политики, снижению влияния местных элит. Но чрезмерная концентрация власти у президента привела к нестабильности в политике из-за отсутствия четкого механизма передачи власти. Неизменность политической элиты, уменьшение роли парламента в принятии важных государственных решений, по сути, стали барьерами для реализации подлинно демократических принципов. С приходом к власти К.-Ж. Токаева началась новая глава в политическом развитии страны. Однако, несмотря на устранение дуализма власти и конституционные изменения 2022 г., система правления в Казахстане в силу влияния традиции сохраняет свои ключевые характеристики.

Поступила в редакцию / Received: 16.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Александров Ю.Г.* Казахстан перед барьером модернизации. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 288 с.
- Жильцов С.С.* Революционные волны на постсоветском пространстве // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 6 (42). С. 7–13.
- Жильцов С.С.* Политические процессы в Центральной Азии: особенности, проблемы, перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2016. Т. 19. № 1. С. 23–31.
- Жильцов С., Зонн И.* Особенности политического развития Казахстана на современном этапе: итоги и перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2019. Т. 22. № 4. С. 67–76.
- Жильцов С.С., Слизовский Д., Шуленина Н., Маркова Е.* Формирование национальной идентичности в странах Центральной Азии: итоги, проблемы, перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2018. Т. 21. № 1. С. 40–54.

- Ионова Е. Казахстан на пути реформ // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4. С. 99–111.
- Казахстан: 20 лет независимости / под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президент РК, 2011.
- Карсаков М. Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х — середине 90-х годов // Центральная Азия. 1998. № 14. С. 45–65.
- Куртов А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М.: Асти-издат, 2001.
- Лузанова Е. Международный семинар «Политическое развитие Центральной Азии и Центральной Европы: сходство, различия, пути сотрудничества» // Центральная Азия. 1997. № 10. С. 78–86.
- Сейдуманов А.С. Особенности казахстанской модели демократического транзита: концептуально-методологический анализ // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 4. С. 423–436. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436>
- Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009.
- Тулешов В. К вопросу о формировании и развитии идентичности в Казахстане и Центральной Азии // Центральная Азия-25: мысли о прошлом, проекция будущего / под ред. М. Ларюэль, А. Курмановой. Вашингтон: Институт европейских и российских исследований университета Дж. Вашингтона, 2017. С. 36–38.
- Фурман Д.Е. Эволюция политических систем стран СНГ // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.Д. Язьковой. М.: Граница, 2006. С. 125–150.
- Хадыров Р.Ю. Особенности политической системы Таджикистана // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 2. С. 104–111.
- Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общей редакцией К.Л. Сыроежкина. Алматы: КИСИ при президенте республики Казахстан, 2011.
- Центральная Азия: 1991–2009 гг.: монография / под ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при президенте республики Казахстан, 2010. С. 69–199.
- Центральная Азия и Каспийский регион: риски, вызовы, угрозы: коллективная монография / под ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при президенте республики Казахстан, 2012.
- Шкель С. Особенности политического режима в современном Казахстане и перспективы его трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 6. С. 115–122.
- Zhiltsov S.S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects // Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 21–29.

References

- Aleksandrov, Yu.G. (2013). *Kazakhstan in the face of the barrier of modernization*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Furman, D.E. (2006). Evolution of Political Systems of the CIS Countries. In N.P. Shmelev, V.A. Guseynov & A.D. Yazkova (Eds.), *Mediterranean — Black Sea — Caspian: Between Greater Europe and the Greater Middle East* (pp. 125–150). Moscow: Granitsa. (In Russian).
- Ionova, E. (2022). Kazakhstan on the path of reforms. *Russia and the New States of Eurasia*, (4), 99–111. (In Russian).
- Karpovich, O.G. (2019). Conceptual foundations of political modernization in Kazakhstan. *Post-Soviet Studies*, 4, 409–416. (In Russian) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-409-416>
- Karsakov, M. (1998). Features of the transformation of the political system of Kazakhstan in the late 80s — mid 90s. *Central Asia*, (14), 45–65. (In Russian).

- Khadyrov, R.Yu. (2016). Features of the political system of Tajikistan. *Post-Soviet Studies*, 2, 104–111. (In Russian).
- Kurtov, A. (2001). *Electoral democracy in Kazakhstan: Authoritarian transformation*. Moscow, Asti-izdat. (In Russian).
- Luzanova, E. (1997). International seminar “Political development of Central Asia and Central Europe: Similarities, differences, and paths of cooperation”. *Central Asia*, (10), 78–86. (In Russian).
- Seidumanov, A.S. (2022). Features of Kazakhstan’s democratic transit model: Conceptual and methodological analysis. *Post-Soviet Studies*, 9(4), 423–436. (In Russian) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-423-436>
- Seylekhanov, E.T. (2009). *Political system of the Republic of Kazakhstan: Development experience and prospects*. Almaty: KISI. (In Russian).
- Shkel, S. (2009). Features of the political regime in modern Kazakhstan and prospects for its transformation. *Central Asia and the Caucasus*, (6), 115–122. (In Russian).
- Sultanov, B.K. (Ed.). (2010). *Central Asia: 1991–2009*. Almaty: KISI. (In Russian).
- Sultanov, B.K. (Ed.). (2011). *Kazakhstan: 20 Years of Independence*. Almaty, KISI. (In Russian).
- Sultanov, B.K. (Ed.). (2012). *Central Asia and the Caspian region: Risks, challenges, threats*. Almaty: KISI. (In Russian).
- Syroezhkin, K.L. (Ed.). (2011). *Central Asia today: Challenges and threats*. Almaty: KISI. (In Russian).
- Tuleshov, V. (2017). On the formation and development of identity in Kazakhstan and Central Asia. In M. Laruelle & A. Kurmanova (Eds.), *Central Asia-25: Thoughts on the past, projection of the future* (pp. 36–38). Washington: Institute for European and Russian Studies, George Washington University. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2016). Political processes in Central Asia: Peculiarities, problems, prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 17(1), 21–29.
- Zhiltsov, S. (2005). Revolutionary waves in the Post-Soviet expanse. *Central Asia and the Caucasus*, (6), 7–13. (In Russian).
- Zhiltsov, S., & Zonn, I. (2019). Political development of Kazakhstan: Results and prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 22(4), 67–76. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S., Slizovsky, D., Shulenina, N., & Markova, E. (2018). Formation of national identity in the countries of Central Asia: Results, problems, prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 21(1), 40–54. (In Russian).

Сведения об авторе:

Мамедов Алексей Владимирович — аспирант кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академии МИД России (e-mail: alex.mamedo@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-7890-8943)

About the author:

Alexey V. Mamedov — postgraduate of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: alex.mamedo@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-7890-8943)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-531-542
EDN: BCANRJ

Research article / Научная статья

Social Sciences in Armenia: Rethinking Politics and International Relations After 1991

Norayr Dunamalyan , Ruben Elamiryan

Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

✉ norayr.dunamalyan@rau.am

Abstract. The development of social sciences in the post-Soviet space is perceived as a rather unexplored layer of knowledge, representing a whole range of problems that arise in societies in transition (starting from the educational system to the publication of specific academic works). From this perspective, the article is analyzing the case of development of social sciences in Armenia starting from 1991, when it received independence after the dissolution of the Soviet Union. The article argues, that in the case of Armenia (as well as some post-communist societies), we can see a change in discourse with shifting the emphasis from the historiographical paradigm to the sociocultural or humanitarian one. The following situation arises: the existing theories of political science and international relations overlap with the realities of transitional societies crises of political development in the country. As a result they may not always give the necessary results, since the scientific community has not yet developed a specific approach in the context of the development of academic schools of thought and localized general theoretical approaches. Based on the above the article tests the main hypothesis, which is that the development of social sciences in Armenia is characterized by fragmentation or excessive obsession with specific issues of international relations. In terms of the development of political science in Armenia the article checks three domains: development of political science as a scientific discipline after the disintegration of the Soviet Union; teaching of political science and international relations; as well as the level of think tanks and expert community. The article concludes that despite a 30-year development process, political science in Armenia remains fragmented and needs, one the hand, more cooperation inside the field, and, on the other hand, more state support for better concentration and efficiency.

Keywords: political science, international relations, social science, Armenia

For citation: Dunamalyan, N., & Elamiryan, R. (2024). Social sciences in Armenia: Rethinking politics and international relations after 1991. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 531–542. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-531-542>

© Dunamalyan N., Elamiryan R., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Социальные науки в Армении: переосмысление политики и международных отношений после 1991 года

Н. Дунамалян , Р. Эламирян

Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

✉ norayr.dunamalyan@rau.am

Аннотация. Развитие социальных наук на постсоветском пространстве воспринимается как малоисследованная сфера, включающая множество проблем, характерных для стран с переходной экономикой. Это касается таких областей, как система образования и система публикации научных трудов. Исследование посвящено изучению развития социальных наук в Армении с момента обретения ею независимости в 1991 г. после распада СССР. Авторы утверждают, что в армянском обществе, как и в других посткоммунистических странах, наблюдается сдвиг от историографического к социокультурному или гуманитарному дискурсу. Теории политологии и международных отношений адаптируются к реалиям переходных обществ и политическим кризисам, но часто оказываются недостаточно эффективными из-за отсутствия локализованных теоретических подходов и сформированных академических школ. Основная гипотеза исследования состоит в том, что развитие общественных наук в Армении носит фрагментарный характер, сосредоточено на узких аспектах международных отношений. В отношении политологии рассматриваются следующие направления: развитие дисциплины после распада СССР, преподавание политологии и международных отношений, а также деятельность аналитических центров и экспертных сообществ. Вывод авторов заключается в том, что, несмотря на тридцатилетнее развитие, политология в Армении остается фрагментированной и требует как большего сотрудничества внутри отрасли, так и государственной поддержки для улучшения концентрации и эффективности.

Ключевые слова: политология, международные отношения, общественные науки, Армения

Для цитирования: *Dunamalyan N., Elamiryany R. Social sciences in Armenia: rethinking politics and international relations after 1991 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №3. С. 531–542. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-531-542>*

Introduction

The formation of politics and international relations in the post-Soviet space relates to several specific circumstances and complexities caused by the transitional nature of the development of society, socio-economic problems and the legacy of the Soviet era. The specificity of politics and international relations also concerns regime transformations that occur both within states and societies and outside them. Based on this, the analysis of the development of social sciences in the post-Soviet republics can provide an opportunity to take a new look at the problem of the connection between education, science and social-political processes.

The development of political science in the countries of the post-Soviet space was characterized by a few common features, some of which have survived to this day. In addition, political and social-economic problems impeded the development of these scientific directions due to the lack of resources and the dispersion of funds. At the same time, the influence of the Soviet perception of social sciences on the establishment of new scientific disciplines was felt. On the other hand, in the context of teaching political science and international relations, it was necessary to clarify and specify the conceptual-categorical apparatus, as well as determine the priorities of research, which were influenced by the following circumstances.

1. Despite the generally accepted opinion that political science as a separate scientific discipline was absent in the USSR, many scientists (primarily Russian) are trying to analyze the development of the germs of political science in the Soviet Union and prove the continuity of scientific schools reflected in the activities of certain institutions (MGIMO, the Leningrad school, IMEMO, INION RAS, etc.) [Vorobiev 2004]. Their opponents point out the impossibility of applying some basic concepts of “Western” political science to Soviet realities (the classical understanding of “state”, “politics”, etc.) [Fursov 2014], which makes it natural that such scientific areas as political science and international relations are absent in the Soviet era. At the same time, in the Soviet Union, there were still some institutions aimed at analyzing political processes. In 1960, the Soviet Association of Political (State Studies) Sciences (SAP (G)N) was established, which became the basis for the creation of the Russian structure of the same name in the future (2015). It is noteworthy that in Moscow and the regional branches of this organization the main composition was represented by historians, lawyers, and economists, which in turn influenced the perception of political processes through the prism of other, “non-political” disciplines. After the collapse of the USSR, representatives of these specializations began to have a greater influence on the content and formal side of the development of political science and international relations.
2. The traditions of studying and teaching social sciences in the USSR have left a deep mark on the development of these disciplines in the post-Soviet period. For example, historians in the USSR had the practice of preparing a single specialist in a chosen subject. It was believed that one specialist for each period would suffice, since this is an irrational waste of resources. Deliberate fragmentation of the topic into smaller ones led to the fact that discussions did not arise when discussing specific topics. This is how “scientific feudalism” arose, where graduate students were given small scientific fiefs (small cases) for supporting their overlord [Sokolov, Titaev 2013]. In the post-Soviet space (including Armenia), this tradition has been preserved to this day.
3. Another circumstance is the ideologization of the social sciences in the paradigm of “scientific communism” or “dialectical materialism”. It is not for nothing that the first departments of political science were created on the basis of the departments of “scientific communism”. However, along with institutional and personnel continuity, the influence of some narratives on the formation of new scientific disciplines was visible [Chulitskaya, Matonyte, Gudelis, Sprincean 2022]. Thus,

some historical or economic concepts, even when revised in the new conditions, became a serious obstacle to the development of political science, tying the analysis of many processes in domestic and foreign policy to widespread myths, misconceptions, or preferences of newly minted researchers.

The necessity to create new scientific disciplines in the field of politics and international relations confronted the general trends of the disintegrating and once unified educational and expert sphere with local specifics. However, this process was more about form than content, since the academic community of the independent republics, moving to new standards, was engaged in imitation or, at best, “stretching” Western concepts to local conditions [Sartori 1970]. No doubt, in many post-Soviet countries it was already possible to do without the ritual citation of K. Marx, F. Engels or V. Lenin to justify the relevance of the study. However, in the new conditions, it was necessary to refer to new political “authorities” (this trend is especially visible in Azerbaijan and some republics of Central Asia). Based on the same index of academic freedom in post-Soviet countries (Figure 1), which reflects freedom to research and teach, the freedom of academic exchange and dissemination, institutional autonomy of higher education institutions, campus integrity (meaning the absence of surveillance and security infringements), and the freedom of academic and cultural expression [Spannagel, Kinzelbach 2022], one can judge the connection between the political situation in the country and its influence on the development of social sciences. However, the most important aspect remains the content of disciplines that either repeat foreign approaches to understanding domestic politics and international relations or offer a new perspective. Despite the rather high level of academic freedom in Armenia, this phenomenon remains more of a cultural phenomenon than a basis for scientific development.

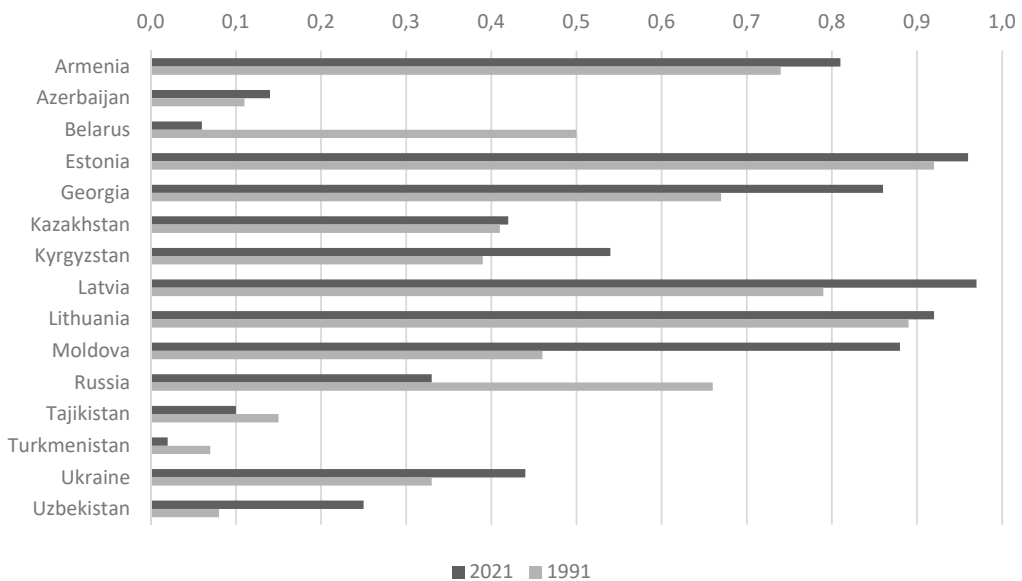

Figure 1. Academic freedom index in Post-Soviet Space (1991, 2021)

Source: highcharts.com, V-Dem data version 12

Politics and International Relations in Armenia

Armenian Professor A. Margarov, summing up the results of the thirteen-year development of political science in Armenia, drew attention to several factors that hindered the development of political science:

1. Lack of traditions, scientific schools, and at the initial stage — specialists and professional literature. There were practically no efforts on the part of the state aimed at the development of an academic discipline or branch of knowledge. The introduction of a political science course as a compulsory academic discipline in universities was caused both by the need to abandon the teaching of scientific communism and the history of the party, and by the need to master new democratic values.
2. There was a centralization (monopolization) of the main political science centers and resources in the capital. In a small-scale republic, after a break in the early 1990s, ties between universities and researchers have been preserved, professional contacts with colleagues from abroad have resumed, although less intensively than it was desired to.
3. The problem of integrating the political science community of Armenia into regional and larger professional networks persisted in the context of the collapse of the Soviet humanitarian space. In addition to subjective factors, the process of professional integration was negatively affected by several objective conditions: the information blockade of the early 90s, the age of teachers (for example, the average age of employees of the Department of Political Science of Yerevan State University in the early 90s was 50–55 years), lack of knowledge of foreign languages and so on. Political science in Armenia turned out to be isolated from world development trends, which is also manifested in the lack of organization of the scientific community.
4. The underdeveloped infrastructure, the disunity of researchers, their certain isolation in specific areas or subdisciplines, the absence, with rare exceptions, of an integrated approach to the study of problems negatively influenced the process of formation of political science.
5. Previous attempts to build professional organizations have been unsuccessful. According to a few experts, some researchers and / or research centers headed by them, due to their bias or involvement in practical politics, ended up away from science, stopping their work as political scientists and starting, rather, the activities of a politician. A number of existing or registered research centers, deprived of material and human resources for professional activities, ended their short-term existence [Margarov 2004].

Nowadays, most of the above listed factors that hindered the development of political science in the early period of Armenia's development, are still there. Even though many representatives of the academic community of Armenia were able to join the international networks of political science and established contacts with foreign colleagues, this did not contribute to the formation of scientific schools

due to the lack of platforms for interaction between decision makers and political scientists. Fragmentary state support for political science eventually led to the formation of closed professional groups that periodically work with the authorities and foreign funds, which could affect the degree of objectivity of the examination. The institutionalization of political science within institutions of higher education remained largely limited in the context of a lack of resources, the use of outdated teaching and research methods, as well as the repetition of research topics due to the lack of external funding.

Academic platforms — Universities

Academic political science in Armenia originated on the basis of the former departments of scientific communism, nomenclature networks, communities of historians and Armenologists. This circumstance left its mark on the development of political science departments in Armenia, which, along with the educational process, created certain narratives that limited the study of political processes and international relations within the framework of a narrow specialization, splitting the subject of political science and international relations into smaller segments, “privatized” by individual scientists (the Karabakh issue, information security, political parties, problems of terrorism, political Turkology, Iranian studies, etc.). This, in turn, affected the quality of students’ work, who had to write term papers or master’s theses on the same topics every year.

This approach can be explained by the influence of Soviet historiographic methodology, and later by the lack of motivation of scientists to expand their subject or attempt to use an interdisciplinary approach. The humanities that do not lend themselves very well to propaganda — such as archeology, ethnography, geography, linguistics and culture studies — were free from ideological pressure. Such as disciplines of Ancient and Medieval history in Armenia which was also significantly less politicized than modern history. This created favorable conditions for rather intensive research on Armenian history, with a focus on ancient and medieval times. Traditionally strong in Armenia since pre-Soviet times, history began to play a special role in Soviet Armenia; in fact, Armenian history as a discipline had the tendency to usurp the resources of other humanities. Even now, historians continue to dominate in the humanities and social sciences of post-Soviet Armenia, with historical methods being applied to other, newly emerging fields of study, such as political science and sociology, in fact calling for entirely different approaches (2011).

In any case, one can conclude that the structure of Soviet science even today continues to influence the development of research in modern Armenia. Before the collapse of the USSR, only state research organizations could exist in Armenia. These included universities and educational institutes (focused on education and with few resources for research), as well as research institutes associated with the Academy of Sciences, in which most of the research was carried out: the Institute of Ancient Manuscripts “Matenadaran”, the Institutes of History,

Oriental Studies, ethnography and archeology, etc. Many of these institutions had a strong reputation in the USSR, and some were of international importance (for example, the Matenadaran). In universities and educational institutions, each faculty had bodies that regulated research activities, called Chairs. Thus, the Faculty of History of Yerevan State University had chairs of the history of Armenia, world history, etc. Yerevan State University was the largest university in Soviet Armenia in general and in the field of the humanities in particular. The Faculty of Oriental Studies at Yerevan State University, subdivided into Turkology, Arabic Studies and Iranian Studies, had a strong reputation in the former USSR. Many educated within the framework of academic institutions and humanitarian faculties of YSU in the post-Soviet period became the basis for the formation of the political science community in Armenia in the future. At YSU, the basis for the formation of the Faculty of International Relations (which includes also Politics) was the Department of International Relations, formed in 1990 on the basis of the Faculty of Oriental Studies, and from the 1991–1992 academic year — the Faculty of History.

Nowadays, political science and international relations are represented in many universities in Armenia. However, there are almost no departments of political science and international relations with an extensive system and well-developed curricula related to purely political science. Out of the eight universities in Armenia and Artsakh, which cover some areas of political science and international relations, only two universities present these specialties in their full form at the undergraduate and graduate levels — these are the Yerevan State University and the Russian-Armenian University (RAU). Political science at YSU is represented within the framework of the Faculty of International Relations and includes four departments: the Department of Political Science, the Department of International Relations and Diplomacy, the Department of Public Administration, and the Department of Foreign Service and Professional Communication. The RAU has a Department of Political Science and a Department of World Politics and International Relations. Since 2021, a four-year program ‘Bachelor of Arts in Politics and Governance’ (BAPG) has been established at the American University of Armenia to support the Master of Political Science and International Affairs (MPSIA) program, designed to train personnel in the field of politics and public administration.¹ Such universities and educational institutions as the Armenian State Pedagogical University, the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, the State University after V. Bryusova, Artsakh State University, International Scientific and Educational Center of NAS RA have only MA programs or take into account the specificities of the educational center while providing teaching political science. This situation can be explained both by the lack of state social order and the unpopularity of the direction of political science as a scientific

¹ College of Humanities & Social Sciences Launches Two New Programs. Retrieved August 22, 2024, from <https://newsroom.aua.am/2020/09/23/college-humanities-social-sciences-new-programs/>

discipline (the direction of “international relations” is more prestigious)², and by the limited labor market.

The reasons why political science as a discipline and branch of knowledge is not given due attention can be divided into two groups of external and intradisciplinary factors. External factors relate to the formation of the political system of Armenia, the stability of the political process and the effectiveness of state institutions and, as a result, the formation of the interest of state and political institutions in supporting the political science community. Intradisciplinary factors, in turn, relate to the lack of guidelines reflected in the study of certain topics, exaggerated interest in unimportant issues, lack of communication within the scientific community. At the crossroads of these factors, the main difficulties in the development of political science are already being formed, expressed in the lack of funding, the unattractiveness of these disciplines for young scientists. In addition, there is some usurpation of the methodology of political science and theories of international relations by areas of Oriental and Armenian studies, which are interpreted in the current conditions more widely and exist in many cases on the border of science and propaganda, that is, the study of a complex of disciplines dedicated to Armenian history, culture and language, as well as the study of neighboring societies, is perceived by many as part of practical politics.

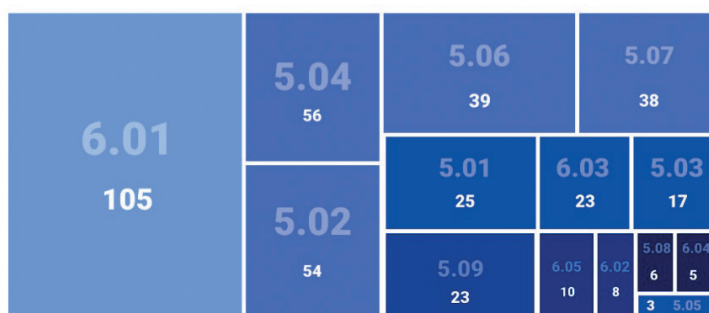
Science

The shortcomings in the development of post-Soviet political science were supposed to smooth out the training and graduation of a new generation of political scientists and international affairs specialists, brought up in conditions of independent statehood. This process dragged on for thirty years and continues to this day. Since 1993, in the Republic of Armenia 126 PhD dissertations in different aspects of political science were successfully defended (including, 19 in theory of politics, 74 in political institutions and processes, and 33 in international relations).³ From 1996 to 2021, Armenian scientists published 76 articles on political science and international relations in the journals included in the Scopus database.⁴ Based on Web of Science data from 2010 to 2020, in the field of political science, 39 articles in political science were published (Figure 2). This information demonstrates the fact that political science and international relations today occupies an important place among the social sciences in the republic, however, the relatively low level of scientific publications and the bias towards journalistic activity make political disciplines marginal in many respects.

² This academic year, 9729 applicants entered the university. The results of the entrance exams have been summarized. Retrieved August, 22, 2024, from <https://escs.am/am/news/13424>

³ The information was provided by RA Supreme Certifying Committee, Retrieved August, 22, 2024 from www.boh.am

⁴ Scimago Journal and Country Rank. Retrieved August, 22, 2024, from <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?category=3320®ion=Eastern%20Europe>

The number of scientific articles published by scientific research organizations and universities of Armenia in the years 2010-2020 in humanities and social sciences, according to the data of the InCites database of the Web of Science (as of July 29, 2021)

- 6.01 History, archaeology
- 5.04 Sociology
- 5.02 Economics and Business
- 5.06 Political Sciences
- 5.07 Social and Economic geography
- 5.01 Psychology
- 5.09 Other social sciences
- 6.03 Philosophy, Ethics, Religious studies
- 5.03 Pedagogical sciences
- 6.05 Other humanities
- 6.02 Linguistics, Literary studies
- 5.08 Mass Media and Communications
- 6.04 Arts
- 5.05 Law

Figure 2. Graphics of the number of scientific publications, provided by the Science Committee of the Republic of Armenia
 Source: Armenia’s Relationship With the Humanities and Social Sciences. Retrieved August, 22, 2024, from <https://envreport.com/raw-unfiltered/armenias-relationship-with-the-humanities-and-social-sciences/>

Think tanks and informal political science

Starting from the first years of independence, the subject of research for Armenian political scientists was rather narrow and concerned, first, security issues and the Nagorno-Karabakh conflict resolution. Gradually, the topics studied began to concern the problems of political development, modernization, institutions, etc. Some disciplines, including those demand from external donors and the local market, did not exist just 30 years ago and had to be developed from scratch. This led to the creation of many analytical centers and think tanks aimed at developing “new” themes of democratization, human rights, ethnic conflicts, gender studies, etc. On the other hand, university departments and similar centers were filled with former professors of Marxist disciplines, who in fact were not scientists, but propaganda workers by origin, which, in turn, influenced the ideologization of the activities of the newly created structures. Many think-tanks were closed due to lack of funding, and their staff flowed to new institutions that tried to find new sources of funding, which affected the level of objectivity of the expertise

[Atoyan 2021]. Of all the think tanks dealing with issues of domestic politics and international relations, one can specify “Caucasus Institute”⁵, Caucasus Research Resource Center-Armenia (CRRC-Armenia)⁶, “Enlight” Public Research Center⁷, which manage to keep their niche in the expert field and have the potential for development. Again, it is difficult to single out purely political think tanks, since public opinion about politics and political processes is also influenced by other organizations and foundations that are not directly involved in research but attract political scientists to create reports and briefs (for example, Open Society Foundations — Armenia).

In the 2000s the state attempted to create think tanks engaged in political research, although in many respects these attempts were associated with the initiative of individuals. In 2004, the Institute of Policy Research was created affiliated with the Presidential Staff, which became the basis for the work of think tanks under the executive branch. The Drastamat Kanayan Institute of National Strategic Studies affiliated with the Ministry of Defense was also opened, based on which later the National Defense Research University was subsequently created, where until 2018 the dissertation council in political sciences was functioning. For several reasons, the government’s efforts to create information and analytical centers have not led to the formation of permanent platforms for political expertise that contribute to decision-making. Today, there is an attempt to establish such a platform based on ORBELI — Analytical Research Center.

Some political parties have also tried to create factories of political thought, focusing on Western experience in this context. The Republican Party of Armenia has the most successful experience in this sense, expressed in the creation of the information and analytical center Luys Foundation⁸, as well as the organization Andranik Margaryan Political School. In addition, one can recall several other parties, in relation to which political schools or think tanks operated, but such phenomena were short-lived and not frequent.

After 2020 (Second Artsakh war) given the background of the ongoing internal and external political crises in Armenia, political science also experienced a transitional state, fraught with the spread of a political split between the authorities and the opposition among the scientific community. In the past, in Armenia attempts were made to create scientific networks in the field of political knowledge, which did not end in success, as the initiators tried to centralize political science around any figure or institution, rather than organize a system of constant contacts between all Armenian political scientists. In any case, political instability also affected the understanding of political processes by the scientific community, a large number of new platforms have opened, seeking to rethink and direct

⁵ Cucasus Institute. Retrieved August, 22, 2024 from <http://c-i.am/en/front/>

⁶ Caucasus Research Resource Center Armenia. Retrieved August, 22, 2024, from <https://www.crrc.am/>

⁷ “Enlight” Public Research Center NGO. Retrieved August, 22, 2024, from <https://enlightngo.org/language/en/main-en>

⁸ Luys Center. Retrieved August, 22, 2024, from <https://luys.am/>

Armenian political research and thought in general. Such examples include The Applied Policy Research Institute of Armenia (APRI Armenia) by AGBU⁹, Koghb Foundation¹⁰, Armenian Project¹¹, etc.

Conclusions

The research demonstrates that politics and international relations as academic disciplines are still in the process of formation after 30 years of ‘independence’ from Soviet school of social sciences. There are several problems in this process, which might be summarized in 1) lack of state support because of misunderstanding of the role that political science can play in nation and state building, foreign policy, and security, 2) derivation from the first problem — the issue of “Ivory Tower”, when decision-making and science exist in parallel. This leads to decreasing interest towards political science and international relations both on academic and educational levels, 3) continuing Soviet tradition with dominance of research methods coming from historiography.

In 2021, the RA Ministry of Education, Science, Culture and Sports stated that out of 224 scientific topics that received funding, only 27 were in social sciences.¹² Despite the turbulent political processes in Armenia, the development of social sciences and the humanities is still not a priority, although they continue to be under the close attention of foreign funds and organizations. In Armenia, unfortunately, to this day, the political science community has not been able to develop general principles of activity regarding both the objectivity of research and the connection with practical politics. Academia is not able to cope with this problem alone, since this requires state support, reform of the education system and a change in the financing system. In other words, it is necessary to combat the politicization of the social science, cultivate a culture of discussion and dispute-making, and set up a system of training and motivation (including financial) in political science and international relations for healthy competition, which contributes to the self-development of a scientist and academic environment in the country.

Received / Поступила в редакцию: 29.07.2024

Revised / Доработана после рецензирования: 22.08.2024

Accepted / Принята к публикации: 30.08.2024

⁹ The Applied Policy Research Institute of Armenia. Retrieved August, 22, 2024, from <https://www.apri.institute/>

¹⁰ The “Koghb” Digital Studio Retrieved August, 22, 2024, from <https://koghb.org/en/>

¹¹ The Armenian Project. Retrieved August, 22, 2024, from <https://armenianproject.com/>

¹² The Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia. Retrieved August, 22, 2024, from <https://escs.am/am/news/10184>

References

- An Assessment of Research Capacities in Social Sciences and Humanities in Armenia*. (2011). Caucasus Institute Research Papers, #4. Yerevan, 48 p.
- Atoyan, V. (2021). Emerging industry of think tanks in Armenia. *Messenger of ASUE*, (6), 106-125. https://doi.org/10.52174/1829-0280_2021_6_106
- Chulitskaya, T., Matonyte, I., Gudelis, D., & Sprincean, S. (2022). From scientific communism to political science: The development of the profession in selected former Soviet European states. In *Opportunities and Challenges for New and Peripheral Political Science Communities* (pp.55-81). Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-79054-7_3
- Fursov, A. (2014). The Soviet system and the poverty of political science (the USSR in the light of some political science schemes. *Knowledge. Understanding. Skill Journal*, (4), 81–97. (In Russian).
- Margarov, A. (2004). The development of the Political Science in Armenia: Status, Problems, Prospects. *Political science in the post-Soviet states*. Moscow: RAS, INION, Russian Association of Political Science, (2), 9–29. (In Russian).
- Patrushev, S.V., & Filippova, L.E. (Eds.). (2015). *The history of the Russian Political Science Association*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Sartori, G. (1970). Concept misformation in comparative politics. *The American Political Science Review*, 64(4), 1033–1053. <https://doi.org/10.2307/1958356>
- Sokolov, M., & Titaev, K. (2013). The provincial and indigenous science. *Antropological forum*, (19), 239–275.
- Spannagel, J., & Kinzelbach, K. (2022). *The Academic Freedom Index and its indicators: Introduction to new global time-series V-Dem data*. *Qual Quant*. <https://doi.org/10.1007/s11135-022-01544-0>
- Vorobiev, D. (2004). Political science in the USSR: Formation and development of the scientific community. *Polis. Political studies*, (4), 169–178. (In Russian) <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.14>

About the authors:

Norayr Dunamalyan — PhD in Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Russian-Armenian University (e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am) (ORCID: 0000-0003-0239-0594)

Ruben Elamiryan — PhD in Political Science, Assistant Professor, Department of World Politics and International Relations, Russian-Armenian University (e-mail: ruben.elamiryan@rau.am) (ORCID: 0000-0002-8724-3376)

Сведения об авторах:

Дунамалян Норайр — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Российско-Армянский университет (e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am) (ORCID: 0000-0003-0239-0594)

Эламирян Рубен — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений, Российско-Армянский университет (e-mail: ruben.elamiryan@rau.am) (ORCID: 0000-0002-8724-3376)

ГЕОПОЛИТИКА ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА GEOPOLITICS OF THE BLACK SEA REGION

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-543-555

EDN: AOPPBK

Научная статья / Research article

Теория и практика геополитического проектирования в современной Румынии

А.А. Азаренкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация*

✉ azarenkova_alina99@mail.ru

Аннотация. Геополитическое проектирование как процесс разработки и осуществления политических, экономических и военных стратегий, направленных на укрепление позиций страны на мировой арене, становится всё более актуальным инструментом для формирования и реализации национальных интересов государств. Цель данного исследования — выявление геополитической детерминации внешнеполитического курса современной Румынии. С помощью исторического метода (концептуализация геополитических идей), качественного контент-анализа (Стратегия национальной обороны 2020–2024 гг.) и дискурс-анализа в статье рассмотрено теоретическое и практическое измерение геополитических проектов, возникновение и развитие которых связано как с евроатлантической интеграцией, так и с позиционированием государства как регионального лидера на восточноевропейском пространстве. Особое внимание уделено рассмотрению внешнеполитических приоритетов и их отражению в реализации геополитических устремлений. Сделан вывод о том, что стремление Румынии укрепить свои позиции на международной арене реализуется через интеграцию в уже существующие евроатлантические геополитические проекты и предложение собственных инициатив, а идея присоединения Республики Молдова все еще является актуальной, но не имеет реальных перспектив в современных условиях.

Ключевые слова: геополитическое проектирование, геополитические проекты, Румыния, внешняя политика, Европейский союз, Черноморский регион, «Великая Румыния»

Для цитирования: Азаренкова А.А. Теория и практика геополитического проектирования в современной Румынии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 543–555. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-543-555>

© Азаренкова А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Theory and Practice of Geopolitical Design in Modern Romania

Alina A. Azarenkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ azarenkova_alina99@mail.ru

Abstract. Geopolitical design as a process of developing and implementing political, economic, and military strategies targeted at strengthening the country's position on the international arena is becoming an increasingly relevant tool for the formation and realization of states' national interests. The purpose of this study is to identify the geopolitical determination of the foreign policy course of modern Romania. By using the historical method (conceptualization of geopolitical ideas), qualitative content analysis (National Defense Strategy 2020–2024) and discourse analysis, this article examines the theoretical and practical dimension of geopolitical projects, the emergence and development of which is associated with both Euro-Atlantic integration and the positioning of the state as a regional leader in the Eastern Europe. Special attention is paid to the consideration of foreign policy priorities and their reflection in the implementation of geopolitical aspirations. It is concluded that Romania's desire to strengthen its position in the international arena is realized through integration into existing Euro-Atlantic geopolitical projects and the proposal of its own initiatives, and the idea of Moldova's accession is still relevant, but has no real prospects in modern conditions.

Keywords: geopolitical design, geopolitical projects, Romania, foreign policy, European Union, Black Sea region, “Greater Romania”

For citation: Azarenkova, A.A. (2024). Theory and practice of geopolitical design in modern Romania. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 543–555. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-543-555>

Введение

Геополитические проекты можно рассматривать как способ организации международно-политического пространства согласно представлениям того или иного субъекта международных отношений. Игроки мировой политики, противостоящие государствам, цивилизациям и народам, также разрабатывают подобные проекты, прибегая к геополитическим операциям с целью усиления своего влияния и установления нового порядка. В рамках реализации подобных проектов могут использоваться такие методы, формы и технологии, как смена системы ценностей, провокации, формирование международных институтов, смена режимов («цветные революции»), признание легитимности тех или иных субъектов и т.д. [Белозёров 2019].

Так, у Румынии указанные проекты имелись в прошлом, есть и в настоящее время [Киселев 2023]. Геополитическое положение страны в Восточной Европе является одним из определяющих факторов формирования ее внешней политики и политики безопасности. Современная Румыния, стремясь укрепить свои позиции в Европейском союзе и НАТО, участвует в различных геополитических проектах, стремясь обрести статус регионального лидера.

Для достижения цели исследования, заключающейся в выявлении геополитической направленности внешнеполитического курса Румынии, была использована парадигма политического реализма, позволяющая рассмотреть геополитическое проектирование в Румынии с точки зрения ее национальных интересов, среди которых доминирующим является сохранение суверенитета и независимости. Для решения задач, обусловленных тематикой работы, был использован исторический метод, а также контент- и дискурс-анализ.

Генезис геополитических идей и проектов в Румынии

Теорию геополитического проектирования Румынии невозможно рассматривать без истории становления государства, в ходе которого происходило не только формирование национальной идеи, но и современных внутри- и внешнеполитических векторов. Здесь можно выделить несколько ключевых этапов.

1. *Создание государства в результате объединения княжеств Молдавии и Валахии.* Появившееся государство трактуется в румынской историографии как «Малое объединение» (*Mica Unire*) в 1859 г.: вплоть до XIX в. румыны как нация существовали без государства. Обретение независимости от Османской империи произошло в ходе Русско-турецкой войны в 1877 г.
2. *Создание «Великой Румынии» или «Большое объединение» (*Marea unire*) в 1918–1920 гг.* Такое «объединение» — в рамках современной трактовки — стало определяющим фактором как для становления государства, так и определения основного вектора геополитического проектирования.
3. *Румыния как социалистическая республика 1947–1989 гг.*

Все «удачи» и «неудачи» социалистической власти, в том числе и сотрудничество с СССР, были в постсоциалистический период осмыслены и перепишаны, что отчасти способствовало восприятию современной России как угрозы. Отношение к этому периоду прошлого сопровождалось и резким переходом к построению демократии по европейскому образцу и к приверженности западным ценностям.

Формирование и развитие румынской геополитической школы началось после создания независимого Румынского государства в конце XIX — начале XX в. и послужило основой для определения современных внешнеполитических устремлений. Первым теоретиком румынской геополитики стал Николае Йорга (1871–1940), идеи которого основывались на противостоянии немецкой школе геополитики. Основой его геополитического подхода является теория жизненных сил народов, в которой подчеркивается роль культуры и религии как факторов противостояния вооруженной агрессии. Н. Йорга также рассуждал о «культурных границах» и «завоевании без господства» [Săgeată 2015: 6]. Другим представителем румынской геополитической школы является Ион Конча (1902–1974). Одним из важнейших тезисов его геополитических воззрений является значимость Карпатских гор не как естественных границ, как это

принято в многих геополитических теориях, а в качестве «хранителя нации», а Черное море в понимании И. Конееа выступает «средством межкультурного обмена» [Coneea 1944]. Он придерживался также идеи о том, что Трансильвания — это этническое и культурное ядро румын, и противопоставлял ее венгерской теории о том, что большая часть румын в Трансильвании объясняется массовой иммиграцией в XVII–XVIII вв. Следует также упомянуть Николае Александру Рэдулеску (1905–1989), который проанализировал геостратегическую позицию Румынии, фокусируясь на Дунае, в работе «Единство и функции румынской земли и народа» (1943 год). Его подход состоит в уникальности геополитического положения Румынии в Центральной Европе, границей которой выступает именно Дунай как элемент политической поляризации румынского государства. Другим исследователем, осуществлявшим концептуализацию геополитического положения Румынии, был Виктор Тюфеску (1908–2000). Как он полагал, с точки зрения экономического развития, Румыния занимает выгодное положение ввиду расположения на торговом пути, соединяющем Западную Европу и Индию, где важным пунктом является порт Констанца. Исследователь выделил три вектора социально-экономического развития страны: производство сырья (сельскохозяйственного и горнодобывающего), развитие рынка для определенных видов продуктов и положение в качестве транзитной зоны между различными экономическими пространствами. В. Тюфеску также подчеркивал важность «европеизации» Румынии с учетом своих подходов.

Румынские исследователи занимались и проблемой этнического и территориального единства Румынии. Винтиле Михалеску (1890–1978) развивал идею о роли Румынии в урегулировании конфликтов, а также обосновывал значимость европейского статуса страны: «спокойствие в этой части Европы было только тогда, когда между империями востока, запада и юга располагалось сильное карпатское государство» [Săgeată 2015: 6]. В. Михалеску проводил этническую границу Румынии по западной части Трансильвании. Георге И. Брэтиану (1898–1953) высказал идею о преемственности румынского народа в пространстве Карпаты — Дунай — Черное море, подчеркивая, что территория Бессарабии также принадлежит румынскому народу.

Следует также упомянуть основоположника современной румынской географии Симиона Мехединци, который исследовал роль христианства в жизни румынского народа. Он считал, что Россия стала использовать православную веру в качестве инструмента своей геополитики: «Против западного империализма поднялся восточный империализм, сторонники славянства не постеснялись сделать из православия политическое орудие, выставляя русских как выбранный народ, вызванный сыграть посредством православия роль Израиля»¹. Примечательно также то, что С. Мехединци проводил естественную границу Румынии именно по Днестру. Там же, по его мнению, заканчивалась Европа и начиналась Россия, поэтому Румынии необходим

¹ Бовдунов А.Л. Проекты геополитической реорганизации Восточной Европы в новом международном порядке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2013. С.89

контроль над всей Бессарабией в целом и над Приднестровьем в частности [Neacșu 2018].

После 1990 г. румынская геополитика претерпела некоторые изменения. На первый план выдвинулось разрешение региональных проблем, касающихся геостратегических интересов Румынии в таких регионах, как Трансильвания, Карпатский бассейн, Республики Молдова, Приднестровье, а также геостратегическое и геоэкономическое значения Дуная и Черного моря. Среди современных румынских геополитиков можно выделить Илие Бэдеску, в труде которого *Tratat de geopolitică* («Трактат о геополитике») была выдвинута концепция противостояния восточно-романского и славянского этнолингвистического геополитического блока. Дается и видение принадлежности Румынии Приднестровья, которое находится под контролем России [Bădescu 2011]. Схожей точки зрения придерживается другой современный геополитик, Дан Дунгачиу, в своей работе *Cine suntem noi?* («Кто мы?»).

Подходы современных румынских геополитиков отличают культурные границы, единство румынской нации и историческая принадлежность таких территорий, как Бессарабия и Трансильвания. Объяснение геополитического положения Румынии определяется детерминацией таких стратегически важных географических объектов, как Черное море, Дунай и Карпаты, что и подчеркивает роль этого государства в урегулировании региональных конфликтов.

Современные геополитические стратегии и проекты Румынии

Румынская геополитическая мысль оказала значительное влияние на формирование внешнеполитических приоритетов. Начиная с 2020 г. становится очевидной геостратегическая направленность Румынского государства, так как в период первого срока президентства К. Йоханниса с 2015 по 2019 г. не наблюдалось широкого упоминания проектов в политическом дискурсе, хотя намерения стать региональным лидером были очевидны и до евроатлантической интеграции. В одном из ключевых доктринальных документов Румынии, Стратегии национальной обороны на период с 2020 по 2024 г., под названием «Вместе для безопасной и процветающей Румынии в мире, отмеченном новыми вызовами» приоритеты внешней политики в рамках регионального, европейского и евро-атлантического направлений определены следующим образом:

- укрепление безопасности в регионе Черного моря и на Балканах, а также стабильности и безопасности в соседних регионах;
- укрепление профиля страны в НАТО и ЕС путем активного участия Румынии в интеграционных и трансформационных процессах;
- укрепление стратегического партнерства с США и военного присутствия Америки на территории Румынии;
- углубление сотрудничества с другими стратегическими партнерами (к таковым относятся, например, Венгрия, Польша, Турция, Молдова, Укра-

ина, Азербайджан и др.) в рамках региональных инициатив, в том числе со странами восточного фланга НАТО и ЕС;

- повышение уровня подготовки военнослужащих и взаимодействия Вооруженных сил Румынии в НАТО;
- поддержка НАТО в действиях по укреплению присутствия союзников на восточном фланге, а также в других регионах;
- укрепление позиции НАТО по сдерживанию и обороне в Черноморском регионе;
- поддержка сотрудничества НАТО — ЕС и ЕС — США при посредничестве Румынии и использовании ее геостратегической позиции;
- поддержка проевропейского курса Республики Молдова;
- конструирование профиля Румынии как фактора стабильности и продвижение европейских ценностей путем поддержки государств Западных Балкан и «Восточного партнерства» и т.д.²

Следует также отдельно отметить региональное направление внешней политики Румынии, в рамках которого не только будет продолжаться поддержка стран Западных Балкан [Биткова 2021] и участников «Восточного партнерства», но и разворачиваться проекты, возникшие по инициативе и при участии Румынии, такие как «Бухарестская девятка» (В9)³, «Инициатива трех морей»⁴, а также союз Турция — Румыния — Польша. Впервые в современной румынской истории в стратегическом документе были упомянуты геополитические проекты, а также отмечается уникальное геостратегическое положение государства.

В более развернутом виде иерархия внешнеполитических приоритетов выстраивается в другом документе, «Программе Правительства 2023–2024 гг.». В документе названы Европейский союз, НАТО, укрепление стратегического партнерства с США, стратегическое партнерство для европейской интеграции Республики Молдова и приоритеты на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. В качестве таких приоритетов, в частности, отмечены участие в «Восточном партнерстве», трехсторонних форматах Румыния — Польша — Турция, Румыния — Украина — Республика Молдова (созданной по инициативе румынской дипломатии в 2022 г.), «Бухарестской девятке», Организации Черноморского экономического сотрудничества, Процессе сотрудничества в Юго-Восточной Европе, Дунайской комиссии, Стратегии Дунайского региона,

² Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020–2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 02.06.2024).

³ «Бухарестская девятка» («Бухарестский формат») — совместный польско-румынский проект, объединяющий девять стран Центральной и Восточной Европы: Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Словакию, Чехию, Эстонию и соответственно Румынию и Польшу.

⁴ «Инициатива трех морей» («Триморье») объединяет такие государства Европейского союза, как Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония, а также Украину (с 2022 г.) и Молдову (с 2023 г.) в качестве партнеров.

тройном диалоге Румыния — Испания — Польша⁵. Разнообразие геополитических проектов объясняется как евроатлантической направленностью в целях обеспечения собственной безопасности, так и стремлением к реализации собственных национальных интересов, одним из которых является единство румынской нации.

Все названные геополитические проекты можно разделить на две группы. Первая касается достижения регионального лидерства с упором на Черноморский регион в рамках ЕС и НАТО, вторая предполагает продвижение европейского будущего Республики Молдова с перспективой включения ее в состав Румынии. Следует рассмотреть некоторые проекты подробнее.

Многосторонние проекты с участием Румынии

«Восточное партнерство», как один из геополитических проектов Европейского союза, находит поддержку и в румынской внешней политике. В Стратегии национальной обороны указано, что Румыния продолжит поддерживать государства Западных Балкан, входящих в «Восточное партнерство» с целью закрепить их в архитектуре европейских и евроатлантических институтов, что также является одним из стратегических приоритетов внешней политики и национальной безопасности Румынии⁶.

Необходимо подчеркнуть, что не все инициированные Румынией проекты оказались успешными. В 2016 г. Министерство национальной обороны объявило о создании «Черноморской Флотилии», проекта, который изначально задумывался как расширение присутствия НАТО. Однако после отказа Болгарии поддержать его, было объявлено, что «Флотилия» нацелена исключительно на военно-морское сотрудничество между Румынией, Болгарией и Турцией [Dungaciú, Dumitrescu 2019].

Общей тенденцией всех многосторонних проектов в Черноморском регионе является их энергетическая и оборонительная направленность. Так, «Инициатива трех морей», целью которой было объявлено экономическое сотрудничество, старается ослабить зависимость Европы от российского газа и может расцениваться как «заслон» между Россией и Европой [Биткова 2022]. Немаловажен и тот факт, что Соединенные Штаты широко поддерживают данный проект начиная с 2017 г., и главными акторами в этом отношении являются именно Румыния, Польша и Прибалтика, которые представляют в «Триморье» так называемый «американский блок», больше всего опасаясь экспансионизма России в Европу⁷, а также развития геополитического проекта КНР

⁵ Progamul de Guvernare 2023–2024. URL: https://gov.ro/fisiere/pagini_fisiere/23-06-16-12-32-52Programul_de_Guvernare_2023-2024.pdf (дата обращения: 02.06.2024)

⁶ Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020–2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 02.06.2024)

⁷ The three seas initiative as a geopolitical approach and Austria's role. URL: <https://www.aies.at/download/2021/AIES-Fokus-2021-11.pdf> (дата обращения: 01.06.2024)

«Один пояс — один путь» и формата «16 + 1», направленного на сотрудничество со странами Юго-Восточной Европы. По итогам саммита, проведенного в 2023 г. в Бухаресте, ключевыми проектными отраслями были объявлены транспорт, энергетика и цифровые технологии, а также была отмечена особая роль Румынии в развитии Инвестиционного фонда⁸. Для Румынии важно принимать активное участие в «Триморье» для продвижения своих стратегически важных проектов с целью использования потенциала как в политическом, так и в экономическом плане.

В отличие от «Инициативы» «Бухарестский формат» является выразителем интересов Североатлантического альянса на восточном направлении. По итогам последнего саммита глав государств «Бухарестской девятки» НАТО увеличила свое присутствие в Черноморском регионе в том числе путем создания новой боевой группы на территории Румынии [Шишелина 2023], расширяется и военное присутствие США [Рогина 2022].

Евроинтеграция Румынии дала возможность Европейскому союзу объявить Черноморский регион своей «зоной ответственности» [Ирхин, Москаленко 2021]. В дальнейшем регион стал стратегически важным направлением румынской внешней политики [Шпаковская, Гаврила 2021] и все чаще упоминается в официальных документах как зона ответственности Румынии. Еще в 2006 г. Румыния инициировала создание двух региональных проектов, Черноморского форума диалога и партнерства и Синергии Черного моря. Однако оба проекта не принесли существенных результатов регионального лидерства Румынии, поэтому в дальнейшем проектирование происходило через Евросоюз и сейчас страна старается стать неотъемлемой частью любого формата территориального сотрудничества [Joga, Neacsu, Tesclean 2024]. Группа таких европейских геополитических проектов, в которых участвует Румыния, включает в себя:

- «Черноморскую синергию», функционировавшую до 2021 г. и позже эволюционировавшую в Interreg NEXT, Программу Черноморского бассейна, в которой участвуют также Болгария, Греция, Грузия, Молдова и Украина⁹;
- Стратегию Европейского союза для Дунайского региона (Австрия, Германия, Чехия, Словения, Словакия, Венгрия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория, Болгария, Румыния, Украина и Молдова).

Оба проекта, как заявлено, сосредоточены на укреплении двустороннего сотрудничества, экономическом развитии, в том числе обеспечении транспортной мобильности и решении экологических проблем¹⁰.

⁸ Joint Declaration of the Eighth Summit of the Three Seas Initiatives (Bucharest, 6–7 September 2023). URL: <https://www.presidency.ro/en/media/press-releases/joint-declaration-of-the-eighth-summit-of-the-three-seas-initiative-bucharest-6-7-september-2023> (accessed: 01.06.2024).

⁹ Black Sea Basin Program. URL: <http://blacksea-cbc.net> (accessed: 02.06.2024).

¹⁰ EU Strategy of the Danube Region (EUSDR). URL: <https://danube-region.eu/> (accessed: 02.06.2024).

«Великая Румыния» как геополитический проект

Последний для рассмотрения проект — «Великая Румыния». Он, в отличие от вышеупомянутых, строится не столько в рамках атлантизма и европеизма, сколько на национальной идее единой румынской нации и официально нигде не провозглашается. Идея «Великой Румынии» вновь стала актуальной после падения социализма в стране в 1989 г. Уже с 1990 г. начинают формироваться новые политические партии, в частности партия «Великая Румыния» (Partidul România Mare) и «Альянс за объединение румын» (AUR). Позже о возможности и перспективе объединения заявил президент Траян Бэеску: «Румыния и румыны — единственная страна, единственный народ, оставшийся в Европе разделенным после воссоединения Германии... Румыния все еще остается разделенной на два государства, их объединение произойдет внутри Европейского союза и никак иначе» [Биткова 2008: 138].

На данный момент имплементация великорумынской идеи происходит путем реализации одного из стратегических приоритетов, посредством поддержки проевропейского курса Республики Молдова: «Румыния будет поддерживать ее курс на евроинтеграцию путем участия в двусторонних проектах, что также будет выгодно для всех граждан Республики Молдова, языкового сообщества, идентичности и румынской культуры»¹¹. Помимо упомянутых выше европейских проектов, в том числе и двустороннего сотрудничества в рамках программы Intereg-NEXT Румыния — Республика Молдова, на последнюю оказывается определенное влияние. Причем оно носит не просто культурный или экономический характер, находящий свое выражение в политике румынизации молдавского населения, но политическое и военное. Достаточно уязвимое положение ближайшего соседа, в том числе из-за неоднородной национальной идентичности и серьезных внутривнутриполитических разногласий, позволяет добиваться в этом определенных успехов. Для этого поддерживается стремление к получению статуса страны-кандидата на вступление в ЕС, утверждение румынского языка как государственного, постепенный отказ от нейтралитета, провозглашенного в Конституции, вовлечение в проекты НАТО и т.д. Милитаризация Республики Молдовы наблюдается как со стороны США, которые действуют в рамках НАТО, так и Румынии. Еще до начала Россией специальной военной операции на Украине в январе 2022 г. политической элитой Молдовы было подписано обращение руководству США, НАТО и ЕС с призывом оказать государству военную помощь. Интересно, что бывший молдавский посол в Бухаресте М. Грибинча был одним из тех, кто подписал данное обращение, заявив, что в случае возобновления конфликта на территории Украины власти Республики должны обратиться к Румынии с просьбой о вводе на её территорию войск, а также при необходимости отдать ей часть Украины, которая

¹¹ Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020–2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 02.06.2024).

была в составе «Великой Румынии» [Лавренов 2022]. Позже Майя Санду, президент Республики Молдова, заявила о том, что в случае военной угрозы со стороны России она обратится к Румынии, отдельно отметив нестабильную ситуацию в Приднестровье. Молдавское националистическое движение имеет исключительно русофобский вектор, при этом продолжается процесс «срачивания» Молдавии с Румынией [Макухина 2024].

Однако такая политика не всегда находит поддержку: Гагаузия и Приднестровская Молдавская Республика поддерживают пророссийский внешнеполитический курс и борьбу за национальную идентичность. Соответственно, под вопросом находится суверенитет и провозглашенный нейтралитет самой Республики Молдова, так как ввиду экономической ситуации реальная перспектива вступить в Европейский союз имеется лишь через объединение с Румынией.

Следует также отметить, что Украина, в отличие от Молдовы, выступает против насильственной политики румынизации. Румыния в отношении Украины использует аналогичную с Молдовой культурную политику, что послужило причиной для обострения румынско-украинских отношений, что продолжилось и после начала специальной военной операции: отказ в прямой военной помощи на официальном уровне, поддержка запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции и т.д.

Заключение

Геополитическое проектирование представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует понимания исторических, политических, экономических и культурных особенностей страны. Для Румынии — это, в первую очередь, способ реализации своих национальных интересов и закрепление за собой статуса регионального лидера через синтез евроатлантического вектора и национализма.

На примере Румынии можно увидеть, как теоретические подходы, воплощенные в государственных доктринальных установках, отражаются в политическом курсе и становятся составной частью политических институтов. Проанализировав теоретические подходы и содержание современных геополитических проектов Румынии, становится очевидным ее стремление к укреплению своих позиций в регионе и на международной арене, что в то же время требует от страны не только интеграции в уже существующие проекты, но и разработки и реализации эффективных инициатив, на чем и сосредоточено региональное направление ее внешней политики. Это объясняет и рост числа геополитических проектов, в которых Румыния принимает активное участие, и евроатлантическая интеграция является своеобразным инструментом и поддержкой в их реализации.

Тем не менее «Великая Румыния» как идея объединения с Молдовой, может быть, и представляется нереализуемой в современных условиях, но не теряет свою актуальность. Продолжается политика румынизации и поддержка

роевропейского курса Молдовы, усиливается и ее зависимость от Румынии. Для России важно сохранять и улучшать свои позиции в Черноморском регионе, поэтому необходимо отслеживать не только реализацию таких проектов, но и возможность возникновения новых.

Поступила в редакцию / Received: 11.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 12.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Белозёров В.К.* Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 24. С. 31–40.
- Белозёров В.К.* Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 апреля 2019 г. / под общей редакцией А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. С. 165–171.
- Биткова Т.Г.* Интересы Румынии в Юго-Восточной Европе и взаимоотношения с Турцией // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 57–68. <http://doi.org/10.20542/afij-2022-3-57-68>.
- Биткова Т.Г.* Румыния и Балканы: Политические и историко- культурные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2 (110). С. 233–252. <http://doi.org/10.31249/are/2021.02.11>.
- Биткова Т.Г.* Румыния и ближайшие соседи: контакты и региональные проекты // Восточная Европа в современной геополитике: сборник обзоров и рефератов / Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем; А.Ю. Игрицкий (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 129–149.
- Ирхин А.А., Москаленко О.А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>.
- Киселев С.Г.* Магистральные тренды в геополитической картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 3 (852). С. 24–30. http://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_3_852_24.
- Лавренев С.Я.* Молдавию встраивают в восточноевропейский «пояс обороны» НАТО // Обозреватель. 2022. № 3–4 (386–387). С. 22–38. http://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_23.
- Макухина Я.М.* Национализм Восточно-европейских государств на примере Республики Молдовы: история и политика // Человеческий капитал. 2024. № 3 (183). С. 57–64. <http://doi.org/10.25629/НС.2024.03.05>.
- Рогина М.Д.* Роль и место Черноморского региона в современной мировой политике // Казачество. 2022. № 58 (1). С. 55–67.
- Шишелина Л.Н.* Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2 (32). С. 7–14. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran2202371>.

- Шпаковская М.А., Гаврила А.А. Основные направления участия Румынии в сотрудничестве на Черном море // *Парадигмы истории и общественного развития*. 2021. Вып. 23. С. 46–50.
- Bădescu I. *Tratat de geopolitică*. Vol. 1. București: Editura „Mica Valahie”. 2011.
- Conea I. *O poziție geopolitică*. București: Imprimeria Institutului Statistic. 1944.
- Dungaciu D., Dumitrescu L. Romania's strategic initiatives in the Black Sea area: from subregionalism to peripheral regionalism // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2019. No. 19. P. 1–19. <http://doi.org/10.1080/14683857.2019.1623983>.
- Jora O.-D., Neacșu M.-C., Teclean C. *Rolul mecanismelor regionale de cooperare în contextul geopolitic actual. Oportunități și provocări pentru România*. București: Institutul European din România. 2024.
- Neacșu M.-C. *Simion Mehedinți și geopolitica românească*. București: CD Press, 2018.
- Săgeată R. *Direcții și tendințe în geopolitica românească interbelică* // *Analele Asociației Profesionale a Geografilor din România*. 2015. Vol. 2. P. 5–16.

References

- Bădescu, I. (2011). *Tratat de geopolitică*. Vol. 1. București: Editura „Mica Valahie”. (In Romanian).
- Belozerov, V.K. (2013). Doctrines and ideologies in the system of political institutions. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 24(684), 31–40. (In Russian).
- Belozerov, V.K. (2019). Confrontation of global projects as the main content of modern international relations. In A.Ya. Kasuyk & I.K. Kharichkin (Eds.), *Modern Russia in the Global Political process: global and Regional dimension: Proceedings of the International Scientific and Practical conference*, Moscow, April 16–18, 2019 (pp. 165–171). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian).
- Bitkova, T.G. (2008). Romania and its closest neighbors: Contacts and regional projects. In Yu.I. Igritsky & et al. (Eds.), *Eastern Europe in modern Geopolitics: A collection of reviews and abstracts* (pp. 129–149). Moscow: Center for Scientific and Information Research on Global and Regional Problems. (In Russian).
- Bitkova, T.G. (2021). Romania and the Balkans: Political, historical, and cultural aspects. *Current problems of Europe*, (2), 233–252. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/ape/2021.02.11>.
- Bitkova, T.G. (2022). Romania's interests in South-Eastern Europe and cooperation with Turkey. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 3, 57–68. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/afj-2022-3-57-68>.
- Conea, I. (1944). *O poziție geopolitică*. București: Imprimeria Institutului Statistic.
- Dungaciu, D., & Dumitrescu, L. (2019). Romania's strategic initiatives in the Black Sea area: From subregionalism to peripheral regionalism. *Southeast European and Black Sea Studies*, 19, 1–19. <http://doi.org/10.1080/14683857.2019.1623983>.
- Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2021). The Black Sea region in the contest of geopolitical projects of the great powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 498–516. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>.
- Jora, O.-D., Neacșu, M.-C., & Teclean, C. (2024). *Rolul mecanismelor regionale de cooperare în contextul geopolitic actual. Oportunități și provocări pentru România*. București: Institutul European din România.
- Kiselev, S.G. (2022). Main trends in the geopolitical picture of the world. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (3), 24–30. (In Russian). http://doi.org/10.52070/2500-347X_2023_3_852_24.
- Lavrenov, S.Ya. (2022). Moldova is being integrated into the Eastern European “defense belt” of NATO. *Observer*, (3–4), 22–38. (In Russian). http://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_23.

- Makukhina, Y.M. (2022). Nationalism in Moldova: Historical analysis of the politico-ideological phenomenon and its threat to Russia's national security. *Human Capital*, (3), 57–64. (In Russian). <http://doi.org/10.25629/HC.2024.03.05>.
- Neacșu, M.-C. (2018). *Simion Mehedinți și geopolitica românească*. București: CD Press.
- Rogina, M.D. (2022). The role and place of the Black Sea region in contemporary world politics. *Kazachestvo*, 58(1), 55–67. (In Russian).
- Săgeată, R. (2015). Direcții și tendințe în geopolitica românească interbelică. *Analele Asociației Profesionale a Geografilor din România*, 2, 5–16. (In Romanian).
- Shihelina, L.N. (2023). The role of the Bucharest Nine of the eastern flank of NATO. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*, 32(2), 7–14. (In Russian). <http://doi.org/10.15211/vestnikieran2202371>.
- Shpakovskaya, M.A., & Gavrilă, A.A. (2021). The main trends of Romania's participation in cooperation on the Black Sea. *Paradigms of history and social development*, 23, 46–50. (In Russian).

Сведения об авторе:

Азаренкова Алина Александровна — преподаватель кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет (e-mail: azarenkova_alina99@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-8466-3668)

About the author:

Alina A. Azarenkova — Lecturer at the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University (e-mail: azarenkova_alina99@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-8466-3668)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-556-568
EDN: ANUUXK

Научная статья / Research article

Влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе

А.В. Ишин

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь,
Российская Федерация*

✉ a.ischin@yandex.ru

Аннотация. На основе структурно-функционального, кросс-культурного анализа и метода бинарных оппозиций рассматривается влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе. Исследование сосредоточено на факторе геополитического прессинга со стороны коллективного Запада, поликультурной специфики Крымского полуострова как фактора геополитики. Автор приходит к выводу о высокой значимости военно-стратегической, геоэкономической, социокультурной роли Крыма в политических процессах. Итоги «Крымской весны» 2014 г. во многом изменили расстановку сил в Северном Причерноморье, послужили новой точкой отсчета в геополитической динамике. При этом Крым с большой долей вероятности может сыграть важную роль в формировании новой геополитической идеологии России, необходимой на современном этапе развития.

Ключевые слова: цивилизационная первооснова, этническое разнообразие, геополитический прессинг, многополярный мир

Для цитирования: *Ишин А.В.* Влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 556–568. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-556-568>

The Role of the “Crimean Factor” in Geopolitical Processes of the Black Sea Region

Andrey V. Ishin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

✉ a.ischin@yandex.ru

Abstract. The role of the “Crimean factor” on geopolitical processes in the Black Sea region is discussed basing on the structural-functional analysis, cross-cultural analysis, and the method of binary oppositions. The study examines the factor of geopolitical pressure from the

© Ишин А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

collective West, the multicultural specificity of the Crimean Peninsula as a factor of geopolitics. The author concludes the high significance of the military-strategic, geo-economic, socio-cultural role of Crimea in political processes. The results of the “Crimean Spring” of 2014 largely changed the balance of power in the Northern Black Sea region and served as a new starting point in geopolitical dynamics. At the same time, Crimea may well play an important role in the formation of a new geopolitical ideology of Russia, which is necessary at the current situation.

Keywords: civilizational foundation, ethnic diversity, geopolitical pressure, multipolar world

For citation: Ishin, A.V. (2024). The role of the “Crimean factor” in geopolitical processes of the Black Sea region. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 556–568. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-556-568>

Введение

Теоретические и практические подходы к изучению проблем морской регионалистики, влияния морских акваторий и регионов на процессы мировой политики фундаментально разработаны в политической науке. Достижения ученых, в частности, нашли комплексное отражение в следующих работах: [Гриневецкий, Жильцов, Зонн 2007; Гриневецкий, Жильцов, Зонн 2009; Zonn, Glantz, Kostianoy, Kosarev 2009; Zonn, Kostianoy, Kosarev, Glantz 2010; Zhiltsov 2014; Kosarev, Kostianoy, Zonn, Zhiltsov 2014; Grinevetskiy, Zhiltsov, Zonn, Kosarev, Kostyanoi 2015; Zhiltsov 2016; Zonn, Kostianoy, Semenov 2016; Zonn, Kostianoy, Semenov 2017].

Проблемы безопасности Черноморско-Средиземноморского региона, международного сотрудничества, интеграционных процессов и столкновения геополитических интересов, превращения украинского пространства в плацдарм для реализации стратегий НАТО нашли отражение в работах как отечественных (см., например, [Жильцов, Мальгин, Григорьянц, Ишин, Киселева 2015; Баранов 2023; Иванченко, Мурадов 2023; Шорников 2023; Константинов 2024]), так и зарубежных (в частности, [Анчев 2023; Край 2024; Попеску 2024]) авторов.

Вместе с тем в условиях системного нагнетания геополитической конфронтации в Черноморском регионе со стороны политических элит коллективного Запада и контролируемого ими киевского националистического режима представляется актуальной задачей осмысление роли Крыма и «крымского фактора» в современных геополитических процессах.

В настоящей статье эта задача реализуется с опорой на теорию локальных цивилизаций, основы которой были сформулированы выдающимся отечественным мыслителем Н.Я. Данилевским [Данилевский 1991]. В рамках указанной теории нами используются следующие междисциплинарные подходы: структурно-функциональный анализ, кросс-культурный анализ и метод бинарных оппозиций, которые позволяют научно осмыслить феномен геополитической поляризации Черноморской зоны.

Крым в условиях геополитического прессинга со стороны коллективного Запада

Вполне очевидно, что руководство блока НАТО рассматривает результаты мартовского Всекрымского референдума 2014 г. как свое ключевое геополитическое поражение последних десятилетий. Вместе с тем уникальное значение полуострова, существенно возросшее в условиях конкуренции высоких военно-промышленных технологий, в новейшую эпоху недвусмысленно обозначило новое геостратегическое измерение региона: именно Крым сегодня выступает ключом к Большому Средиземноморью — геополитическому пространству в бассейнах Средиземного, Черного и Азовского морей [Ишин 2020: 221]. Этим обстоятельством в значительной мере обусловлено комплексное наращивание Западом геополитического прессинга на Россию. Военно-политические структуры коллективного Запада не оставляют намерений вернуть Крым в орбиту своего влияния в долгосрочной перспективе, не исключая при этом вероятность нанесения возможного военного удара в «южное подбрюшье» нашей страны. Так, согласно заявлению генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, Североатлантический альянс считает Черное море стратегическим для себя регионом и намерен наращивать свое присутствие здесь¹.

Тем не менее успешно выбранная руководством России стратегия проведения специальной военной операции в военно-стратегическом отношении уже привела к тому, что коренной перелом ситуации, и отнюдь не в пользу Запада, уже наступил. Свидетельство тому — провал «контрнаступа» киевской военины в 2023 г. и освобождение значительной части территорий Новороссии от власти киевской хунты.

На этом фоне даже самый общий взгляд на происходящие события со всей очевидностью свидетельствует о стремительном возрастании количества попыток совершения с помощью натовских вооружений террористических актов против объектов (в том числе гражданских) на территории Республики Крым и города Севастополя, попытки (по факту провальные) расшатать внутривнутриполитическую стабильность, нанести максимальный ущерб крымской экономике посредством энергетической (успешно преодоленной благодаря оперативным действиям федерального центра) и водной блокад. Общая сумма ущерба от преступных деяний нынешнего официального Киева к настоящему моменту превысила 14 трлн рублей².

По информации первого заместителя Председателя Государственного Совета Республики Крым, руководителя рабочей группы по оценке ущерба, нанесенного Республике Крым в результате блокад, организованных Украиной, Е.З. Фикса, «уже сегодня суд удовлетворил иски хозяйственных субъектов в полном объеме.

¹ Дегтярев А. Генсек НАТО заявил о намерении наращивать силы в Черном море. Деловая газета «Взгляд». URL: https://vpk.name/news/364080_gensek_nato_zayavil_o_namerenii_narashivat_sily_v_chernom_more.html (дата обращения: 10.01.2020).

² Названа сумма ущерба Крыму от водной и энергетической блокад. URL: <https://crimea.gia.ru/20240610/nazvana-summa-uscherba-krymu-ot-vodnoy-i-energeticheskoy-blokad-1137983504.html> (дата обращения: 10.06.2024).

Наша главная цель — чтобы ни одно преступление против Крыма и крымчан не осталось безнаказанным. И мы будем оказывать помощь в подготовке материалов и подаче исков, отстаивая честь крымчан»³.

Террористическую сущность киевского режима ярко характеризует и тот факт, что к сентябрю 2024 г. в сирийскую провинцию Идлиб прибыло свыше 200 украинских инструкторов с целью обучения членов запрещенных террористических группировок производству и применению беспилотных систем против российских и сирийских военнослужащих⁴.

Согласно заявлению начальника войск РХБЗ ВС РФ И. Кириллова, Киев использует запрещенные международными конвенциями, крайне опасные химические соединения. Так, «13 июля 2024 г. была получена информация о подвозе боеприпасов с химическими веществами раздражающего действия в подразделения третьего аэромобильного батальона ВСУ. В августе 2024 г. в ходе оперативных мероприятий в одном из схронов ВСУ были найдены подготовленные к применению вещества, содержащие смесь на основе нитрата таллия». «Считаем, что международному сообществу необходимо обратить пристальное внимание на данные вопросы, а профильной организации — ОЗХО — принять безотлагательные меры для контроля соблюдения положений Конвенции Украиной и недопущения разработки, производства, накопления и применения химического оружия», — отметил в этой связи И. Кириллов⁵.

На этом фоне вызывают крайнюю озабоченность попытки коллективного Запада создать еще один (наряду с т.н. Украиной) плацдарм для проведения агрессивной политики в Черноморском бассейне — на этот раз на территории Молдавии. При этом активно используется «румынский фактор». Как отмечает директор Института социально-политических исследований и регионального развития (г. Тирасполь) И.П. Шорников, «Молдова получила финансовую помощь на модернизацию армии объемом в 40 млн евро, ей передаются образцы современных видов вооружений для обучения военных специалистов, происходит беспрецедентное усиление сотрудничества в области разведки — в Кишиневе побывали руководители спецслужб Британии и Румынии, военные министры ФРГ и Румынии, на постоянной основе в военном ведомстве и в администрации президента Молдовы работают советники из США, Франции, Германии. В Молдове работают три информационных центра НАТО, а теперь здесь НАТО создает и центр кибербезопасности, наподобие тех, которые действуют в Прибалтике и на Украине» [Шорников 2023: 140].

³ Ефим Фикс: «Наша главная цель — чтобы ни одно преступление против Крыма и крымчан не осталось безнаказанным» // Крымские известия. 2024, 24 августа. № 151 (7972). С. 2.

⁴ Киев активно готовит новый фронт против России. URL: <https://topcor.ru/51625-kiev-aktivno-gotovit-novuj-front-protiv-rossii.html> (дата обращения: 17.09.2024).

⁵ Военнослужащих ВСУ готовят к применению химических боеприпасов на основе нитрата таллия. URL: <https://topcor.ru/50944-voennosluzhaschih-vsu-gotovjat-k-primeneniju-himicheskix-boepripasov.html> (дата обращения: 27.08.2024).

Коллективный Запад откровенно раздражен успешным созданием Россией и ее партнерами новой архитектуры геэкономки Черноморского бассейна [Ishin 2016], подтверждение чему — успешно функционирующий газопровод «Турецкий поток» с возможностью его усиления новым газопроводом. Так, по информации американского издания «Politico», в конце августа 2024 г. Турецкая Республика объявила о строительстве нового газопровода, который, по оценке министра энергетики Турции А. Байрактара, даст возможность экспортировать 7–8 млрд кубометров природного газа через Болгарию и Центральную Европу под новым брендом под названием «Турецкая смесь», при этом доля российского газа в этом объеме составит около 40 %⁶.

На этом фоне 29 сентября 2015 г. под эгидой США в Нью-Йорке был запущен проект «Триморье», предполагающий альянс государств, проводящих антироссийский геополитический курс в бассейнах Балтийского, Черного и Адриатического морей (включая Украину, Молдавию, Болгарию и Румынию). По мнению болгарского исследователя С.И. Анчева, «основные причины такого союза содержатся в базовом тезисе западной политики — война за ресурсы, что означает завоевание чужих территорий или, по крайней мере, поставку их под американскую зависимость с участием или без участия Запада» [Анчев 2023: 482–483].

В этой связи совершенно очевидна правота оценок Председателя Государственного Совета Республики Крым В.А. Константинова, согласно которым «без полного лишения Украины выхода к Черноморскому побережью цели и задачи СВО нельзя считать успешно выполненными. Без этого невозможно гарантировать безопасность российских территорий. В Крыму это хорошо понимают, поскольку мы сталкиваемся с регулярными атаками террористического государства «Украина». Прекратить их можно только поле того, как Херсон, Николаев, Одесса — русские города, основанные нашими предками, вернутся в состав или под надежный контроль России» [Константинов 2024: 5].

Поликультурная специфика Крыма как фактор геополитики

Исторически Крым для России во многом выступает цивилизационной первоосновой. Очень точно этот феномен отражен Президентом России В.В. Путиным в Послании к Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.: «Именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как его называли русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь,

⁶ Российский газ добирается до Европы через новый «Турецкий поток» — Politico. URL: <https://rusvesna.su/news/1725195669> (дата обращения: 01.09.2024).

Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение, так же как и Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда»⁷.

Исключительно благоприятное географическое положение Крыма, прекрасные климатические условия привлекали людей уже в древнюю эпоху. Запад и Восток, Европа и Азия вступают в тесное взаимодействие на этом небольшом участке суши, рождая небывалый всплеск творческой энергии, свидетельством чего являются величественные руины Боспора и Херсонеса, росписи склепа Деметры в Керчи и Неаполя Скифского — столицы позднескифского царства в городской черте современного Симферополя, неповторимые по красоте греческие вазы и золотые украшения скифских царей.

В X–XII столетиях восточная часть Крымского полуострова входила в состав могущественного древнерусского Тмутараканского княжества, расположенного на Таманском и Керченском полуостровах и повторявшего в значительной мере рубежи древнего Боспорского царства. Тмутараканские князья одно время чеканили, наряду с князьями киевскими, свою монету и контролировали значительную часть территории Древней Руси. В Крыму образуются мощные славянские поселения, арабские географы X–XII вв. именуют Черное море «Русским морем», а стратегически важный Керченский пролив — «устьем Русской реки».

Таким образом, полуостров уже в давние времена имел исторически значимую роль в формировании российской государственности и цивилизации.

В XVIII столетии Крым вовлекается в устойчивую орбиту влияния Российской империи и с 1783 г. входит в ее состав. Строятся новые города и порты, прекрасные дворцы и усадьбы Южнобережья, развиваются рекреационные зоны, виноградарство и виноделие. Этническая палитра края существенно обогащается вследствие освоения таврических пространств русскими, украинскими, немецкими, греческими, эстонскими, болгарскими и другими переселенцами [Ишин 2014: 163–172].

Трагический XX век прервал динамичный ход этнической истории Тавриды. Две мировые войны, революция и братоубийственная гражданская война, голод и репрессии, депортации крымских немцев, татар, армян, болгар, греков и итальянцев негативным образом отразились на развитии крымских этносов и культур. Вместе с тем важный опыт регулирования национальных отношений был получен в годы существования Крымской Автономной Советской Социалистической Республики (1921–1945), образованной в составе России декретом ВЦИК и СНК РСФСР 18 октября 1921 г. [Ишин 2017: 13].

Воссоединение Крыма с Россией открыло качественно новую перспективу развития для всех этнических сообществ полуострова.

⁷ Всемирная серия: Народы и времена. Российская Федерация. Республика Крым. Города-герои Севастополь. Русские. Т. 4 / Балаян Б.С. Симферополь: Крымский союз журналистов этнических средств массовой информации. 2025. С. 3.

Уже вскоре после мартовского референдума — 21 апреля 2014 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Указ, в частности, предписывает правительственным учреждениям «принять комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам». В сентябре 2015 г. действие Указа было распространено и на крымских итальянцев, также пострадавших от насильственной депортации. Такого нормативного акта ранее депортированные народы безрезультатно ожидали все 23 года нахождения в составе так называемой «независимой Украины».

С принятием Конституции Республики Крым 11 апреля 2014 г. были сформированы все необходимые предпосылки для развития полномасштабного межэтнического и межконфессионального диалога на полуострове. В преамбуле Конституции, в частности, заявляется магистральная цель «сохранить многообразие и самобытность национальных культур, исторически сложившихся на территории республики, обеспечить их равноправное развитие и взаимообогащение, опираясь на многовековую общую историю с народами Российской Федерации»⁸.

В нынешнее во многом переломное и эпохальное время важно понять: крымское созвездие народов и культур — это наше богатство, ничуть не меньшее, чем благодатный климат и уникальное географическое положение, а это, в свою очередь, дает основания и надежду на реализацию проектов кросс-культурного масштаба (в частности, логистическое оформление туристического маршрута «Христианский Крым», а также иных маршрутов, связанных с приобщением к культурному наследию ведущих традиционных конфессий полуострова), которые могут иметь важное геополитическое значение.

Ключевой предпосылкой для успешного воплощения таких подходов выступает, по нашему убеждению, поступательное развитие гражданского общества.

По данным переписи населения 2014 г., в Крыму проживают представители 175 национальных сообществ (русских, украинцев, крымских татар, белорусов, казанских татар, армян, евреев, поляков, молдаван, азербайджанцев, узбеков, корейцев, греков, немцев, мордвы, чувашей, цыган, болгар, грузин, марийцев, караимов, крымчаков и др.).

Политика федеральных и республиканских властей направлена на всестороннее развитие всех национальных групп. В настоящее время в Республике Крым действует 12 национально-культурных автономий,

⁸ Конституция Республики Крым. Симферополь: ФЛП А.Е. Плохотнюк, 2014. С. 3.

20 национально-культурных общественных организаций, 6 национальных центров культуры⁹.

В диалоге с органами исполнительной власти быстрое и эффективное решение проблем развития всех крымских национально-культурных сообществ находится в поле таких важнейших институтов гражданского общества, как Общественная палата и общественные советы муниципальных образований Республики Крым. При их непосредственном организационном участии 13 марта 2024 г. в Симферополе состоялся первый Гражданский форум Крыма «10 лет в России», завершившийся принятием резолюции, в которой, в частности, было отмечено: «Эпохальные свершения 2014 г. обозначили новую точку отсчета не только в новейшей истории Республики Крым, но и в исторической летописи России как государства-цивилизации. Эти свершения стали торжеством права и исторической правды, результатом высочайшего уровня общественной консолидации крымчан, вставших на защиту своих конституционных прав... <...> Республика Крым за прошедшее десятилетие прошла путь созидания и масштабных преобразований, достойных столетий. Крымчане по праву гордятся ими и уверенно смотрят в будущее»¹⁰.

Указанные положения единогласно принятой резолюции в полной мере были подтверждены официальными итогами минувших Президентских выборов в Республике Крым (17 марта 2024 года), согласно которым за действующего главу государства проголосовали 1 миллион 264 тысячи 32 избирателя, что составляет 93,6 %¹¹.

Приведенные цифры позволяют сделать вывод о безусловной консолидации поликультурного сообщества Республики Крым вокруг идеи неизменности государственной власти, идеи построения справедливого многополярного мира, что объективно служит положительным сигналом и для многих рядовых жителей стран Черноморского бассейна, находящихся в сфере жесткого диктата со стороны коллективного Запада и остро ощущающих западноевропейский кризис мультикультурализма, все более критично воспринимающих и внешнюю, и внутреннюю политику своих правящих элит.

⁹ Реестр общественных объединений Республики Крым. URL: [¹⁰ Гражданский форум Крыма «10 лет в России» завершился оглашением резолюции. URL: <https://opcrimea.ru/novosti/grazhdanskij-forum-kryma-10-let-v-rossii-zavershilnya-oglasheniem-rezolyucii.html> \(дата обращения: 13.03.2024\).](https://docviewer.yandex.ru/view/76406396/?page=1&*=pJi%2F71KPWocL8O2JRNzCfb4v%2FQ17InVybCI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVMb09kUGlya3JEZl1daS21QZ2ZSNzVmOENiRlM5ZmRZSi00SmJHMmVzSG9Sa1c3cDRKR3FiRm02Qm44ZGVNRkhsWTI5SG1RRFp4SDVXY3JyeUY1WERhZmlHYmgxbG1FUWlaZWVreTFJTHF2akZOWFNSVEVHY0JyTHcwaVhKVjlKeGc9PT9zaWduPVZSUUpwRklSQTVlcmZaaE9KX09Lb2VIQWZPak1fX2hlZ1NwWWJXSDZlY0U9IiwidGl0bGUiOiJlZSZVzdHl1bWV0c2l1bWVzbnloLW9ic2hoZXN0dmVubnl0LW9iZWVpbmVuaWotUksuZG9jeCIsIm5vaWZyYW1lIjpmYXxzZSwidWlkIjo1NzY0MDYzOTYiLCJ0cy16MTcyNDkzNDAlMjE2MywicXUiOi11ODQyNDMyMDMxNTg4MDE0NTU5In0%3D (дата обращения: 29.08.2024).</p></div><div data-bbox=)

¹¹ Стали известны результаты выборов президента России в Крыму. URL: <https://crimea.rg.ru/20240318/stali-izvestny-rezultaty-vyborov-prezidenta-rossii-v-krymu-1135799719.html> (дата обращения: 18.03.2024).

В этой связи примечательно, что 22 апреля 2017 г. в Ялте в ходе работы международного экономического форума, по предложению французского политического деятеля Жан-Пьера Тома, была образована Международная ассоциация друзей Крыма, представляющая собой неформальный клуб политических и общественных деятелей из разных стран мира. Как отмечают эксперты Я.А. Иванченко и Г.Л. Мурадов, «на протяжении 2017–2020 гг. Международная ассоциация друзей Крыма и ее национальные клубы проводили широкие акции солидарности с многонациональным народом Крыма, что способствовало расшатыванию санкционных механизмов, выработке методов противодействия этой пагубной для мира политики. Ежегодно в Крыму и в Москве проводятся Форумы друзей Крыма, на которые собираются представители национальных клубов из десятков стран. Помимо Ялтинского международного экономического форума постоянной площадкой для проведения Форума друзей Крыма стала ежегодная конференция «Крым в современном международном контексте», проводимая Черноморской ассоциацией международного сотрудничества совместно с Деловым и культурным центром Республики Крым» [Иванченко, Мурадов 2023: 147].

Вместе с тем за 10 лет, прошедших с эпохального 2014 г., Крым продемонстрировал успешный опыт интеграции в состав Российской Федерации, превращаясь, без преувеличения, в парадное крыльцо России. Эта уникальная роль может быть соотнесена не только с масштабными инфраструктурными и культурными проектами, такими, как трасса «Таврида», «Крымский мост», «Новый Херсонес», но и с выработкой фундаментальных моделей развития гуманитарного пространства. Это, в свою очередь, выступает важным ориентиром для всей Новороссии, которая, по справедливому определению исследователя А.В. Баранова, означает «бывшие земли российско-османского фронта, постепенно входившие в состав Российского государства на протяжении XVI — XVIII вв. В современных условиях Новороссия включает в себя территорию ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской, Харьковской, Днепропетровской, Николаевской и Одесской областей» [Баранов 2023: 16].

Успешной реализации интеграционных стратегий несомненно будет способствовать и выстраиваемая новая архитектура морских перевозок, чему, несмотря на беспрецедентное санкционное давление, способствует успешное проведение Россией специальной военной операции. Так, согласно оценке главы Национального исследовательского центра «Перевозки и инфраструктура» П. Иванкина, *«потенциально крымские порты завязаны, в том числе географически, в большей степени на Запорожскую, Херсонскую области, ДНР и ЛНР. Экспортный грузопоток, который может формироваться там, будет удобнее завозить не столько на азовские порты новых и соседних регионов РФ, а сразу в порты Крыма, напрямую выходящие в Черное море»*¹².

¹² Леонов И. Порты Крыма: участие в мировой торговле вопреки санкциям. URL: https://1rodina.ru/article/porty-kryma-uchastie-v-mirovoy-torgovle-vopreki-sankciyam?utm_source=finobzor.ru (дата обращения: 11.08.2024).

При этом необходимо учитывать, что по информации Вице-премьера Республики Крым Г.Л. Мурадова, «...в условиях санкций в отношении Крыма наши зарубежные торговые партнеры отказываются от приема кораблей, заходивших в крымские порты, боятся вторичных санкций. Прежде всего, это Турция и Египет, которые при принятии решения на правительственном уровне о приеме крымских грузов и судов, приходящих из Крыма, могли бы создать на своей территории хабы по перевалке российских грузов, в том числе из новых регионов, на страны Африки и Ближнего Востока»¹³.

Заключение

Анализ геополитической ситуации в Черноморском регионе убеждает нас в высокой значимости военно-стратегической, геоэкономической, социокультурной роли Крыма в политических процессах. Итоги «Крымской весны» 2014 г. во многом изменили расстановку сил в Северном Причерноморье, послужили новой точкой отсчета в геополитической динамике.

В целом успешный для нашей страны ход специальной военной операции со всей очевидностью подтвердил крайне важную роль Крымского полуострова как «непотопляемого авианосца» России, способного выступать одним из действенных факторов нейтрализации западной стратегии «быстрого глобального удара», которая, по мнению ее основателей и адептов, призвана гарантировать гегемонию неокOLONиальной по своей сути однополярной модели мироустройства.

Вместе с тем перечисленными характеристиками политическая роль Крыма не исчерпывается. Республика Крым и город Севастополь имеют все шансы стать смысловым ядром формирования новой геополитической идеологии России, в основе которой лежит идея построения справедливого многополярного мира, открывающая новые возможности в том числе для народной дипломатии.

Фундаментом построения такого мира должен послужить тесный альянс государств-цивилизаций, для которых идея общественного блага на протяжении их истории превалировала над интересами индивидуализма и потребительского отношения к окружающим народам, а духовные ценности во многом определяли специфику собственно политического ландшафта. Такой подход с полным правом можно назвать формированием соборности в ее внешнеполитической проекции и Крым, аккумулирующий многовековой опыт взаимодействия цивилизаций и культур, способен и сегодня выступить одним из важных катализаторов указанного процесса.

Поступила в редакцию / Received: 19.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

¹³ Леонов И. Порты Крыма: участие в мировой торговле вопреки санкциям. URL: https://Irodina.ru/article/porty-kryma-uchastie-v-mirovoy-torgovle-vopreki-sankciyam?utm_source=fnobzor.ru (дата обращения: 11.08.2024).

Библиографический список

- Анчев С.И.* Черноморский регион в современных планах США против России // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2023. С. 479–485.
- Баранов А.В.* Интеграция Крыма и Новороссии в состав России: история и современность // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Междунар. науч.-практич. конференции / отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 15–20.
- Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007.
- Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С.* Дунайская энциклопедия. М.: Международные отношения, 2009. Т. 2.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Жильцов С.С., Мальгин А.В., Григорьянц В.Е., Ишин А.В., Киселева Н.В.* Украина: проблемы территориально-государственного развития. М.: Изд-во ВКН; 2015.
- Иванченко Я.А., Мурадов Г.Л.* Международные связи Республики Крым (2014–2022). Симферополь: Сонат, 2023.
- Ишин А.В.* Воссоединение Крыма с Россией: геокультурное измерение // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2 (2). С. 163–172.
- Ишин А.В.* Крым в 1921–1941 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № S12. С. 13–13.
- Ишин А.В.* О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 2. С. 219–226. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-219-226>
- Константинов В.* Крым и Северное Причерноморье в контексте национальных интересов России // Международная жизнь. 2024. № 4. С. 4–7.
- Край К.И.* Украинский конфликт: советско-российские концепции специальных операций // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Междунар. науч.-практич. конференции / отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 401–404.
- Попеску Р.-М.* Сравнительный анализ российского и румынского подходов к их безопасности в Черноморском регионе: эволюция и константы // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Междунар. науч.-практич. конференции / отв. ред. В.В. Касьянов, А.В. Баранов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 475–478.
- Шорников И.П.* Западная политика на молдавско-приднестровском направлении и факторы безопасности на Днестре // Русский мир на переломе: сборник материалов пленарных заседаний Ливадийского клуба. Симферополь, 2023. С. 139–143.
- Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G.* The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer, 2015.

- Ishin A.V. Multilateral cooperation in the Black Sea region in the energy field // *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer, 2016. P. 163–168. https://doi.org/10.1007/698_2015_395
- Kosarev A.N., Kostianoy A.G., Zonn I.S., Zhiltsov S.S. The Caspian Sea and Kara-Bogaz-Gol Bay // *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer, 2014. P. 69–94.
- Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New opportunities and new Challenges // *Central Asia and Caucasus*. 2014. No. 4. P. 69–79.
- Zhiltsov S.S. Russia's policy towards the pipeline transport in the Caspian Region: results and prospects // *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer, 2016. P. 85–94. https://doi.org/10.1007/698_2015_384.
- Zonn I.S., Glantz M., Kostianoy A.G., Kosarev A.N. *The Aral Sea Encyclopedia*. Berlin: Springer, 2009.
- Zonn I.S., Kostianoy A.G., Kosarev A.N., Glantz M. *The Caspian Sea Encyclopedia*. Berlin: Springer, 2010.
- Zonn I.S., Kostianoy A.G., Semenov A.V. *The Eastern Arctic Seas Encyclopedia*. Berlin: Springer, 2016.
- Zonn I.S., Kostianoy A.G., Semenov A.V. *The Western Arctic Seas Encyclopedia*. Berlin: Springer, 2017.

References

- Anchev, S.I. (2023). Black Sea region in contemporary US plans against Russia. In V.V. Kasyanov & A.V. Baranov (Eds.), *Black Sea-Mediterranean Region in the Russian National Security System: on the 240th Anniversary of the Accession of Crimea and Kuban to Russia and the 80th Anniversary of the Liberation of Krasnodar Krai from Nazi Invaders: proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 479–485). Krasnodar: Kuban State University (In Russian).
- Baranov, A.V. (2023). Integration of Crimea and Novorossia into Russia: history and modernity. In V.V. Kasyanov & A.V. Baranov (Eds.), *Black Sea-Mediterranean Region in the Russian National Security System: on the 240th Anniversary of the Accession of Crimea and Kuban to Russia and the 80th Anniversary of the Liberation of Krasnodar Krai from Nazi Invaders: proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 15–20). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
- Danilevsky, N.Ya. (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga. (In Russian).
- Grinevetskiy, S.R., Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S. (2007). *Black Sea Knot*. Moscow: International Relations. (In Russian).
- Grinevetskiy, S.R., Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S. (2009). *Danube Encyclopedia*. Vol. 2. Moscow: International Relations. (In Russian).
- Grinevetskiy, S.R., Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S., & Kosarev, A.N., & Kostyanoi, A.G. (2015). *The Black Sea Encyclopedia*. Berlin: Springer.
- Ishin, A.V. (2014). The reunification of Crimea with Russia: The geocultural dimension. *Post-Soviet Issues*, 2(2), 163–172. (In Russian).
- Ishin, A.V. (2016). Multilateral cooperation in the Black Sea region in the energy field. In *The Handbook of Environmental Chemistry* (pp. 163–168). Berlin: Springer. https://doi.org/10.1007/698_2015_395
- Ishin, A.V. (2017). The Crimea in 1921–1941. *The Journal of Education and Science Istoriya (History)*, S12, 13–13. (In Russian).
- Ishin, A.V. (2020). About Geopolitical Strategy of NATO in the Black Sea Pool. *Post-Soviet Issues*, 7(2), 219–226. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-219-226>
- Ivanchenko, Ya.A., & Muradov, G.L. (2023). *International relations of the Republic of Crimea (2014–2022)*. Simferopol: Sonat. (In Russian).

- Konstantinov, V. (2024). Crimea and the Northern Black Sea region in the context of Russia's national interests. *The International Affairs*, 4, 4–7. (In Russian).
- Kosarev, A.N., Kostianoy, A.G., Zonn, I.S., & Zhiltsov, S.S. (2014). The Caspian Sea and Kara-Bogaz-Gol Bay. In *The Handbook of Environmental Chemistry* (pp. 69–94). Berlin: Springer.
- Kraj, K.I. (2024). Ukrainian conflict: Soviet-Russian concepts of special operations. In V.V. Kasyanov & A.V. Baranov (Eds.), *Black Sea-Mediterranean Region in the Russian National Security System: on the 240th Anniversary of the Accession of Crimea and Kuban to Russia and the 80th Anniversary of the Liberation of Krasnodar Krai from Nazi Invaders: proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 401–404). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
- Popescu, R.-M. (2024). Comparative Analysis of the Russian and Romanian Approaches to Their Security in the Black Sea Region: Evolution and Constants. In V.V. Kasyanov & A.V. Baranov (Eds.), *Black Sea-Mediterranean Region in the Russian National Security System: on the 240th Anniversary of the Accession of Crimea and Kuban to Russia and the 80th Anniversary of the Liberation of Krasnodar Krai from Nazi Invaders: proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 475–478). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
- Shornikov, I.P. (2023). Western policy in the Moldovan-Transnistrian direction and security factors on the Dniester. *Russian World at a Turning Point. Collection of Materials from the Plenary Sessions of the Livadia Club*. Simferopol: Administration of the State Council of the Republic of Crimea, 139–143. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2014). Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New opportunities and new Challenges. *Central Asia and Caucasus*, 4, 69–79.
- Zhiltsov, S.S., Malgin, A.V., Grigoryanc, V.E., Ishin, A.V., & Kiseleva, N.V. (2015). *Ukraine: Problems of territorial-state development*. Moscow: Publishing house VKN. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2016). Russia's policy towards the pipeline transport in the Caspian Region: Results and prospects. *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin: Springer, 85–94. http://doi.org/10.1007/698_2015_384.
- Zonn, I.S., Glantz, M., Kostianoy, A.G., & Kosarev, A.N. (2009). *The Aral Sea Encyclopedia*. Berlin: Springer.
- Zonn, I.S., Kostianoy, A.G., Kosarev, A.N., & Glantz, M. (2010). *The Caspian Sea Encyclopedia*. Berlin: Springer.
- Zonn, I.S., Kostianoy, A.G., & Semenov, A.V. (2016). *The Eastern Arctic Seas Encyclopedia*. Berlin: Springer.
- Zonn, I.S., Kostianoy, A.G., & Semenov, A.V. (2017). *The Western Arctic Seas Encyclopedia*. Berlin: Springer.

Сведения об авторе:

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (e-mail: a.ischin@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-6513-4198)

About the author:

Andrey V. Ishin — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Institute “Tavricheskaya Academy”, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (e-mail: a.ischin@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-6513-4198)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-569-583
EDN: ANXOOE

Научная статья / Research article

Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе

П.А. Высоцкий

Центр региональных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ pvysotsckij@yandex.ru

Аннотация. В последние годы произошли значительные изменения в развитии региона, которые связаны с обострением геополитической обстановки в мире, попытками Запада оказать давление на Россию с целью ослабления ее политических и экономических позиций в мире. Огромное влияние на ситуацию в Черноморском регионе оказывает конфликт на Украине, в котором активное участие принимают США и ЕС. При этом членами ЕС являются причерноморские государства Румыния и Болгария, которые вместе с Турцией одновременно являются членами НАТО. Это привело к ситуации, когда значительно повысился конфликтный потенциал в Черноморском регионе. Одновременно с этим в регионе сформировалась и продолжает развиваться геополитическая ось Россия — Турция, которая в значительной мере выступает стабилизирующим фактором в развитии региона. Автором сделан вывод, что политическое развитие Черноморского региона находится под сильным влиянием конфронтации между Россией и коллективным Западом.

Ключевые слова: Черноморский регион, Россия, Турция, США, ЕС, Украина

Для цитирования: *Высоцкий П.А.* Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 569–583. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-569-583>

Geopolitics of the Black Sea Region: Key Problems of the Modern Era

Pavel A. Vysotsky

Center for Regional Studies, Moscow, Russian Federation

✉ pvysotsckij@yandex.ru

Abstract. In recent years there have been significant changes in the development of the area, which are associated with the aggravation of the geopolitical situation in the world, attempts of the West to put pressure on Russia to weaken its political and economic positions in the world.

© Высоцкий П.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The conflict in Ukraine, in which the US and the EU are actively involved, has a huge impact on the situation in the Black Sea region. At the same time, such EU members as Romania and Bulgaria, that are also the Black Sea states, together with Turkey, are simultaneously NATO countries. This fact has led to a situation where the conflict potential in the Black Sea region has significantly increased. At the same time, the geopolitical axis Russia — Turkey has been established and continues to develop in the region. It has largely become a stabilizing factor in the area. The article concludes that the political process in the Black Sea zone is strongly influenced by the confrontation between Russia and the Western states.

Keywords: Black Sea region, Russia, Turkey, US, EU, Ukraine

For citation: Vysotsky, P.A. (2024). Geopolitics of the Black Sea region: Key problems of the modern era. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 569–583. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-569-583>

Введение

В последнее десятилетие ситуация в Черноморском регионе стремительно развивается. Здесь сталкиваются интересы причерноморских стран и внерегиональных государств [Жильцов, Зонн 2010]. Ситуация в Черноморском регионе обострилась после 2022 г., когда Россия начала проведение специальной военной операции (СВО) на Украине. Это привело к формированию в регионе разделительных линий. С одной стороны, находится Россия, с другой — причерноморские страны — члены ЕС, которые активно поддерживают антиросийскую политику. В регионе также присутствуют члены НАТО, которые вовлечены в конфликт на Украине. Здесь переплетаются геополитические интересы и международно-правовые вопросы, проблемы энергетического и торгово-экономического сотрудничества и конкуренции. Среди них попытки пересмотреть международно-правовой статус Черноморских проливов, а также вопросы судоходства. Ряд причерноморских стран предпринимает усилия, направленные на увеличение добычи углеводородных ресурсов, с последующей их транспортировкой на внешние рынки. В контексте конфликта на Украине по-иному воспринимаются усилия НАТО и ЕС, которые стремятся расширить в нем свое присутствие.

Несмотря на фундаментальные изменения, которые происходят в регионе в последние десятилетия, монографических работ, посвященных различным аспектам геополитического, правового, экономического и энергетического развития, опубликовано немного.

Роль Крыма в Черноморском регионе

Одним из ключевых событий, которое оказало влияние на геополитическую ситуацию в Черноморском регионе стало вхождение полуострова в состав России в марте 2014 г. Подписание договора о вхождении Крыма в состав России кардинально изменило геополитическую ситуацию в Черноморском регионе.

За последние двадцать лет здесь не раз сталкивались интересы причерноморских стран и региональных государств, что предопределялось географическим положением региона, возможностью контроля над транспортными артериями и экспортными маршрутами углеводородного сырья, месторождениями нефти и газа на шельфе Черного моря.

Вхождение Крыма в состав России было негативно воспринято в Анкаре. Для Турции вхождение Крыма в состав России означало утрату возможности влиять на развитие политической и экономической ситуации на полуострове, а главное — Анкара лишилась перспективы установления доминирующего влияния. До 2014 г. турецкая сторона проводила политику, которая предполагала не только ограничение влияния России на Крым, снижение уровня контактов в политической, экономической и культурной сферах, но и вывод полуострова из-под влияния официального Киева, разыгрывающего постоянно «карту» крымских татар [Жильцов 2019]. Турция через механизмы экономического воздействия, образовательную политику и давление на крымские власти и официальный Киев через крымских татар стремилась в перспективе занять доминирующие позиции в Крыму и вытеснить из него Россию. Все эти планы рухнули после вхождения Крыма в состав России [Меренков 2017].

Для Запада «крымская весна» стала неожиданным событием, которое привело к геополитическому укреплению России в Черноморском регионе и сохранению важнейшей военно-морской базы. Наличие позиций в Крыму, а не перевод ВМФ РФ в Новороссийск, который не мог заменить Крым и стать полноценной базой, расценивалось западными странами в качестве геополитического поражения. Кроме того, вхождение Крыма в состав России изменило роль Азовского моря, которое до этого было предметом неурегулированного российско-украинского спора.

Стремительное развитие событий, связанных с Крымом, предопределило последующие шаги Запада в отношении России, а также подтолкнуло официальный Киев к началу силовой акции в отношении юго-восточных регионов.

В последние годы роль Крыма, особенно в условиях возросшей конфронтации с Западом и после строительства моста через Керченский пролив, еще больше возросла. Крым выступает в качестве форпоста российской политики в Черноморском регионе. После 2022 г., когда в Черноморье фактически стали «соприкасаться» Россия и страны, являющиеся членами НАТО, значение Крыма еще больше возросло. Наличие у России мощного ВМФ, позволяет сдерживать устремления Запада в Черноморье.

Российско-турецкие отношения: между сотрудничеством и конкуренцией

На фоне конфронтационной ситуации, которая возникла между Россией и Западом, особое место в Черноморском регионе — с точки зрения его развития, стабильности и безопасности — играют российско-турецкие отношения. В 2014 г., когда на Украине произошел государственный переворот, Турция

поддержала новые украинские власти. Анкара оказывала политическую и экономическую поддержку Киеву, фактически поощряя антироссийский курс. Подобный курс Турция реализовывала на фоне тесного торгово-экономического и энергетического взаимодействия с Россией.

После начала Россией специальной военной операции, которая началась в феврале 2022 г., Турция не изменила внешнеполитический курс в отношении Украины. По-прежнему Киев получает политическую и экономическую поддержку со стороны Анкары, которая продолжает поддерживать украинское руководство. При этом Турция, постоянно заявляя о необходимости прекращения конфликта на территории Украины, в то же время однозначно поддерживала официальный Киев. В середине 2023 г. такая поддержка приобрела четкую направленность. В ходе переговоров летом 2023 г. с президентом Турции Р. Эрдоганом обсуждались вопросы взаимодействия в сфере высоких технологий. В развитие этой темы был подписан меморандум о взаимопонимании в сфере стратегических отраслей промышленности. Речь шла «о сотрудничестве в сфере производства беспилотных летательных аппаратов и других секторах промышленности»¹. В ходе встречи турецкая сторона фактически поддержала позицию Украины, которая стремится в НАТО. Таким образом, «единственным отличием Турции в украинском конфликте от других стран НАТО является лишь неучастие в антироссийских экономических санкциях»².

Россия и Турция конкурируют между собой за геополитическое влияние, продвижение своих энергетических позиций в Причерноморье. Вместе с тем между ними сохраняется тесное энергетическое взаимодействие. В частности, осуществляются поставки углеводородных ресурсов из России в Турцию, которая затем экспортирует газ на европейский рынок. В 2022 г. Россия поставила в Турцию по газопроводам «Турецкий поток» и «Голубой поток» 21,5 млрд м³. В 2023 г. объемы поставок снизились. Тем не менее в последние годы энергетическое сотрудничество играет значимую роль в двусторонних отношениях.

Несмотря на периоды охлаждения и даже обострения отношений между двумя странами, в целом они играют стабилизирующую роль для всего Черноморского региона. Отношения двух государств базируются на торгово-экономических отношениях, которые продолжают развиваться.

После обострения отношений между Россией и Западом Турция активизировала свою политику в Черноморье. Ее внешнеполитическая деятельность вновь, как и тридцать лет назад, направлена на укрепление своих позиций в регионе. Претензии Турции на доминирование в Черноморском регионе опираются, прежде всего, на экономические возможности.

¹ Македонцев П. Закономерный финал: крах «посредничества» Турции и новая реальность для Москвы. 11 июля 2023 г. URL: <https://eodaily.com/ru/news/2023/07/11/zakonomernyy-final-krah-posrednichestva-turcii-i-novaya-realnost-dlya-moskvy> (дата обращения: 11.07.2023).

² Там же.

Разработка углеводородного потенциала: новая ситуация

В последние годы произошли серьезные изменения в политике черноморских государств в энергетической сфере. Рывок в этом вопросе пытаются сделать Турция и Румыния, которые намерены достичь энергетической независимости [Высоцкий 2023].

Лидером в гонке к энергетической независимости выступает Турция, которая проводила поиск месторождений нефти на шельфе Черного моря. Так, в 2008 г. государственное предприятие ТРАО подписало соглашение с американской корпорацией ExxonMobil о разведке источников нефти в Черном море³ и с бразильской компанией Petrobras в 2009 г. Турецкая компания и две иностранные компании в 2010 г. объединили свои усилия в разведке нефти на черноморском шельфе⁴. Значительным успехом в разведке источников природного газа в Черном море для Турции стало открытие в августе 2020 г. буровым судном «Фатих» месторождения «Сакарья». Расположенное в 150 км к северу от провинции Сакарья, по имени которой месторождение и было названо, залегающее на глубине более 2 тыс. метров, месторождение имеет до 540 млрд м³ природного газа общей стоимостью в 400 млрд долл. США. Подобные запасы могут обеспечивать спрос турецких домохозяйств на протяжении 30 лет, покрывая около 25–30 % всех газовых потребностей страны⁵.

Заявленные объемы природного газа потенциально могут быть частью более обширного газового резервуара — до 800 млрд м³. Уверенность у турецкого руководства в открытии дополнительных месторождений природного газа в юго-западной и западной части черноморской акватории возникла вследствие того, что в относительной близости от «Сакарьи» находится целый ряд румынских месторождений общим объемом около 200 млрд м³.

В итоге были установлены месторождения, которые позволили увеличить прогнозные оценки запасов газа. В 2022 г. президент Турции заявил, что «общие запасы наших месторождений газа вместе с новой скважиной увеличились на 170 млрд м³ до 710 млрд м³. Они оцениваются в 1 трлн долл.»⁶. Однако к 2024 г. прорыва в добыче углеводородных ресурсов так и не произошло, и по всей видимости, в ближайшие годы этого не случится.

Тем не менее Анкара видит себя в качестве «газового хаба», пытаясь замкнуть на себе поставки газа из России, Азербайджана. Активно идут переговоры об экспорте туркменского газа в Турцию. Помимо этого, турецкая сторона проводит работу по разведке собственных газовых месторождений.

³ ExxonMobil Enters Black Sea with Exploration Agreement in Turkey // ExxonMobil Corporation. URL: <https://vk.cc/cw0fCQ> (accessed: 05.04.2024).

⁴ Turkey Discovers Large Natural Gas Reserve In Black Sea. Here's Why That Matters // Forbes. URL: <https://vk.cc/cvU8JM> (accessed: 03.04.2024).

⁵ Сакарья месторождение Sakarya // Нефтегаз.ру. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/635712-sakariya-mestorozhdenie-sakarya/> (дата обращения: 03.04.2024).

⁶ Прокофьев В. Эрдоган сообщил об обнаружении в Черном море нового месторождения газа. 26 декабря 2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16692867?ysclid=lkbj201qbu262720720> (дата обращения: 14.03.2023).

Идея превращения Турции в «газовый хаб», обеспечивавший транзит российского газа, была предложена президентом России В.В. Путиным 12 октября 2022 года⁷. Идея заключается в перенаправлении дополнительных объемов российского газа в сторону Турции, что должно компенсировать утраченные объемы газового экспорта в Европу в связи с уничтожением «Северного потока». В свою очередь Турция также заинтересована занять доминирующие позиции в газовом экспорте в Европу. Это может не только «стать очень сильным рычагом влияния на страны ЕС и источником прибыли на перепродаже российского газа»⁸, но и «возвысить место Турции на международном газовом рынке и на мировой арене в целом»⁹.

Турецкий «газовый хаб» в обозримом будущем может стать эффективным газораспределительным центром, главным образом для трубопроводных поставок газа в Южную и Центральную Европу. Потенциальными поставщиками газа для турецкого хаба, помимо России, могут быть «Азербайджан, Иран и Туркменистан, а в части сжиженного природного газа (СПГ) также Алжир, Катар»¹⁰.

Однако пока остается много вопросов, связанных с конкретным наполнением идеи создания «газового хаба». Конкретных решений и предложений по поставкам дополнительных объемов российского газа в Турцию на сегодняшний день нет¹¹. Тем не менее «дефицит собственных энергоресурсов и высокая степень зависимости от импортных энергоносителей, угрожающие энергетической безопасности в любых непредвиденных кризисных ситуациях — от пандемии до войны, обуславливают активную энергетическую политику Турции в Черном море»¹².

Новые возможности с добычей могут скорректировать позицию Турции на переговорах с Россией по новому договору, связанных с поставками газа. В 2025 г. должно закончиться действие соглашения между странами, подписанного в 1997 году¹³. Турция может потребовать от России более льготных условий, поскольку получает определенные объемы газа из Азербайджана, был построен

⁷ Путин: Россия готова перенаправить объемы с «Северных потоков» через Турцию в Европу // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16029249> (дата обращения: 03.04.2024).

⁸ Russian gas hub in Turkey, a profitable reality // New Eastern Outlook. URL: <https://journal-neo.su/2023/03/17/russian-gas-hub-in-turkey-a-profitable-reality/> (accessed: 06.04.2024).

⁹ Exclusive: Disagreements delay Russian gas hub plans in Turkey // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/disagreements-delay-russian-gas-hub-plans-turkey-sources-2023-09-14/> (accessed: 05.04.2024).

¹⁰ Russian gas hub in Turkey, a profitable reality // New Eastern Outlook. URL: <https://journal-neo.su/2023/03/17/russian-gas-hub-in-turkey-a-profitable-reality/> (accessed: 06.04.2024).

¹¹ Россия хочет создать газовый хаб в Турции: возможно ли это // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/479709-rossia-hocet-sozdat-gazovyj-hab-v-turcii-vozmozno-li-eto> (дата обращения: 05.04.2024).

¹² Turkey's energy strategy as a means of boosting security and shifting the balance of power // New Eastern Outlook. URL: <https://journal-neo.su/2023/01/11/turkey-s-energy-strategy-as-a-means-of-boosting-security-and-shifting-the-balance-of-power/> (accessed: 05.04.2024).

¹³ Россия договорилась с Турцией по газу до 2025 г. // Московский Комсомолец. URL: <https://www.bfm.ru/news/166040> (дата обращения: 03.04.2024).

газопровод «Турецкий поток», а кроме того, нарастает добыча на черноморских месторождениях и увеличиваются поставки СП, которые уже составляют 32 % от ее валового газового импорта¹⁴.

Не менее амбициозные планы строит Румыния. Еще в 2018 г. в Румынии был принят закон, который облагал «налогом бурение на шельфе и предписывал половину добытого отправлять на внутренний рынок. Румынские власти рассчитывали получить от этого до 20 млрд долл. в ближайшие 20 лет»¹⁵. Однако румынский президент не утвердил закон.

В целом заявления румынской стороны о перспективах добычи были больше политическими. Своих возможностей разрабатывать шельф у Румынии не было, а низкие запасы газа и высокая стоимость снижали интерес со стороны иностранных инвесторов действовать на месторождениях в румынской части Черного моря. Подтверждением сложившейся ситуации служил выход «в начале 2020 г. «компания ExxonMobil из проекта по добыче природного газа в Черном море на блоке „Neptun Deep“, который считался перспективным»¹⁶. Хотя к этому времени «„ExxonMobil“ уже вложила в геолого-разведочные работы на румынском шельфе Черного моря 750 млн долл. США. Однако желание уйти настолько велико, что американцы оценили свою долю участия в 250 млн долл. США. Румынии придется начинать все сначала, при том, что для обустройства газового промысла и начала добычи газа потребуется еще около 3 млрд долл. США»¹⁷.

В 2022 г. Румыния вновь вернулась к рассмотрению «офшорного закона», который регламентирует добычу природного газа на шельфе Черного моря. Документ определяет порядок разведки и добычи месторождений нефти и газа на суше и в море. В Румынии считали, что принятие закона «даст Румынии шанс стать региональным лидером в области поставок энергоносителей»¹⁸.

В 2022 г. Румыния приступила к разработке месторождения, расположенного на шельфе Черного моря. Нефтегазовая компания Black Sea Oil & Gas (BSOG), контролируемая американской инвестиционной компанией Carlyle, в июне 2022 г. объявила о начале коммерческой добычи газа в Черном море и о первых поставках газа в румынскую газовую сеть. «Это первая новая морская газовая разработка в Румынии за более чем 30 лет и единственный проект,

¹⁴ Газовая промышленность Турции // ЦДУ ТЭК. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/15/1006/ (дата обращения: 03.04.2024).

¹⁵ Business Times: в румынском шельфе разглядели конец российской монополии. 2018. 19 ноября. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-11-19/Business-Times-v-ruminskom-shelfe?ysclid=lkphjflc5q245818209> (accessed: 18.03.2024).

¹⁶ Алифинова Е., Бахтина О. На фоне политического кризиса Румыния ищет возможности для роста добычи газа, в том числе на шельфе Черного моря. 2020. 19 февраля. URL: <https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/525655-na-fone-politicheskogo-krizisa-rumyniya-ishchet-vozmozhnosti-dlya-rosta-dobychi-gaza-v-t-ch-na-shelf/?ysclid=lkphxkd0u4333601034> (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ В Румынии делят доходы от еще не добытого газа на шельфе Черного моря. 2022. 30 апреля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14526031?ysclid=lkphxrni7b811363306> (дата обращения: 18.03.2024).

разрабатываемый в настоящее время»¹⁹. Добыча ведется на месторождениях «Ана» и «Дойна». Они должны выйти на уровень добычи в 1 млрд м³. Запасы месторождений «составляют 10 млрд м³ газа». Подводный трубопровод будет транспортировать газ на перерабатывающую станцию в Корбу, уезд Констанца. Добычу планируется начать в 2026 г.

В 2023 г. в Румынии заявили об открытии «новых месторождений нефти на суши»²⁰. В перспективе они могут сыграть свою роль в обеспечении энергетической безопасности. Однако говорить о значительном увеличении влияния Румынии в расстановке сил в Черноморском регионе в сфере добычи нефти и газа не приходится. Пока это в большей мере декларации, не подтвержденные реальными возможностями.

Отдельно следует остановиться на Украине. После вхождения Крыма в состав России Киев практически утратил возможности осуществлять добычу на шельфе Черного моря. В 2019 г. Украина пыталась привлечь к добыче газа Норвегию, но стороны не достигли соглашения. Затем, в 2020 г., Киев привлекал американские компании. Однако они также не проявили интереса, несмотря на призывы президента Украины. Как отмечал глава компании «Нафтогаз» Андрей Коболев, «высокие риски мешают иностранным компаниям участвовать в проектах по добыче газа на черноморском шельфе Украины»²¹.

Украина попыталась разрабатывать месторождения самостоятельно, без участия зарубежных компаний. В 2020 г. компания «Нафтогаз Украины» получила право на геологоразведку и добычу нефти и газа на шельфе Черного моря. Ожидалось, что «в перспективе «Нафтогаз» получит возможность добывать до 10 млрд кубометров газа в год»²². Ожидалось, что успешная добыча позволит привлечь несколько миллиардов долларов в экономику страны. В ноябре 2021 г. правительство Украины и Энергетический холдинг EP Holding «подписали 2 соглашения о распределении углеводородной продукции на Грунивском и Ахтырском участках»²³. Считалось, что на шельфах Черного и Азовского морей (до 2022 г.) Украина может добыть 8–10 млрд³ газа в год. Была разработана программа развития шельфов, согласно которой выход на упомянутый показатель добычи станет возможным через 4–5 лет после ее старта. В итоге на Украине рассчитывали, что

¹⁹ Свинцова Е. Румынская Black Sea Oil & Gas поставила в ГТС страны первый газ с Черного моря. 2022. 17 июня. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/741044-rumynskaya-black-sea-oil-gas-postavila-v-gts-strany-pervyy-gaz-s-chernogo-morya/?ysclid=lkp7yd404r617626385> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁰ OMV Petrom открыла новые нефтяные месторождения на юге Румынии. 2023. 13 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/914012> (дата обращения: 14.03.2023).

²¹ «Нафтогаз» заявил, что проекты Украины на шельфе не интересны иностранцам из-за риска. 27 ноября 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10116099?ysclid=lybnnaw5er965457407> (дата обращения: 18.03.2024).

²² Украина будет добывать газ в Черном море. 2020. 25 ноября. URL: https://ngv.ru/news/ukraina_budet_dobyyvat_gaz_v_chernom_more/?ysclid=lknu9wawyil88512117 (дата обращения: 14.03.2023).

²³ Там же.

«к 2025 г. удастся удовлетворять потребности в газе за счет добычи собственных ресурсов»²⁴.

Планы Украины по добыче углеводородных ресурсов скорректировала специальная военная операция (СВО), которую стала проводить Россия. Если до февраля 2022 г. существовали практически ничем не подкрепленные ожидания, что Украина сможет нарастить добычу газа, то в последующие годы планы добычи уже не обсуждались.

Остальные причерноморские страны не проявляют активности в вопросах добычи газа. Например, Россия в основном проводила разведочное бурение [Жильцов 2019]. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. площадь черноморского шельфа увеличилась. Россия стала обладать Одесским и Безымянным месторождениями. В целом около полуострова были открыты «восемь газовых и газоконденсатных месторождений, а также обнаружили немалое количество высокоперспективных структур. При этом точных данных о запасах нефти и газа не было»²⁵. В последние годы на шельфе около Крыма добывалось около 1,5 млрд м³ газа. Планируется, что будет добываться до 1,7 млрд м³ в 2025 г. и до 2 млрд м³ к 2035 г.

Болгария и Грузия не продвинулись в разработке углеводородных ресурсов, хотя болгарская часть моря была поделена иностранными инвесторами еще в середине 1980-х гг. В июле 2010 г. «британская компания Melrose Resources обнаружила на черноморском шельфе Болгарии 3 месторождения газа: Kaliakra, Kavarna и Karvana East, запасы которых оцениваются в 2,3 млрд м³ (в том числе Kaliakra — 1,4 млрд м³)»²⁶. Затем, в 2016 г. компания «Total обнаружила нефтяное месторождение Khan Asparuh (Хан Аспарух) на болгарском шельфе Черного моря»²⁷.

В том же году «Болгария заключила договор с британско-нидерландской нефтегазовой компанией Shell на разведку нефти и газа в блоке „Силистар“ на болгарском шельфе Черного моря. Договор был заключен сроком на пять лет с возможностью продления два раза на двухлетний период. В разведку болгарского месторождения Shell намерена была вложить 18,6 млн евро»²⁸. Однако

²⁴ Заквасин А., Онищук Е., Комарова Е. «Иссякающие объемы»: как Украина планирует нарастить добычу газа. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/838974-kiev-gaz-dobycha-otkaz-im-port?ysclid=1kntsnqks9571149414> (дата обращения: 14.03.2023).

²⁵ Ресурсы крымского шельфа: что скрывает Черное море. 2014, 25 марта. URL: <https://novostienergetiki.ru/resursy-krymskogo-shelfa-cto-skryvaet-chernoe-more/?ysclid=110gcafpdm390909447> (дата обращения: 23.04.2023).

²⁶ Газовая промышленность Болгарии. 2021, 3 мая. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/888/?ysclid=1113paeowu647671654 (дата обращения: 14.03.2023).

²⁷ Total вынужденно объявила об обнаружении нефти на блоке Хан Аспарух на шельфе Болгарии. 2016, 1 ноября. URL: <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/215362-total-vynuzhdenno-obyavila-ob-obnaruzhenii-nefti-na-bloke-khan-asparukh-na-shelfe-bolgarii/?ysclid=1113ujqb27411534833> (accessed: 14.03.2023).

²⁸ Болгария начинает разведку нефти и газа на черноморском шельфе. 2016, 14 сентября. URL: https://ngv.ru/news/bolgariya_nachinaet_razvedku_nefti_i_gaza_na_chernomorskom_shelfe/?ysclid=1116jmbpdw321080192 (дата обращения: 14.03.2023).

спустя три года «разведочное бурение в блоке „Силистар“ на болгарском шельфе Черного моря, которое осуществляет международный консорциум во главе с британско-нидерландской компанией Shell, не показало результатов, применимых в коммерческих целях»²⁹.

Грузия также заинтересована в разработке месторождений. Однако пока успехи более чем скромные. В последние годы в Грузии добывается 100 тыс. т в год. Между тем в планах — добывать до 20–30 млн т нефти в год.

В 2021 г. австрийская нефтегазовая компания «OMV Petrom» подписала соглашение на разведку и добычу нефти на черноморском шельфе Грузии. Компания должна провести двух- и трехмерную сейсморазведку, а затем начать бурение. Однако каких-либо успехов грузинская сторона не достигла в вопросах разведки и добычи углеводородных ресурсов на шельфе Черного моря.

Таким образом, причерноморские страны рассчитывали нарастить объемы добычи нефти и газа. Однако технические и технологические сложности не давали оснований для оптимистических прогнозов.

В последние годы, в связи с возобновлением разведочных работ и первыми данными о наличии потенциальных запасов, политика причерноморских стран стала более активной. Расчет на получение определенных объемов нефти и газа настраивает причерноморские страны на укрепление своих позиций в Черноморском регионе.

Украинский фактор

После февраля 2022 г., когда Россия была вынуждена начать проведение специальной военной операции, ситуация в Черноморском регионе еще больше обострилась. Началось постепенное изменение границ украинского государства. В конфликте между двумя причерноморскими государствами Киев поддерживают западные страны, поставляя Украине вооружения и предоставляя финансовую помощь.

В регионе формируется новый «клубок» проблем, часть которых пока не получила своего разрешения. Прежде всего, складывается новая расстановка сил. Этот процесс не завершен, поскольку конфликт на Украине оставляет открытым вопрос о будущей конфигурации украинского государства — какую территорию оно будет занимать.

Тем не менее уже есть промежуточные итоги конфликта. Они касаются статуса Азовского моря. Еще в период, когда Россия и Украина сотрудничали, велись переговоры относительно использования Керченского пролива и Азовского моря. Помимо экономических факторов большое влияние оказывали политические устремления. Совместное использование Азовского моря и Керченского пролива позволяло России контролировать передвижение судов третьих стран.

²⁹ Shell не нашла нефти и газа на черноморском шельфе Болгарии. 19 июля 2019. URL: <https://chem.ru/neftgaz/24567-shell-ne-nashla-nefti-i-gaza-na-chernomorskom-shelfe-bolgarii.html?ysclid=ll16mplyt1716733788> (дата обращения: 14.03.2023).

Данный вопрос приобрел особое значение в свете стремления Украины к членству в НАТО.

После вхождения Крыма в состав России геополитическая ситуация в Черноморском регионе стала меняться, а вместе с ней и правовой статус Азовского моря и Керченского пролива. Тем более, что и Украина стала проводить политику, направленную на то, чтобы зафиксировать новые правовые реалии. Так, 24 февраля 2023 г. Верховная Рада денонсировала Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24 декабря 2003 г., а также украинские депутаты проголосовали за выход из Соглашения о создании Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR). Соглашение было подписано в Стамбуле 2 апреля 2001 г. Болгарией, Грузией, Румынией, Россией, Турцией и Украиной.

В свою очередь, Россия учла шаги Киева в своей политике. 24 мая 2023 г. Президент РФ В.В. Путин внес в Госдуму законопроект о денонсации договора между Россией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. Тем более, что после «вхождения 30 сентября 2022 г. Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей в состав РФ Азовское море фактически стало внутренними водами России»³⁰. В итоге Украина утратила статус прибрежного государства в отношении этих акваторий, возникла необходимость прекращения Договора между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива³¹. Президент РФ Владимир Путин подписал закон о денонсации Россией договора с Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива³².

Политика внерегиональных государств

Повышенное внимание к региону проявляют внерегиональные государства, для которых обострение отношений России с Западом открывает новые возможности для усиления своих позиций. В частности, повышенный интерес к Черноморью проявляют США, ЕС, Китай. Эти внерегиональные акторы рассматривают Черноморский регион в качестве приоритета своей внешней политики.

Политика внерегиональных государств в Черноморском регионе претерпела кардинальные изменения. По сравнению с другими регионами — Каспийским

³⁰ Что известно о статусе Азовского моря и Керченского пролива. 1 июня 2023. URL: <https://tass.ru/info/17898873?ysclid=lycofjz3je296844867> (дата обращения: 11.03.2024).

³¹ Подписан закон о денонсации Договора между Россией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. 13 июня 2023. <http://www.kremlin.ru/acts/news/71354> (дата обращения: 19.03.2024).

³² Путин утвердил денонсацию договора с Украиной об Азовском море и Керченском проливе. 13 июня 2023. URL: <https://tass.ru/politika/17995123?ysclid=lycphyprk4850950853> (дата обращения: 17 января 2024).

и Центрально-Азиатским, где Запад постепенно трансформировал свою политику под новые геополитические условия, в Черноморском регионе ситуация развивается стремительно.

В предыдущие десятилетия для этого были созданы все условия. Прежде всего, активный политический курс проводили США, которые настаивали на постоянном присутствии в Черном море американских военно-морских сил. Хотя эта идея противоречит положениям конвенции Монтрё, тем не менее США активно продвигали идею свободного судоходства через черноморские проливы и длительного нахождения в Черном море [Ишин 2016: 39].

Подобные интенции отражали стратегические устремления США, которые в рамках формирования «монополярного мира» были намерены взять под контроль важный для России и Турции район мира. При этом следует отметить, что Турция не поддерживала подход США, справедливо полагая, что это нанесет ущерб ее национальным интересам и поставит под угрозу возможность доминирования в Черноморском регионе.

Последовательный курс на расширение своего влияния в Черноморском регионе реализовывал ЕС. Новые возможности для Брюсселя открылись с принятием в 2007 г. в члены ЕС Румынии и Болгарии. В результате через эти причерноморские государства ЕС вышел на берега Черного моря. В том же году Брюссель предложил инициативу «Черноморская синергия», которая ставила амбициозную цель по превращению Черного моря во внутреннее море ЕС. Подобные устремления привели к росту напряженности в регионе.

Интерес к Черноморскому региону со стороны внерегиональных государств объясняется долгосрочными интересами. Среди них: рынки сбыта в причерноморских странах, формирование новых энергетических и транспортных потоков.

После начала специальной военной операции ключевое значение для США и ЕС приобрели вопросы военного характера, связанные с усилением присутствия в Черном море и использования Черноморского региона для оказания давления на Россию. Для России большое значение представляют вопросы, связанные с попытками США и ЕС усилить свое военное и политическое влияние в Черноморском регионе.

Турция обходит черноморские проливы

По-новому может развиваться геополитическая ситуация в регионе в случае завершения Турцией проекта по строительству нового канала, который не будет попадать под международно-правовой режим регулирования Черноморских проливов.

Черноморские проливы — Босфор и Дарданеллы соединяют Средиземное море с Черным морем. Они представляют собой одну из сложных проблем, которая на протяжении длительного времени находится в фокусе внимания причерноморских стран и внерегиональных государств. Проливы контролируются одним причерноморским государством — Турцией. Соответственно, она «выступает в роли „стража проливов“ и гарантом соблюдения того или иного

режима прохода через них иностранных судов» [Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) 1999]. Усилия Турции установить в одностороннем порядке контроль над проливами не увенчались успехом. Однако турецкая сторона не отказалась от этой идеи. В частности, президент Турции предложил построить альтернативный канал, который проходил бы через турецкую территорию. Идея турецкого президента заключается в том, чтобы новый судоходный канал регулировался национальным законодательством и не подпадал под Конвенцию Монтрё. В апреле 2021 г. «власти Турции объявили о начале строительства канала «Стамбул» — новой водной артерии протяженностью 51 км. Согласно планам турецкого правительства, канал соединит Мраморное и Черное моря, пройдет в 100 км к западу от Стамбула и превратит европейскую часть города в остров»³³. «В качестве аргумента, почему необходимо строить канал, турецкие власти указывают, что в этом случае можно будет разгрузить Босфор — один из самых загруженных в мире морских путей, через который каждый год проходит 53 тыс. судов. Канал «Стамбул» станет международным морским путем, который улучшит логистические возможности и инфраструктуру Турции. Морское сообщение через новый стамбульский канал не будет подпадать под действие конвенции Монтрё, которая регулирует проход кораблей через турецкие проливы»³⁴.

Одним из инструментов, который Турция пыталась применить, выступала экологическая повестка. Речь шла о том, чтобы «использовать экологическую проблематику для того, чтобы ужесточить систему прохода через проливы» [Гудев 2018]. Однако этот подход также не получил практического воплощения, поскольку Россия выступала и выступает против ограничения прохода через проливы. В итоге турецкая сторона придерживается линии на строительство канала, роль которого после обострения геополитической ситуации в Черноморском регионе возросла.

После введения канала в строй следует ожидать усиления давления на Анкару со стороны США, которые будут настаивать на предоставлении им права прохода тех судов, которые попадают под конвенцию. Между тем Турция может предоставить права прохода в Черное море через новый канал крупнотоннажным судам внерегиональных государств. В первую очередь это касается США.

Заключение

В Черноморском регионе сталкиваются интересы причерноморских стран: Украины, Румынии, Болгарии, Турции, Грузии и Российской Федерации. Кроме того, обострились отношения с внерегиональными государствами, которые пытаются установить доминирующее влияние на Черном море и продвигают свою повестку. При наличии большого числа

³³ Беляев Д. Турция построит дублер Босфора. 2021. 6 апреля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11079293?ysclid=liu5cx57qe374157751> (дата обращения: 12.01.2023).

³⁴ Там же.

региональных проблем ситуация в Черноморье имеет все шансы еще больше обостриться.

Постепенно Черноморский регион из новой юго-восточной границы Европы превращается в арену противостояния НАТО и России. Болгария и Румыния проводят внешнеполитический курс, который опирается на стратегию ЕС и НАТО. При этом на позицию причерноморских государств по-прежнему влияние оказывают США, которые рассчитывают усилить свое присутствие в Черноморском регионе.

Ключевую роль в регионе играет геополитическая ось Турция — Россия. Отношения двух государств оказывают стабилизирующее влияние на геополитическую ситуацию в Черноморье, несмотря на наличие определенных противоречий.

Российская политика реализуется в условиях нарастания давления со стороны Запада, который инициировал разделительные линии в Черноморском регионе. Это создает предпосылки для последующего обострения военно-политической ситуации в Черноморье. Соответственно, противостояние Запада и России в Черноморском регионе ведет к негативным последствиям, сводя к нулю интеграционный потенциал региона.

Поступила в редакцию / Received: 05.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Высоцкий П.А.* Энергетический потенциал Черноморского региона: проблемы и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 2. С. 160–172. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-160-172>
- Гудев П.А.* Азово-Черноморский регион: новые политико-правовые реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 87–98.
- Жильцов С.С.* Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 2. С. 149–164.
- Жильцов С.С., Зонн И.С.* Черноморский регион: новые очертания. М.: МГОУ, 2010.
- Ишин А.В.* О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1. С. 38–46.
- Меренков Д.А.* Крымско-татарский фактор в Крыму: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4. № 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-73-79>
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. М.: Международные отношения, 1999.

References

- Gudev, P.A. (2018). Azov-Black Sea region: New political and legal realities. *World economy and international relations*, 62(11), 87–98. (In Russian).
- Ishin, A.V. (2016). On the geopolitical situation in the Black Sea region: The Crimean outlook. *Post-Soviet Issues*.1, 38–46. (In Russian).

- Merenkov, D.A. (2017). Crimean Tatar Factor in Crimea: the Current State and Prospects. *Post-Soviet Issues*, 4(1), 73–79. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-73-79> (In Russian).
- Nezhinsky, L.N., & Ignatiev, A.V. (Eds.) (1999). *Russia and the Black Sea Straits (XVIII–XX Centuries)*. Moscow: International Relations.
- Vysotsky, P.A. (2023). The energy potential of the Black Sea Region: The problems and prospects. *Post-Soviet Issues*, 10(2), 160–172. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-160-172> (In Russian).
- Zhiltsov, S.S. (2019). Russia's policy in the Black Sea region: Results and new challenges. *Post-Soviet Issues*, 6(2), 149–164. (In Russian).
- Zhiltsov, S.S., & Zonn, I.S. (2010). *The Black Sea Region: New Outlines*. Moscow: Moscow State University of Economics. (In Russian).

Сведения об авторе:

Высоцкий Павел Андреевич — кандидат философских наук, научный сотрудник, АНО «Центр региональных исследований» (e-mail: pvysotsckij@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-6603-9124)

About the author:

Pavel A. Vysotsky — PhD in Philosophy, Research Fellow, Center for Regional Studies (e-mail: pvysotsckij@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-6603-9124)

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-584-588
EDN: AHSFVZ

Рецензия / Book review

«От Родины до Голубой Родины»: рецензия на книгу Gürdeniz C. Anavatandan Mavi Vatan’a. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 2021. 463 s.

В.А. Аватков , Л.Д. Мишин

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва,
Российская Федерация*

✉ v.avatkov@gmail.com

Для цитирования: Аватков В.А., Мишин Л.Д. «От Родины до Голубой Родины»: рецензия на книгу Gürdeniz C. Anavatandan Mavi Vatan’a. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 2021. 463 s. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 584–588. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-584-588>

“From the Motherland to the Blue Motherland”: A Book Review by Gürdeniz C. (2021). Anavatandan Mavi Vatan’a. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 463 p.

Vladimir A. Avatkov , Lev D. Mishin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ v.avatkov@gmail.com

For citation: Avatkov, V.A., & Mishin, L.D. (2024). “From the Motherland to the Blue Motherland”: A book review by Gürdeniz C. (2021). Anavatandan Mavi Vatan’a. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 463 p. *RUDN Journal of Political Science*, 26(3), 584–588. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-584-588>

© Аватков В.А., Мишин Л.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Книга «От Родины до Голубой Родины» (тур. *Anavatandan Mavi Vatan'a*) [Gürdeniz 2021] турецкого адмирала ВМС в отставке Джема Гюрдениза посвящена его взгляду на разработанную и сформулированную им еще в 2006 г. концепцию «Голубой Родины». Книга содержит в себе анализ и личный взгляд автора на целый ряд исторических событий, связанных с Турцией. В общем смысле издание является сборником мыслей и взглядов Д. Гюрдениза на исторические события, а также на актуальные проблемы внешней политики Турции. Следует отметить, что доктрина «Голубой Родины» на современном этапе активно имплементируется турецкими властями, что добавляет актуальности работе Д. Гюрдениза [Аватков, Мишин 2024: 7]. Нельзя не отметить, что разработанная автором рассматриваемой книги доктрина «Голубая Родина» дополнила амбициозный план президента Р.Т. Эрдогана «Век Турции», посвященный столетию Турецкой Республики [Крылов, Сбитнева 2024: 134].

Книга не имеет привычного деления на главы, а, по сути, состоит из разделов, не связанных между собой. В связи с этим существует определенная сложность структуризации, а также отслеживания стройности и последовательности мыслей автора. В этих условиях, для удобства читателя, в ходе рецензии будут использоваться прямые ссылки на именные разделы (главы).

С первого раздела Д. Гюрдениз отмечает, что с распадом монополярной системы международных отношений мир кардинально изменился. Особой трансформации подвергся регион Западной Азии, в которой главным трендом становятся укрепляющиеся отношения Турции и России, а также Турции и Ирана. Им отмечается, что произошедшие после 2016 г. события (попытка военного переворота в Турции, Сирийский кризис и активное взаимодействие по линии Москва—Анкара) положили начало новой «Азиатской эпохе». По его мнению, сближение России и Турции происходит не потому, что правительства двух стран этого так хотят, а потому, что это необходимо для выживания двух государств в условиях новой геополитической реальности.

В разделе под названием «Наша безопасность в Голубой Родине. Возвращение Республики» автор приводит исторические примеры необходимости флота для турецкого государства. По его мнению, отсутствие контроля Турции над островами в Эгейском море приведет к катастрофе, поставит Турцию в еще большую зависимость от поставок энергоносителей из России, а также даст повод Греции продолжать недружественную политику против Анкары.

В разделе «Различия стратегического и тактического ядерного вооружения» автор выделяет причину возросшей за последние десятилетия ядерной напряженности. По его мнению, активные действия США в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, а также приближение НАТО к границам России вынудило последнюю перейти от теории к практике в вопросах разработки новых систем доставки ядерного вооружения. Первым сигналом для старта нового витка ядерной напряженности стало размещение Россией в Южной Осетии в 2008 г. ядерных боеголовок средней дальности СС-21 (в российской классификации «Точка»). Вместе с тем определенным сигналом послужило и изменение ядерной доктрины РФ, в которой отныне была зафиксирована возможность использования

ядерного оружия в условиях экзистенциальной угрозы стране. Эти меры поспособствовали временной приостановке активных действий НАТО в регионе.

В разделе «Новая геополитическая фаза в Восточном Средиземноморье» Д. Гюрдениз дает общую оценку американо-турецким отношениям, подчеркивая, что они находятся в крайне сложном периоде. Одной из причин этого являлась политика США по ведению прокси-войн вблизи границ Турции. Также автором отмечено, что в Турции не забыли определенный вклад США в попытку переворота 15 июля 2016 г. В этой же главе отмечается непревзойденная важность Восточного Средиземноморья для Турции, так как здесь пересекаются интересы ключевых региональных и глобальных держав мира: Израиля, США, Турции, России и Китая. Но ключевым вопросом для турецкого государства становится недопущение создания независимого курдского государства.

В разделе «Напрасная провокация Турции Грецией» автор дает оценку турецко-греческим отношениям. По его мнению, после Турецкой войны за независимость М. Ататюрк своим авторитетом положил начало доброму сосуществованию двух народов. Тем не менее после конца Второй мировой войны, а именно с началом гражданской войны в Греции, вопрос Кипра внес серьезный раскол в двусторонние отношения. По мнению Д. Гюрдениза, этому поспособствовали активные действия Великобритании, которая стремилась приостановить неизбежную деколонизацию своей империи. Последствием этого стала Кипрская война, положившая начало целой плеяде конфликтов между Турцией и Грецией. На современном же этапе, по мнению автора, Греция продолжает выстраивать антитурецкую внешнюю политику, создавая ситуативные союзы с Израилем и Египтом.

В одной из важнейших частей работы — «Морефикация» Д. Гюрдениз высказывает свое мнение о значимой роли морей в геополитической жизни Турции. По его мнению, сама география и история Турции подталкивают ее к морю. В пример этому он пишет, что «сила моря» турецкого народа накапливалась в нем на протяжении веков: начиная с хеттов, заканчивая османами. Тем не менее автор отдельно останавливается на выражении разочарованности действиями, предпринимаемыми последние 20 лет правящей партией Турции — Партией справедливости и развития. Среди главных ее ошибок в вопросе «морефикации» он называет преобразование Министерства транспорта и моря в Министерство транспорта. По его мнению, это не дало никаких дивидендов, а только привело к психоэмоциональному отрыву населения от идеи «морефикации». По мнению Д. Гюрдениза, в условиях активной борьбы за ресурсы вокруг Северного Кипра, Турции жизненно необходимо не просто заявить о себе как о мировой державе, но и стать ею.

В разделе «Океанский и морской фронт с 2018 по 2019 г.» автор связывает инцидент в Керченском проливе в 2018 г. с действиями Запада, называя украинцев «подопытными кроликами Запада». Этот пример Д. Гюрдениз привел с целью продемонстрировать схожесть споров Турции и Греции в Восточном Средиземноморье, в котором, по его мнению, Греция является проводником интересов Запада, и в частности США, которые делают все, чтобы не допустить усиление Турции в регионе и не позволить ей получить энергетическую независимость (речь идет о разведанных значительных запасах газа и нефти на шельфе Кипра).

В разделе «Последний подарок Республики Анатолии: военные учения Голубой Родины» Д. Гюрдениз перечисляет основные достижения Турции за последние годы, способные стать основой для встраивания Анкары в новый мир. Среди них он перечислил:

- действия Турции на Северном Кипре;
- статус-кво в Эгейском море;
- безопасность национальных интересов страны в акватории Черного моря;
- заложение 2-тонных корветов и продажа их Пакистану;
- турецкое присутствие в Индийском океане;
- высокое чувство чести среди турецких моряков;
- достойное сопротивление ВМФ заговору Гюлена;
- восточное Средиземноморье и учения «Голубая Родина».

В разделе «Второй Севр в Восточном Средиземноморье и возможная турецко-американская морская война» автор подчеркивает, что, несмотря на имеющиеся союзнические отношения с Соединенными Штатами Америки, сегодня очевидным становится прикрытая агрессия в адрес Турции со стороны «Атлантики», как автор называет страны Атлантического альянса. По его мнению, главной целью НАТО, и США в частности, является отрыв от Анкары всего Восточного Средиземноморья, чтобы не допустить возможности Турции самостоятельно обеспечивать себя энергоресурсами, которых в избытке в этом морском регионе.

Тем не менее, по мнению Д. Гюрдениза, — налицо парадокс: оторвать «Голубую Родину» (Восточное Средиземноморье) от Турции хотят те же силы, что состоят с ней в союзнических отношениях. Они не желают прямой конфронтации, но регулярно проводят недружественные Анкаре действия, среди которых морские учения с Грецией, антитурецкие отчеты по поводу вступления Анкары в ЕС, а также угрожающие выступления ряда «евроатлантистских лиц». Однако важнейшим из этих действий автор называет непрямую поддержку попытки военного переворота в 2016 г., акцентируя внимание на отказе от выдачи Ф. Гюлена, которого Турция считает главным организатором переворота.

На протяжении всей книги в разделах, так или иначе посвященных США и американо-турецким отношениям, прослеживается антизападная позиция автора, хотя и с оговоркой на жизненную необходимость сохранения Турции как члена НАТО. Что касается взгляда автора на Россию, то его трудно уличить в горячих симпатиях к Москве, однако необходимо констатировать, что Д. Гюрдениз относится к российско-турецким отношениям как к источнику больших возможностей в рамках будущего полицентричного мира, что в целом, с оговорками, соответствует российскому взгляду на российско-турецкое взаимодействие в новой системе международных отношений [Аватков 2018: 41].

Подводя итог, можно отметить своеобразный подход автора к анализу целого ряда исторических событий, в первую очередь касающихся истории Турции. Нельзя не выделить целый ряд мыслей, которые можно было бы назвать крайне совпадающими с мыслями государств Глобального Юга. Вместе с тем необходимо заметить, что книга была выпущена в 2021 г., еще до начала специальной

военной операции (СВО) и вызванных ею центробежных процессов в глобальном мироустройстве. В целом книга может быть рекомендована к прочтению специалистам-тюркологам, учитывая крайнюю западоцентричность турецких научных работ и незначительное количество работ с незападным взглядом на геополитику региона.

Поступила в редакцию / Received: 05.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2024

Библиографический список

- Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Научно-аналитический журнал *Обозреватель* — *Observer*. 2018. № 11 (346). С. 38–52.
- Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024. № 3 (7). С. 7–22. <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>.
- Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // *Пути к миру и безопасности*. 2024. № 1 (66). С. 134–149. <http://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-134-149>.
- Gürdeniz C. *Anavatandan Mavi Vatan'a*. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 2021. 463 s.

References

- Avatkov, V.A. (2018). Russia and Turkey: Transition to a polycentric system of international relations. *Scientific and Analytical Journal Observer*, 3(7), 38–52. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2024). “Blue Homeland” as Step for Development of Turkey’s Subjectivity. *Middle & Post-Soviet East*, 3(7), 7–22. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>.
- Gürdeniz, C. (2021). *Anavatandan Mavi Vatan'a*. İstanbul: Kırmızı Kedi yayınları, 463 s.
- Krylov, D.S., & Sbitneva, A.I. (2024). Conflict Interaction between Turkey and the United States in the Syrian Crisis. *Pathways to peace and security*, 1(66), 134–149. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/2307-1494-2024-1-134-149>.

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН (v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Мишин Лев Дмитриевич — младший научный сотрудник, ИНИОН РАН (lev.darsik@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-5460-3931)

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — PhD in Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Lev D. Mishin — junior research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (lev.darsik@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-5460-3931)